

ISSN 0321-0561

В МИРЕ КНИГ

4

89

«ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА»

ВЪ РОССІИ.

НАБРОСКИ СЪ НАТУРЫ Ю. К. АРЦЫБУШЕВА.

Политическіе дѣатели
на засѣданіяхъ совѣтокъ
равъ, солдатъ и крестъ-депутатовъ,
учредительнаго собранія,
крестьянскихъ сѣздовъ и проч.
въ декабрь 1917 и
въ январь 1918 г.г.

МОСКВА.
ИЗД-Т^{во} «КНЕСЕЛЬ».

«А»

альбом Ю. Арцыбушева
«Диктатура пролетариата» представляем
на с. 33

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал
Государственных комитетов
СССР и РСФСР по делам
издательства, полиграфии
и книжной торговли

Издается с сентября 1936 года

Редакционная коллегия
Д. С. БИСТИ
В. И. ДЕСЯТЕРИК
Е. П. ЕГОРУНИНА
В. Н. ЗВЯГИН
Н. П. КАРЦОВ
И. П. КОРОВКИН
А. В. КОЧЕТОВ
(зам. главного редактора)
В. Ф. КРАВЧЕНКО
В. С. МОЛДАВАН
А. И. ПУЗИКОВ
С. В. САРТАКОВ
Н. В. ТРОПКИН
В. С. ХЕЛЕМЕНДИК
Ю. П. ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ

Главный художник
Г. Ю. КОРНЫШЕВ
Художественно-
технический редактор
Е. М. Верба
Технический редактор
Н. Н. Козлова

Сдано в набор 30.01.89
Подписано в печать 02.03.89
А03207
Формат 84×108/16
Бумага Знаменская 100 гр
Печать глубокая и офсетная
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42
Усл. кр.-отт. 21,42
Уч.-изд. л. 11,99+1,39
вкладка
Тираж 151 000.
Заказ 7.
Цена 90 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272 Москва
Сушевский вал, 64
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Ордена Трудового Красного
Знамени Калининский
полиграфкомбинат
Госкомиздата СССР.
170024, г. Калинин,
проспект Ленина, 5

© Издательство
«Книжная палата».
журнал «В мире книг», 1989

Содержание

ВСЛЕД ЗА СОБЫТИЕМ

А. Бедеров. Страсти на Страстном 3
М. Филатова. «...Был просвещенья бедный воин» 86

СОЮЗНИКИ КНИГИ

И. Женеvская. Телемост с продолжением 6

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ОБЩЕСТВО

ПИШЕМ МЕМУАРЫ

В. Маркус. В Кремле, в квартире Ленина 8

МАСТЕРА

Е. Плахова. Эскиз портрета в высоком кресле. (Беседа с Михаилом Лебедевским) 9
М. Лебедевский. Гравер Петра Великого 41
О. Михайлова. Поэт и... вся история России 12

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Новый Завет (Окончание) 15
Н. Тинов. Из плена догм 26

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Т. Дубинская. Здравствуйте, Софья Петровна 27

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО

Я. Белицкий. «Реплики» художника 30
В. Десятерик. Книга, о которой молчали 70 лет 32

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

(Русский поэтический авангард)
А. Крученых. Стихи 52

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «В МИРЕ КНИГ»

Возвращение (Песни воинов-интернационалистов) 58

БЕСЕДЫ С ДИМОНОМ

О. Болдырев. Зайдем в книжный магазин 76

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

В. Рудин. Карандашная история 75

ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ, ДОКУМЕНТАХ

В. Шульгин. Свидетель («Дни», «1920 год») 78

ДЕЛОВАЯ ТЕТРАДЬ

ЗАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛА

Г. Райков. «Как можно снять гипс?» 29
А. Ершов. То, чего у нас нет 45
Ои и она: «Энциклопедия молодой женщины» 47

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

М. Рау. Книжный склад на дому. Почему? 73

ЗА РУБЕЖОМ

«ЖИЛ» В МИРЕ КНИГ

Ю. Комов. Канкан в морге 66

КРОССВОРД

ЧТО? ГДЕ? КОГДА? 87

88

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться на Калининский полиграфкомбинат по адресу, указанному в выход-
ных сведениях.

Всеми вопросами подписки и доставки занимаются предприятия «Союзпечати».

ФОТО В. МИТИНА

СТРАСТИ НА СТРАСНОМ

Москва. Страстной бульвар, дом 5 — адрес Госкомиздата СССР. В этом же здании отныне располагается Общественный институт книги — постоянно действующий орган читательской общности.

СТРАСТЬ — душевный порыв, нравственная жажда; необузданное хотенье (по словарю Даля).

Первый в нынешнем году номер газеты «Известия» привлек внимание многих призывным заголовком: «Кто бросит перчатку Госкомиздату?» Автор заметки убеждал читателей: «Не надо думать, что это новогодний розыгрыш. Госкомиздат в прямом смысле открывает свои двери для критики положения в книгоиздательском деле». Не только критиков, но и конструктивных оппонентов, как выяснилось, ждали в определенный день и час в конференц-зале особняка на Страстном, чтобы с их помощью создать Общественный институт книги, а под его эгидой — «банк идей», направленных на максимальное удовлетворение читательского спроса, совершенствование книгоиздания в стране.

Любое министерство, хотим мы этого или нет, пока учреждение строгое и даже чопорное. Госкомиздат СССР не был исключением из этого правила... до январского вечера, которым мимо сотрудников вневедомственной охраны вступили за его порог несколько сотен людей раскованных, шумных, увлеченных. Одним словом — книголюбов. Они шли меньше слушать, больше говорить, спорить и

ниспровергать. Кого и что? Им казалось, что ответ на вопрос однозначен — «чудовище административно-командной системы в лице Госкомиздата».

Такое настроение существенной части собравшихся не было неожиданным для организаторов встречи. Об этом откровенно сказал, подоидя к микрофону, председатель Госкомиздата СССР Михаил Федорович Ненашев: «В сознании людей сейчас существует стереотип: любое министерство и ведомство — антидемократический бастион. Стереотип этот достаточно прочен, но мы должны его разрушить... конкретной, содержательной, демократической деятельностью этих министерств и ведомств. Все, кто относится серьезно к перестройке, обязаны помнить, что одним из ее принципиальных направлений является преодоление отчуждения между людьми и их отчуждения от активной общественной и государственной деятельности. Управляющим необходимо отвыкнуть думать и творить за людей, а привыкнуть думать, решать и творить вместе с ними. Из этого мы исходили, принимая решение об организации Общественного института книги».

...Песочные часы и мелодичный гонг были призваны «регулировать во времени» активность тех, кто стремился высказаться. Но на эти «академические атрибуты» мало кто обращал внимание. Очередь к микрофонам выстроилась длинная. Во время монологов зал редко взрывался аплодисментами, чаще

терпеливо молчал или непарламентски, шумом, выражал свое отношение к сказанному, мешая стенографисткам исправно делать свое дело.

Руководители центральных издательств, научно-исследовательских и технических служб, книоторговых подразделений вели, так сказать, свой протокол встречи с тем, чтобы оперативно оценить степень полезности высказанных предложений и... раздать призы достойным. Время от времени специалисты не выдерживали роли бесстрастных слушателей и судей, вступали в активный диалог с довольно «самоуверенными» и голосистыми ораторами. Такие моменты, пожалуй, наиболее запомнились, ибо позволяли аудитории расширить свой кругозор, увидеть реальную глубину книгоиздательских проблем и соизмерить с «действительной картиной мира» свои представления о ней.

Голос из зала: Не надо нас дразнить. Зачем Андрея Белого или Всеволода Иванова издавать мизерным тиражом? Пусть такая книга стоит дорого, книголюба это не остановит, лишь бы ее смог приобрести каждый желающий.

В. Адамов — директор издательства «Книга»: Как не согласиться с тем, что Белого надо бы издать трехсоттысячным тиражом и Иванову тираж раз в десять увеличить. Но когда же в таком случае мы сможем выпустить Карамзина, Ахматову, — на них ведь в таком случае бумаги уже не останется.

Голос из зала: Я говорил не об этом, а о системе заказов и о договорных ценах.

В. Адамов: Наше издательство планирует уже в этом году взять на свой баланс магазин и торговать в нем дефицитной литературой по предварительным заказам и по коммиссионным ценам.

Голос из зала: Выходит масса литературы, о которой мы ничего не знаем. Издательства должны информировать общественность о своих планах на два — три года вперед. В таком случае можно будет установить тиражи по авансированным заказам.

А. Курилко — директор издательства «Книжная палата»: Мы уже выпускаем такой сводный тематический план, но ограниченным тиражом. Остановка, как всегда, за бумажными ресурсами.

Ю. Торсуев — директор НПО «Книжная палата»: Мне, как и многим издателям, по душе предложения «облегчить путь читателя к книге». Я поддерживаю и организационный метод достижения этой цели: открытая подписка, авансированный заказ на любые издания. Но в нынешних условиях, к сожалению, это пока утопия — ни бумаги, ни полиграфических мощностей для этого нет.

Шум в зале. Возгласы: А на Пушкина смогли провести подписку без лимита?! На Маяковского тоже получилось!

Торсуев: Думаю, что безлимитная подписка на нескольких классиков — не аргумент.

НА СТРАСТНОМ

гумент в нашем споре. Мне лично этот эксперимент вообще кажется неудачным. Том Пушкина наверняка был почти в каждой семье. В условиях дефицита мы просто спровоцировали новый огромный и ничем не оправданный спрос. Так что же, надо ничего не менять, сидеть и ждать улучшения объективных условий? Нет, конечно. Открытая подписка нужна. Думается, что на таких условиях уже в ближайшее время могла бы выпускаться вся литература для специалистов.

...

Диалоги «профессионалов» и любителей могли все же увести первую сессию Общественного института книги в сторону от главной цели: накопить «банк идей». Такую тенденцию вовремя заметил ведущий встречи, начальник Главного управления пропаганды В. Л. Богданов и призвал издателей — членов жюри более конструктивно воспринимать предложения, тем более, что постепенно в них даже «невооруженным глазом» стали проглядывать вполне реализуемые идеи. Судите сами. Перед вами выписка из рабочей стенограммы:

«...Создать акционерное общество «Книга». При разработке целевых издательских программ привлекать читателей в качестве пайщиков. ...Снять тиражные ограничения при издании книг за свой счет при условии, если автор сам изыщет бумажные резервы. ...Открыть счет в банке на развитие книгоиздания с правом преимущественной по-

купки книг для вкладчиков. ...Создать Всесоюзный клуб потребителей книги.

...Внедрить систему издания книжных текстов на микрофишах, наладить выпуск аппаратуры для их воспроизведения.

...Организовать закупку букинистической литературы на дому.

...Проводить межиздательские аукционы по продаже бумаги.

...Создать Всесоюзный молодежный книжный центр для проведения премьер книг, выпуска пробных тиражей.

...Изучать конъюнктуру книжного рынка, определять рейтинги популярности отдельных изданий и авторов.

...Ввести две цены на книгу: более низкую — для массовых библиотек, выше — для индивидуальных покупателей.

...Хватит! запретительства. Дать возможность читателю библиотеки за свой счет получить ксерокопию отдельных страниц или книги в целом...»

Несколько часов продолжалась первая сессия Общественного института книги. Подустали ораторы и слушатели, но накал страстей от этого не снизился. Ах, как хотелось многим из выступавших «одним взмахом кавалерийской шашки» разрубить «гордиев узел» книгоиздательских проблем. Не удалось. Почему же тогда на их лицах не было заметно разочарования? Думается, что причиной тому стала сама атмосфера встречи — неформальная, нелицеприятная, нетерпимая в первую очередь к пассивности, а не к ошибкам тех, кто ищет новые пути.

Пройдет какое-то время и мы узнаем о том, что некоторые предложения «общественных экспертов» реализованы. Будем надеяться на скорейшее их внедрение в практику.

Посмотрев друг другу в глаза, издатели и читатели в целом и в главном остались друг другом довольны. Они почувствовали себя не разделенными на «мы» и «они». «Первое, что еще раз подтвердилось на этой встрече, — резюмировал ее итоги М. Ф. Ненашев, — в издательском процессе отсутствует самая элементарная гласность. Значит, задача управленцев — всерьез задуматься, как сделать широко доступной информацию обо всем, что планируется к выпуску. Второй вывод — о необходимости расширения всех форм издательской деятельности в стране: содействие выпуску книг вузами, ведомствами, общественными организациями, развитие «периферийных» издательств. Понятно, что книжный дефицит является составной частью общего состояния нашего рынка.

Покончить с нехваткой книг было бы гораздо легче на фоне изобилия всяческих иных товаров. Тем не менее существует немало резервов, и привести их в движение — самая неотложная задача. Ко времени, когда читатели получат этот номер журнала, в Общественном институте книги пройдут еще две еженедельные сессии. Организаторы постарались темы дискуссии на них конкретизировать, локализовать и сформулировали их так: «Пере-

стройка книжной торговли и книгораспространения» и «О взаимоотношениях авторов с издателями». Даст ли это более ощутимые результаты? Наверное. Если к обсуждению волнующих проблем подключатся и заочные «члены-корреспонденты» института — подписчики «В мире книг». Свои предложения и программы можно направлять как в адрес ОИК, так и непосредственно в редакцию журнала.

Февральская и мартовская встречи состоялись без очного участия наших иногородних корреспондентов. Но в будущем желающие могут ликвидировать такую «несправедливость» и специально или по случаю прибыть на Страстной бульвар, пятого апреля, третьего мая или седьмого июня, когда будут последовательно обсуждаться следующие вопросы: «Как решить проблему детской книги», «Какой должна быть массово-политическая литература».

И последняя «информация к размышлению»: «Коллегия Госкомиздата СССР утвердила «Положение об Общественном институте книги», в котором среди прочих положений записано, что «одной из главенствующих задач ОИК является формирование механизма общественного воздействия на процесс перестройки книгоиздания, установление действенной обратной связи от читателей к книгоиздателям».

От нас с вами, уважаемые товарищи, зависит, чтобы все это не осталось лишь красивым лозунгом.

Аркадий БЕДЕРОВ

ТЕЛЕ М О С К В А С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Событие это произошло несколько месяцев назад. Телезрители стали свидетелями советско-американского диалога, впервые посвященного «перспективам книги». Не является ли бурное развитие новых технических средств передачи информации угрозой для книжной культуры вообще! На этот и другие вопросы отвечали участники телемоста «Ленинград — Вашингтон». Свою точку зрения высказали:

Джек Рейнолдс: Книга подвержена влиянию двух основных факторов: развитие новой техники передачи информации и угроза физического уничтожения в результате стихийных бедствий, разрушения с течением времени. Сохранение книг и рукописей — это важнейшая задача. Мы постоянно разрабатываем новые методы хранения и реставрации книг.

Леонид Золотаревский: К сожалению, бедствия постигали и постигают наши крупнейшие книгохранилища. Никто избежать этого не может, хотя инженеры, физики и химики разрабатывают и применяют сегодня эффективные методы хранения и реставрации книжного фонда. Я предлагаю уделить внимание «угрозе», существующей для нашей книжной культуры со стороны средств массовой информации.

Дмитрий Лихачев: Думаю, что развитие средств массовой информации не ведет к уничтожению библиотек, а наоборот, в какой-то мере, поднимает их значение, так как средства массовой информации постоянно обращаются к книгам. Я не представляю себе такой информации, которая была бы полностью оторвана от печати.

Л. З.: И тем не менее, Дмитрий Сергеевич, в реальной жизни телевидение, видеокассеты, видеодиски и другие визуальные средства отодвигают книгу на второй план...

Д. Л.: Я думаю, что с этой реальностью мы должны как-то бороться.

Дэниэл Бурстин: Наши советские друзья, как и мы, с энтузиазмом принимают новую информационную технику, но надо сказать, что сама книга — есть высочайшее достижение техники, предохраняющее человеческие знания от забвения, от разрушения; способ сохранения человеческого интеллекта, плодов его деятельности на протяжении столетий и на огромных территориях.

Дэниэл Аарон: Мы получили прекрасные электронные средства информации, но за это нужно платить. Бессмысленно отрицать прогресс, хотя он и несет в себе определенную угрозу. Интересно, что основатель публичных библиотек в Америке Бенджамин Франклин первым приветствовал новую технику, которая появилась еще при его жизни и обеспечивала более удобный доступ к книгам, сокращала временные затраты на поиски материала. Он не видел противоречий между функцией книги и новой техникой.

Ирина Морозова: Меня не пугает конкуренция книги. В читальных залах крупных библиотек нелегко найти свободное место, несмотря на то, что существуют дискотеки, работают телевидение и радио.

Библиотека Конгресса США и Государственная библиотека им. В. И. Ленина владеют неоценимыми богатствами. Они принадлежат отдельным странам, но, кроме того, всему миру. Мы с удовольствием отме-

чаем прогресс американских библиотек, разрабатываем свои программы, которые, к сожалению, не так быстро реализуются, как нам бы хотелось.

Л. З.: Ирина Васильевна, вы говорили о высокой посещаемости читальных залов крупных библиотек. Вы убеждены, что такая же ситуация царит в маленьких городах Советского Союза, в сельских библиотеках?

И. М.: Думаю, что, если бы эти библиотеки располагали фондами, которые нужны сегодня людям, то они бы не пустовали.

Вилли Петрицкий: Полагаю, что проблема здесь заключается в том, что мы в какой-то мере утратили культуру чтения. Это касается и Соединенных Штатов и Советского Союза. И воспитать ее в людях — это задача номер один как для библиотечных работников, так и для всех, кто любит книгу.

Д. Л.: Раньше в России обычно вечерами устраивались семейные чтения, причем, от отца или матери, знавших своих детей, часто зависел выбор книги. Вот это очень важный момент. И то, что чтение производилось отцом или матерью, имело огромное воспитательное значение. Сейчас эта традиция практически исчезла. На смену ей пришли совместные телевизионные просмотры. Это, конечно, очень печально. Но современные технические средства могут предоставить нам большой выбор, скажем, карточки различных дисков, на которых будет записано то, что отец или мать хотят прочесть своим детям, то есть, та же самая техника, которая разрушила семейные чтения, может, в какой-то степени, восстановить их.

Д. Б.: Я считаю, что чтение дома необходимо. Читать вслух детям — это нужно и важно. Но этого мало. Книга дает нам возможность общаться с людьми за пределами наших семей, узнать то, чего мы никак не можем узнать в кругу семьи. И это как раз функция библиотек в любой стране: дать нам доступ к информации вне семьи, вне нашего общества, вне нашего времени.

Д. А.: Я много лет занимаюсь программой, которая называется «Библиотека литературы Америки». Идея заключается в том, чтобы издать большую серию книг, содержащих все труды классиков американской литературы, включая как беллетристику, так и труды по философии, истории и т. д. Многие такие книги уже вышли в свет, они очень красивы, не слишком дороги, и принимают их очень хорошо. На мой взгляд, это прекрасное начинание. Недавно один из частных фондов также начал кампанию по выпуску недорогих книг. При этом используются различные способы привлечения средств для того, чтобы сделать публикацию таких книг возможной. Эти книги поступают, прежде всего, в небольшие библиотеки, что облег-

чает доступ к ним престарелых граждан, студентов, домохозяек. Это демократический процесс, который идет навстречу потребностям общества.

Л. З.: У меня возникает вопрос, естественный в этой ситуации. Проблема взаимоотношений печатного слова, книги, средств массовой информации затрагивает, как мне кажется, в первую очередь, развивающийся мир. Мы знаем, что целые огромные регионы страдают от неграмотности или от недостаточной грамотности, но уже имеют аудиовизуальные средства: телевидение, радио, видеотехнику и т. д.

Как оценивают эту ситуацию участники нашей дискуссии?

В. П.: Я считаю, что развитие культуры вообще невозможно без развития книжной культуры. А если это так, то, наряду с внедрением современных средств массовой информации, развивающиеся страны должны начинать становление своей издательской деятельности, книжной продукции.

Думаю, что содействовать тому, чтобы книжная культура стала не только национальной, но и общемировой, должны, в первую очередь, наши две страны.

Л. З.: Но не считаете ли вы, что легче помогать развитию своего национального книгоиздания, чем научить читать миллионы и миллионы людей?

В. П.: Научить читать невозможно, если нечего читать.

Д. Б.: Я хотел бы затронуть вот какую проблему: для перемещения и распространения книг существуют различные препятствия. Например, языковой барьер. И в этой связи мы должны сделать все для того, чтобы обеспечить широкий перевод американской литературы на русский язык и наоборот. Но существуют и искусственные препятствия: государственные границы, таможенные установления, цензура в той или иной форме, сложности, связанные с охраной авторских прав. Считаю, что разрешение данных проблем также в наших силах.

Д. А.: В Соединенных Штатах в последнее время высказывается немалая озабоченность в связи с проблемой неграмотности в США. Очень многие представители новых национальных меньшинств, недавно обосновавшихся в наших городах и сельских районах, не владеют английским языком.

Большая роль в разрешении этой проблемы отводится библиотекам. Они могут предоставить различные, в том числе и аудиовизуальные материалы, способствующие быстрому изучению языка.

Л. З.: Хочу напомнить, что наш с вами диалог стал возможен благодаря телевидению. Может быть стоит поговорить и о роли телевидения в пропаганде книжной культуры?

Д. Б.: У меня два замечания. Они связаны со взаимоотношениями между техникой и книгой. Со времен Древнего Рима многие народы совершали одну ошибку, считая, что новое знание, новая техника заставит полностью исчезнуть старую. Однако старое и новое всегда сосуществовало!

Мы в библиотеке Конгресса создали Центр книги. Его задача — найти самые эффективные способы использования телевидения для пропаганды чтения. Наш лозунг: «Если данная программа вас интересует — читайте о ней». Наша задача — обеспечить гармоничное сочетание различных видов технологий распространения знания и информации.

Теперь мое второе замечание. С одной стороны, книга — физический предмет. Это товар. Но такой товар, который обладает уникальными качествами, и ему свойственна универсальность в распространении и освоении широчайшими кругами населения разных стран.

Д. А.: Здесь затронут очень серьезный вопрос. В странах третьего мира во главу угла ставится совсем другая проблема: не создание библиотек, а выживание в самых примитивных формах, порой не обходясь просто накормить людей. Это надо учитывать при распространении книжной культуры.

Я немало путешествовал по странам третьего мира. Меня поражало то, какое колоссальное действие оказывает телевидение и кино, как оно стимулирует идеи и чтение.

Л. З.: Наша дискуссия подходит к концу, и я хотел бы попросить Дмитрия Сергеевича Лихачева прокомментировать сказанное.

Д. Л.: Я, прежде всего, хочу сказать, что позиции участников дискуссии очень оптимистичны и оптимизм этот внушается самим материалом разговора. Действительно, книга не противоречит новым формам передачи информации. Книга вообще — это дверь в интеллектуальную свободу. Читая человек может выбрать, независимо ни от чего, ту книгу, которая ему по душе, которая нужна ему в данный момент. В этом отношении никакие технические средства не могут способствовать этой интеллектуальной свободе в такой мере, как книга. Они могут, как это сегодня уже говорилось, облегчить доступ к ним, уменьшить временные затраты на поиски необходимого материала. Поэтому и библиотечное дело, и книги, и новая техника находятся в союзе между собой.

Телемост закончился. Но будем надеяться, что дискуссия продолжится за пределами телевизионных студий: и в Москве, и в Вашингтоне, и, вероятно, в переписке между специалистами.

Записала И. ЖЕНЕВСКАЯ

В КРЕМЛЕ, В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Владимир Александрович Маркус — старейший советский издательский работник. Более полувека преподавал в Московском полиграфическом институте. Автор учебников по экономике и организации издательского дела.

В октябре 1920 года мне довелось быть в Кремле в квартире Ленина и Крупской.

В тот день Надежда Константиновна захворала и врачи запретили ей выходить на улицу. Так как ее участие в заседании коллегии Наркомпроса считали необходимым, то решили рабочую встречу провести у нее на дому. У меня не было постоянного пропуска в Кремль. В бюро пропусков я предъявил служебное удостоверение, заменявшее отмененный паспорт. Дежурный позвонил к Надежде Константиновне и по ее указанию меня пропустили.

В дореволюционные годы, во времена студенчества мне нередко приходилось бывать в Кремле (вход был свободный) и именно в том здании, где теперь находится квартира Ленина. Там располагалась судебная палата и студенту-юристу, надо было посещать некоторые ее заседания.

Поднялся по лестнице. Дважды останавливали часовые, проверяли пропуск. Пришел в квартиру и через кабинет Владимира Ильича вошел в смежную довольно большую комнату, где уже собрались члены коллегии. За длинным столом на председательском месте — Анатолий Васильевич Луначарский, по сторонам — Надежда Константиновна, замиаркома Михаил Николаевич Покровский, другие члены коллегии.

Через некоторое время неожиданно для нас вышел из соседней комнаты Владимир Ильич. «Здравствуйте, господа» — сказал он и быстро прошел в свой кабинет. Может показаться странным такое обращение: «господа». Но в то время оно еще не вышло из употребления в разговорной речи. Но только — в своем кругу. На митингах и в официальных речах такое не допускалось. В полемических выступлениях «господа» произносилось иронически в адрес белогвардейцев, помещиков, капиталистов.

Заседание продолжалось и затянулось далеко за полночь. По тогдашним правилам после двенадцати ночи нельзя было появляться на улице без специального пропуска. У меня такого не было. Как быть? Луначарский предложил, чтоб я сам написал соответствующее удостоверение. Надежда Константиновна указала мне на кабинет Владимира Ильича и его письменный стол. Я сел за письменный стол Ленина и его ручкой на клочке бумаги написал о себе, что по роду своей службы бываю занят на вечерних заседаниях коллегии и мне

приходится возвращаться домой после 12 часов ночи...

Удостоверение написал красными чернилами. Тогда было обычным всякие удостоверения писать и печатать на пишущей машинке красным. «Революционный» цвет придавал им большую значимость. Для малограмотного патруля он как бы подтверждал достоверность документа и внушал доверие к его обладателю. Удостоверение подписал Луначарский. Но оно без печати недействительно. К счастью, секретарь Владимира Ильича Л. А. Фотиева также задержалась в кабинете. Она приложила к удостоверению имеющуюся у нее печать Управления делами Совета Народных Комиссаров РСФСР. Это удостоверение, написанное ручкой Ленина и за его письменным столом я хранил как реликвию.

Встреча, о которой я рассказывал, дала мне возможность увидеть Ленина совсем рядом. Фотографии и художественные портреты не дают полного представления о внешнем облике Ленина. Они лишены возможности передать наиболее характерные особенности его лица — подвижность, každo-минутную сменяемость выражения.

Может быть, в этом отношении наиболее удачной оказалась серия зарисовок художника Натана Альтмана, сделанная им с натуры в кремлевском кабинете Ленина в разные моменты работы Владимира Ильича: за письменным столом, у телефона, за разговором с посетителями и т. д. Ленину разрешили сделать зарисовки по просьбе А. В. Луначарского и при условии, что Альтман ни на минуту не будет отвлекать его от работы. «Моментальные портреты» были сделаны в 1920 году, а в следующем — изданы в виде альбома, тиражом в 5 000 экземпляров. Альбом напечатан в Петрограде у типографии бывшей Голицы и Вильборга (ныне — им. Ивана Федорова). Курьезно, что на бумаге, на которой отпечатаны портреты Ленина, имеются водяные знаки: «Печать императорской академии живописи, скульптуры и архитектуры». Видимо, была использована бумага, оставшаяся в типографии с дореволюционного времени от заказов академии. Многие другие художники, создававшие портреты Ленина, приглашали позировать им Николая Ивановича Морозова, удивительно походившего на него внешне. Между прочим, Морозов был воспитанником Владимира Алексеевича Гиляровского. Позже стал сотрудником издательства «Советская Энциклопедия», моим сослуживцем.

...Мне довелось еще дважды видеть Ленина.

Первый раз — осенью 1918 года на митинге в оперном театре Зимина (сейчас там оперетта). Ленину делал доклад по «текущему моменту». Второй раз — в том же году в Народном Комиссариате по просвещению, где я работал управляющим делами.

Помню поднявшегося на сцену человека среднего роста, в пиджаке нараспашку, в мягкой машинке с майжетами, в галстуке. Он не стоял на кафедре, не читал по заранее написанному, а быстро ходил по сцене и говорил страстно, энергично. Иногда вынимал из кармана жилета небольшую записку, взглянув на нее, переходил к следующему тезису.

В то время микрофонов не было, приходилось напрягать голос. Зрительный зал огромный, переполненный до отказа, но такая тишина, что ни один звук, ни один нюанс не пропадал. Некоторая картавость оратора не только не мешала воспринимать речь, но даже как-то помогали слушателю. Запомнились некоторые особенности выступления Ленина. Никаких «красивостей» и «витиеватостей». Чистота русского языка. Краткие приведенные поговорки или пословицы, усиливали образность речи.

А теперь о встрече в Наркомпросе. Наркомат находился на углу Крымской площади и Остоженки. Вход со стороны Крымского моста. Ранее в этом здании помещался лицей имени цесаревича Алексея.

Ленину приехал на заседание комитет (по современному — на собрание). На повестке дня — вопрос «Об единой трудовой школе». Партийной организации было важно знать мнение Владимира Ильича, и Надежду Константиновну уговорили попросить его присутствовать на этом заседании.

Ленин с Крупской приехали к назначенному времени. Я случайно вышел в вестибюль и увидел их поднимающимися по лестнице. Ленину в легком пальто, в кепке. Крупская держала его за руку и торопливо вела за собой. Мы поздоровались. Рукопожатие тогда было отменено из-за свирепствовавшего тифа. Надежда Константиновна спросила меня, где проходит собрание. Я ответил и они пошли дальше.

Меня крайне удивило, что никто их не сопровождал и, главное, — никто не встречал. А они, видимо, даже не обратили на это никакого внимания...

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА В ВЫСОКОМ КРЕСЛЕ

МИХАИЛ ЛЕБЕДЯНСКИЙ

Уважаемый читатель!

Особенно — читатель со стажем. Вам-то, наверное, знакома эта рубрика, которая время от времени появлялась на страницах «В мире книг» и приводила за собой то художника, то писателя, то скульптора.

В каждом деле есть мастера. Как-то принято так называть, допустим, спортсмена, рабочего — тут, правда, с обязательным «штампом» — мол, «золотые руки». В издательском деле, если разговор идет не о полиграфистах, слова «мастер» как-то не слышишь. Его как бы нет, а люди, которых можно так назвать, есть. Настоящие, отличные мастера — редакторы, корректоры, переводчики. Издатели. Организаторы, чьими усилиями создаются прекрасные вещи. Главные фигуры кингиздания, остающиеся в тени. С одним из них мы хотим вас познакомить поближе.

Что значит — поближе? Разговор может показаться читателю, привыкшему к тому, что наши издательские руководители обычно рапортуют об успехах,

о проделанной работе, делятся насущными заботами и т. д., несколько непривычным. Мы хорошо представляем себе тип руководителя, аппаратчика, «орговика». А вот каковы они — люди?

Нельзя не признать: слава наших издателей, как бы усердно они, словно щитом, не прикрывались от нападков «достигнутыми показателями», сильно потускнела. Поубавилась. Они и впрямь усердно способствовали этому. Сколько книг различных оттенков — от серенького до серого — выпустили. А в ряде случаев слава эта приобрела скандальный смысл. И было бы совсем печально, если бы только по громким «делам» в издательском мире Москвы, Алма-Аты, Ташкента — об этом щедро писала пресса, наш читатель представлял, какие мы, издатели.

Скажите, разве не замечательный редактор придумал «пейзажный цикл» детских книжек Татьяны Мавриной и Юрия Ковалю, предложил веселое нестандартное оформление «Библиотеки молодой семьи», рискнул на факсимильное издание памятных литературы, за-

дался вопросом: а почему бы не издать у нас в стране книгу великого Ноберта Винера? Остроумную книгу физика с мировым именем о жизни, о себе и о кибернетике? Собрал ведь коллений творческий коллектив и «поднял» невероятную, необъятную тему — мировую мифологию (счастливы, обладатели двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» подтвердят, что это, несомненно, правда). Да что говорить!..

Наш собеседник — главный редактор издательства «Изобразительное искусство» Михаил Сергеевич Лебединский. Ученая степень доктора искусствоведения. Зарубежные партнеры — крупнейшие издатели мира. Представительный кабинет. Деловые совещания, встречи, заседания. Все, как обычно. День расписан. В нем оставлено «окно» для нас...

— Михаил Сергеевич! Читатель получил редкую возможность поговорить вполне откровенно с руководителем, решающим, что издавать, а что нет...

— С таким диктатором издательского масштаба? А не получится ли в таком случае разговор скучным, вы не боитесь? Да и вообще: тип руководителя-диктатора очень хорошо известен — и в литературе тоже достаточно изучен. И, к сожалению, многие испытали на себе, что это такое... Если речь обо мне — то я не решаю: что издавать, а что — нет. У нас в издательстве мощный редсовет: искусствоведы, художники, ученые, писатели...

— Да, но ваше слово, думаю, все-таки имеет большое значение. Вы сами достаточно известный ученый, доктор искусствоведения. Совпадают ли ваши вкусы, пристрастия с тем, что приходится делать «на службе»?

— Не всегда. Но сам ритм издательской работы, конкретность ее результатов — это мне очень импонирует. Что касается отдельных авторов, книг — часто не совпадает. И все-таки главный редактор не должен, по моему, руководствоваться только своим вкусом и личными пристрастиями в конкретных оценках. Он должен быть терпим, что ли. Целый ряд книг, авторов, художников, о которых рассказывают эти авторы, лично мне не по душе. Но из этого не должно быть предпринято каких-то организационных, административных шагов. Само по себе изобразительное искусство, как и все духовные ценности, требует широты взглядов, объективности, многостороннего анализа...

— Ведь из-за отсутствия как раз такой трезвой оценки страдают не только художники и их творения. Страдаем все мы, зрители, читатели, «соучастники» художественного творчества. Как ни банальна эта мысль, а всего лишь несколько лет назад она не бралась в расчет, а иными считалась крамольной...

И. знаете, приходилось ведь доказывать казалось бы очевидные вещи. Но листая эти монографии, альбомы, вышедшие в годы застоя, и сейчас как-то не обнаруживаешь ничего особенного, из-за чего так сильно «ломались копыта».

— Это вы рассуждаете, «стоя на плечах гигантов», из нашего прекрасного

сегодня... А представьте себе то время, когда за — только просмотр! — зарубежных альбомов Пикассо исключали из художественных вузов: «Нельзя, развращает молодежь!» Совсем недавно в библиотеках вывели из спецхранов альбомы иностранных издательств, экспонировавшихся в частности, и не раз, на ММКВЯ, посвященные творчеству наших соотечественников — Филонова, Малевича.

— А над альбомом другого знаменитого их современника. Лентулова, идет усердная работа в одном из московских издательств уже 30 лет. Тщательно трудятся, не ленятся, надо отдать им должное...

Однако мы уклонились несколько в сторону. Ваше издательство справедливо считает издательством высококачественных, серьезных, но довольно академичных (если не сказать, суховатых) книг, альбомов, монографий, сборников.

— Зато сложно упрекнуть нас и наших авторов в неточности фактов, недостоверности. Не знаю, как для читателей, а лично для меня, специалиста, работы интересны прежде всего ясной мыслью, тем зеленым ростком новых поисков, подходов, что пробивается в книге. Богатство информации.

Существует общая концепция в деятельности нашего издательства, его тематическая направленность, которая определяет, если хотите, его лицо. Это — пропаганда лучших достижений мирового, отечественного и советского искусства. С этой точки зрения и ведется работа всего нашего коллектива, в том числе и моя. Оценки в том, что является лучшим, особенно по отношению к современному искусству, очень различны, и здесь как раз требуется объективность в подходах к рассмотрению конкретных предложений и заявок авторов и художников со стороны руководства издательства.

— В таком случае, наш вопрос: какие книги, которые готовятся к выпуску в вашем издательстве, вы бы прочитали с удовольствием как простой читатель, какие — как специалист? Какие книги вам особенно понравились, так, что вы ими гордитесь?

— Таких книг достаточно много в наших планах выпуска 1989—1990 годов. Как простой читатель я с удовольствием прочту переиздание книги И. Немоловой «Загадки старых картин» — о собрании французской живописи XVIII века в Государственном Эрмитаже, прелестную, остроумную книжку «Сотворение мира» Жана Эффеля, монографию об английском живописце Гейнсборо Е. Некрасовой, книгу А. Каменского «Анна Голубкина. Личность. Эпоха. Скульптура» и много других наших изданий. Как специалисту мне будет, например, интересно познакомиться с работой Т. Каптеревой «Искусство Португалии», — тут впервые в советском искусствознании дается тонкий, полный анализ многих произведений живописи, скульптуры и архитектуры этой страны с древнейших времен до наших дней. Книги В. Турчина «Искусство Великой французской революции» (там много страниц, открывающих какие-

то новые моменты), В. Арсланова «Формальная школа в западном искусствознании», А. Верещагиной «Русская художественная критика. Очерки. Середина — вторая половина XVIII века» (это просто то, что мне надо!), В. Толстого «Монументальное искусство и общество. (Опыт СССР)». Уверен в их судьбе и как издатель. Среди книг и альбомов «Изобразительного искусства» последних лет, которые мне особенно понравились, я бы назвал «Очерки по истории и технике гравюры», «Борис Кустодиев. Потреты деятелей русской культуры», альбомы «Московская изобразительная Пушкиниана», «Кранахи — семья художников», «Карл Брюллов», книги В. Брюсовой «Федор Зубов» и Н. Езерской «Передвижники и национальные художественные школы народов России». И конечно, великолепный альбом «Искусство Китая».

— Что ж, рекламу вы дали своим изданиям превосходную. А вот где их купить?

— К сожалению, у нас нет своего магазина в Москве. Наши книги — представьте — разыгрываются в художественной лотерее... Это, конечно, почетно. И грустно очень. Получается, что великое искусство по-прежнему, как ни говорите, а элитарно. Выход вижу не только в росте тиражей, но и в Музее книги — настоящем центре культуры, пропаганды лучших достижений книжников-художников, полиграфистов, издателей. Хотелось бы открыть и фирменный магазин-клуб — хотя бы в Москве и Ленинграде. Столько ярких искусствоведческих сил расходуется впустую. Столько интересного материала просто оседает втуне — не все же вместишь в издание. А иногда полезно взглянуть, что же не вошло, не так ли? Пospорить с автором, быть может.

— В ваших жизненных интересах — однажды был такой период — удачно сочетались политика и искусство. Это неудивительно. История знает много подобных примеров. И все-таки, согласитесь, трудно встретить молодого комсомольского работника, который вполне профессионально мог бы судить о гравюре времен Петра I, увлекаться бы серьезным искусством на таком уровне. Почему так происходит? И что могло бы сделать, например, ваше издательство, чтобы приобщить молодежь к искусству, к классике (не будем кивать на «Молодую гвардию» и ее задачи и возможности).

— Вот этим я действительно горжусь. Свою научную работу — первую, серьезную, мне удалось завершить и подготовить к печати, работая в райкоме комсомола.

— Кем?

— Первым секретарем. У меня было больше внутренней уверенности, когда приходилось решать многие текущие комсомольские проблемы и выступать перед своими сверстниками с различными призывами и предложениями, когда я знал, что сам стараюсь не отстать от лучших из них, занимаясь не только оргмероприятиями, но и

чем-то серьезным, выходящим за пределы моих прямых служебных обязанностей. Честно: скучно быть просто «орго-виком», функционером. Мне всегда казалось, и кажется до сих пор, что авторитет любого человека, в том числе и руководителя, становится весомее, если ему удается сочетать организационную работу с подлинно творческой. Такой человек не может быть бюрократом, и всегда, в любые времена, будет у дел и сможет приносить пользу людям. Да и не будет обеими руками держаться за кресло. У него же в руках дело!

Отвечая на ваш вопрос, как мы приобщаем молодежь к искусству, скажу, что наши книги, многие из которых богато иллюстрированы, конечно, привлекают внимание молодежи. Но мы думаем о нашей дальнейшей работе в этом направлении и уже издаем много популярной литературы об изобразительном искусстве для молодого читателя. В наших планах — издания, которые мы будем готовить вместе с Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и с Государственной Третьяковской галереей. Будем выпускать массовым тиражом и книги для самых маленьких читателей дошкольного и младшего школьного возраста: «О чем рассказали яблоки» (о натюрморте), «Я люблю родную землю» (рассказы о пейзаже), «Что за чудо эти звери» (как изображают художники животных), о том, как создавали московский памятник А. С. Пушкину и многие другие работы.

Мы — единственное в стране издательство, которое издает учебники по изобразительному искусству для студентов высших и средних художественных институтов и училищ: «История русского искусства», «История зарубежного искусства», книги по реставрации и другую литературу. Сейчас сотысячным тиражом мы издаем «Школу изобразительного искусства» в десяти выпусках, первые два из которых уже вышли в свет.

Издаем мы миллионными тиражами и иллюстрированные детские сказки, познавательные и позадравительные открытки, комплекты репродукций лучших произведений мировых и отечественных художников для использования их в школах, библиотеках, культурно-массовой работе.

Программа, как видите, большая и из года в год мы будем ее расширять.

— Знакомое название мелькнуло у вас: «Что за чудо эти Звери»? Автор этой книги Лидия Кудрявцева?

— Да.

— Так что ж, могу сообщить вам, что я хорошо помню эту прелестную, добрую и умную книжку и даже 10 лет назад писала о ней в «Литературной России». Но ведь книжка вышла в «Малыше»?

— Да. Программа для самых маленьких об изобразительном искусстве — малышовская. Но детское издательство исключило ее из своих планов. И мы решили: кому же, как не нам? Чем виноват читатель, что останется без хорошей книги? Конечно, «Чудо-зверей» мы издадим по-новому, по-своему, это

не будет простой перепечаткой, механическим переизданием. Лучшие из книг прежней, малышовской серии, обретут новую жизнь, новое лицо — а, значит, и новых читателей.

— Американцы, пытаясь приобщить молодежь к искусству, активно использовали поп-арт. Целое поколение воспитано на таком художнике, как Энди Уорролл. Как вы думаете, станет ли таким «властителем дум» современной нашей молодежи авангард — скажем, из числа тех художников, чьи работы дважды выставались в прошлом году в Манеже.

— «Авангард» властителем дум молодежи уже стал. Это вполне естественно. То, что искусственно скрывалось, пряталось в запасники, сейчас привлекает к себе особое внимание и в первую очередь, конечно, молодежи, которая так жадно всегда тянулась к новому и неизвестному. Однако, мне кажется, что сейчас тяга молодежи к изобразительному «авангарду» во многом дань моде и нынешним обстоятельствам нашей художественной жизни. Через какое-то время интерес к неизвестному и недоступному будет удовлетворен и останется слой любителей и приверженцев «авангарда», а интерес ко всему духовному богатству изобразительного искусства, в том числе и к классике, не иссякнет, а будет, как мне кажется, еще более стойким и глубоким. Воспитывать эстетический вкус надо, по моему, на классике мирового и отечественного искусства. Это мы и пытаемся делать в своих лучших изданиях.

— «Мертвые» и «живые» классики. Почему предпочитают чаще издавать классиков живых? Ведь выгоднее издательству переиздания. Как вы думаете, почему не переиздают литературно-критическое наследие Коровина, Бенуа, Петрова-Водкина, Мухиной, Репина, наконец? Крамского? Когда-то, лет двадцать назад, издали кое-что и все. Быть может, стоит отдать такие позиции в издательства литературного профиля?

— «Живые» классики располагают реальной властью сегодня и используют ее со всей, свойственной каждому из них, силой, а «мертвые» — взывают к нашим душам, но «телефонным правом», увя, не обладают. Однако программа переизданий наших лучших книг и альбомов из года в год становится у нас больше и обширнее. Например, в 1988 году мы переиздали книги уже ушедших от нас авторов: Ю. Колпинского «Великое наследие античной Эллады» и И. Зильберштейна «Художник-декабрист Николай Бестужев». В наших планах переиздания воспоминаний К. А. Коровина (1989 г.), И. Крамского (1989), издание литературно-критического наследия В. Мухиной. Ни за что не откажемся от этого и в «литературные» издательства такие позиции не отдадим!

— Яркая, интересная книга — тоже изобретение. Существуют авторские, издательские права. Но, быть может, стоит подумать об особой оплате, в случае, если книга становится бестселлером, труда редактора, художника. Как поощряются в таком случае люди? Только премия — и все. Справедливо ли это?

— Художник, также как и автор, получает гонорар за свою работу. Труд текстовых и художественных редакторов, кроме премий, требует и иных форм поощрения. У нас это и выдвижение на медали ВДНХ, на присвоение почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», прогрессивно-премиальная оплата труда.

— Хорошо, поставим вопрос иначе. Вы «за» модель «редактор-директор книги»?

— Мне эта модель нравится. Да, книга, порой, — это настоящее изобретение. И его надо защищать так, как защищают настоящее изобретение. Через ВААП, скажем. Правда, система защиты такого изобретения — книги — у нас продумана, честно говоря, на скорую руку, плохо действует, допускает и грабеж среди бела дня, внутри страны, когда другие издательства переиздают книгу, так сказать, один к одному, не особо затрачивая силы и нервы. А как, порой, тяжело досталась она редактору, сколько своих мыслей светлых вложил он в автора, художника, оформившего ее, даже — в полиграфистов. Конечно, было бы неплохо особо поощрять таких редакторов-изобретателей, творцов нового. Давайте вместе подумаем, как. Быть может, читатели предложат. Читатели-профессионалы, которые работают в книгоиздании, и просто читатели — а им, возможно, со стороны видней, как и что лучше, правда?

— Правда-то правда. Читаю письма наших читателей и удивляюсь, как же им небезразлична судьба книгоиздания, вообще — книги, даже — нашего журнала. Казалось бы, «Что ему Гекуба? Что он Гекубе?» И все-таки.

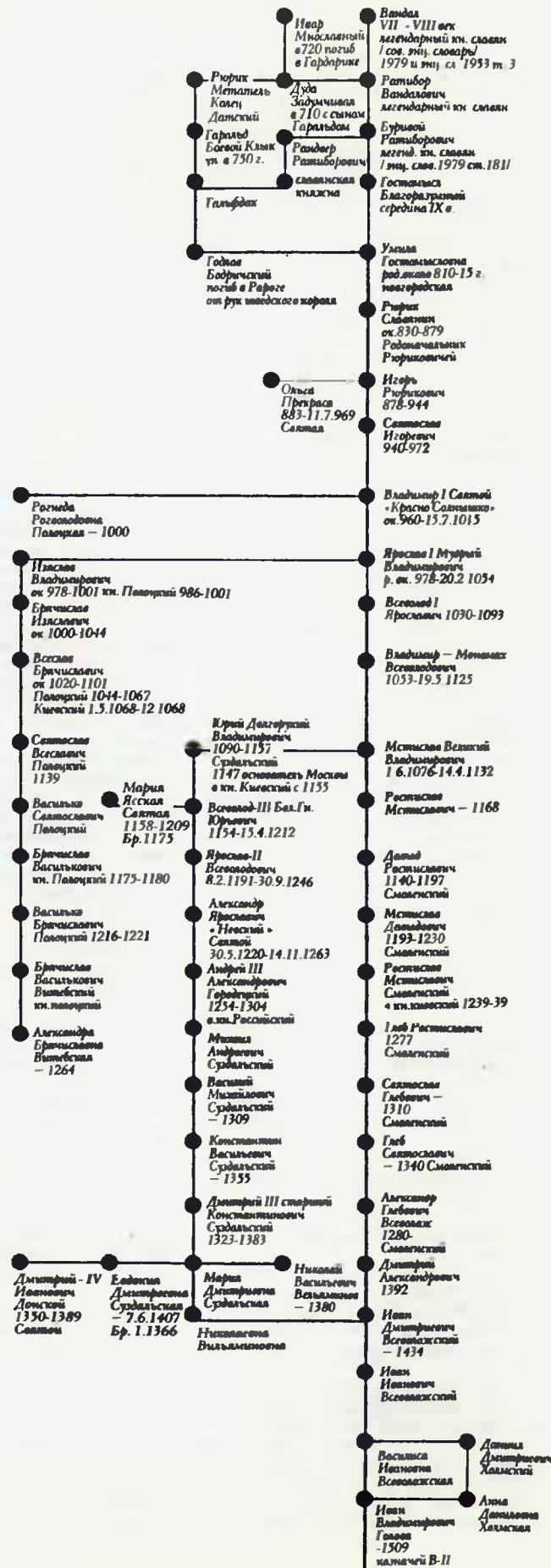
Прежде чем завершить беседу: как поощрить редактора? Может быть (не дожидаясь многомудрых советов со стороны), лучшим из них продать акции хозрасчетного издательства, для участия в прибылях, для того, чтобы чувствовать и заботу о себе и активнее участвовать в заботе об общем деле?

— Это вопрос будущего. У меня есть на этот счет мнение, прямо скажем, ретроградское. Скажу только: если все будет поставлено на рельсы получения прибыли, тогда лишимся качественной научной литературы. Она не всегда, да что там! — почти всегда убыточна. Но — необходима. А сколько, порой, содержит зеленых ростков нового!.. Что, не очень эффектная концовка разговора получается, да?..

Говорят, стиль — это человек. Мы попытались в краткой беседе показать вам, что за человек возглавляет одно из престижных издательств — «Изобразительное искусство», определяет его стиль — строгий, точный, классический. Чтобы вы составили достаточно полное впечатление об этом человеке — предлагаем вниманию читателей отрывок из книги Михаила Лебединского о русском художнике-гравере, подлинном виртуозе этой сложнейшей техники Алексее Зубове. В 1990 году эта книга выйдет в Ленинграде, в издательстве «Художник РСФСР».

Портрет «рисовала»
Елена ПЛАХОВА

ПОЭТ И... ВСЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Петр
Иванович
Головин
— 1525

Петр
Петрович
Головин Мени.

Петр
Петрович
Головин
— 14.12.1627
богатырь

Петр
Петрович
Головин
— 1634

Михаил
Петрович
Головин
— 1689
богатырь

Иван Бас
Михайлович
Головин

Евдокия
Ивановна
— 1725

Александр
Петрович
Пушкин
— 1725

Лев
Александрович
Пушкин
— 17.2.1723 — 25.10.1790

Сергей
Львович
Пушкин
— 23.5.1770 — 29.7.1848

Александр
Сергеевич
Пушкин
6.6.1799 — 29.1.1837

Александр
Александрович

Григорий
Александрович

Григорий
Григорьевич

Юлия
Григорьевна
Пушкина

Олег
Тихонович
Пушкин

Андрей
Олегович
Пушкин
30.11.1984

Замечен парадокс — наиболее значительные имена нашей литературной классики все менее и менее вызывают интерес. Вот в прошлом году как-то незаметно прошел юбилей И. С. Тургенева... Похоже, мы вспоминаем о великих не для того, чтобы открыть для себя что-то новое. Мы просто отдаем им дань признательности за то, что они наши соотечественники, отмечаем даты их рождения или смерти дежурными публикациями.

К 150-летию со дня рождения Пушкина в Манеже была организована выставка. Она грешила тем же, но один из ее экспонатов все-таки привлек всеобщее внимание...

Пушкин писал:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родине,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

Александр Сергеевич не знал, конечно, всех своих далеких предков. Не знал, например, о том, что он прямой потомок в 31-м колене Рюрика. Он мог знать лишь ту малую часть людей, которые укрепились в семейных преданиях, передаваемых «бабушками».

Ученые давно пытаются составить полное родословие поэта. Еще до революции этим занимался выдающийся историк Модзалевский с группой коллег, но они смогли назвать лишь 340 имен.

И вот на юбилейной выставке в Манеже было представлено генеалогическое древо рода Пушкина, включающее более 3 тысяч имен. Род этот — свидетельство «древности» — включает все отечественные знаменитые имена, всю ключевые моменты нашей истории отразились в нем, т. е. он охватывает всю историю нашей страны.

Графически это выглядит просто, правда, занимает большую площадь. Имена, даты, краткие сведения из биографий, и линии, соединяющие имена. Вот и все. Многим ли это интересно? Литературоведам, историкам, психологам, еще, пожалуй, людям с богатым воображением. А если ты не в ладах со знанием истории (многие ли у нас имели возможность познать истинную историю и полюбить ее?), если Пушкин интересен тебе на уровне лирики и «Капитанской дочки», если ты не задумывался о необходимости знать свои корни — у этой огромной схемы надолго не задержишься... пока не побеседуешь с ее создателем.

Андрей Андреевич Черкашин не историк, не литературовед, не филолог по образованию, и тем не менее он сделал для науки, да и для нас с вами бесценное дело. Причем занимался он этим не ради официального признания, не ради славы, а для души, освещенной, как он считает, гением великого поэта. «Род Пушкина благословен, — говорит Андрей Андреевич, — он без изъянов. Существует более тысячи лет, и в нем нет ни одного предателя, изменника, стяжателя. Только двое из родственников Пушкина фигурировали в истории как

казнокрады, но недавно удалось установить, что они были несправедливо осуждены по навету (мотив — политический)».

7 предков поэта канонизированы церковью в святые. Ольга Прекраса, Владимир I Красно Солнышко, Михаил Всеволодович Черниговский, Александр Невский, Мария Шарновна — жена Всеволода III, Михаил Ярославич II, жена его Анна Дмитриевна Ростовская. Владыко Александр, ректор Загорской духовной академии рассказал об этом Андрею Андреевичу.

30 лет занял этот труд и продолжается сейчас. Взглянув на сделанное, автор сам ахнул, поразившись, как поразились грандиозности созданного древние египтяне, закончив строительство пирамиды. Мы не ахнем, потому что не знаем, как трудоемка была работа. Первые три года Черкашин бился впустую, работа не дала интересного результата. Другой бы махнул рукой. Андрей Андреевич стал искать причину неудачи. Сколько было перчитано и передумано... И метод был найден: стало совершенно очевидно, что родословную схему предков Пушкина не составить в отрыве от истории России. Одно должно накладываться на другое. И тогда началась работа, которая завершилась еще одной схемой.

В квартире Черкашина в Москве на Преображенке лежит, свернутое в толстый рулон, свидетельство о том, что у нас есть история (ведь сегодня многие усомнились в целостности и искренности ее), что она богатейшая. По этой работе можно проследить всю историю нашего государства. За 10 лет Андрей Андреевич составил эту графическую схему, самую полную историографию России из доныне существовавших. Печально, что она не только не опубликована, но о ней почти никто не знает. Совсем недавно ее увидели специалисты. Известно, сколько времени займет ее проверка, какая судьба ждет...

Генеалогическое же древо рода Пушкина проверено учеными в Институте Истории СССР АН СССР, в Институте русской литературы и мнение доктора филологических наук А. Н. Иезуитова таково: оно «представляет родственные связи поэта с исчерпывающей полнотой». Узнали о работе и за рубежом — японцы просили разрешения опубликовать родословие. Андрей Андреевич не согласился. Жаль... может быть, оно скорее пришло бы к нам через далекий остров. Ведь у нас, насколько мне известно, издание полной генеалогии не планируется пока. Готовится только книга со схемой прямых предков и потомков Пушкина.

Кстати, о потомках. По последним сведениям, их сейчас примерно 160 человек, половина из них живет в нашей стране (в Москве — 41 человек). Правнуку Пушкина Григорию Григорьевичу Пушкину сейчас 75 лет. Он рассказал Черкашину о нескольких зарубежных родственниках поэта, с которыми впоследствии состоялась встреча — четырех сестрах-англичанках и швейцарке Ольге-Екатерине-Аде фон Меренберг (ей 91 год, она внучка Александра II и правнучка А. С. Пушкина).

Правнук Пушкина живет в Москве.

Кто-то из знаменитых ученых шутил, что занятие наукой — это способ удовлетворить свою любознательность за счет государства. Андрей Андреевич проводил свои изыскания самостоятельно, делал это для души. Вот еще одно доказательство суждения, что энтузиаст иногда делает больше, чем целое учреждение. На него не давит бессмысленное нормирование рабочего времени, поэтому продуктивность его труда выше. Он не замкнут профессиональным общением в кругу коллег и, контактируя с разными людьми, он невольно, но непременно заражает своим интересом каждого. Не говоря уж о членах семьи. Внуки Черкашина, часто бывая у дедушки с бабушкой, впитывают разговоры об истории, о роде Пушкина, постоянно видят множество изображений родственников поэта, размещенных по всей квартире. Дома у шестилетнего Мити тоже, как и у дедушки, висит генеалогическое древо рода Пушкина. Во время моей беседы с Андреем Андреевичем Митя, раскачиваясь на спортивных кольцах, повторял услышанные древнерусские имена предков Пушкина — Инвар Многославный, Умила Гостомысловна, Олег Гориславич, Александр Невский...

Есть много примеров определяющего влияния окружающей ребенка обстановки на направление его мыслительной деятельности в будущем — стены детской комнаты математика Ковалевской были оклеены страницами из математических книг; известные всем супруги Никитины, заметив у маленького сына своего интерес к химии, повесили на стену большую таблицу Менделеева — теперь он химик; мне рассказывали о молодом ученом, написавшем блестящую диссертацию по глобальным вопросам экономики империализма, что с детства он постоянно видел перед собой политическую карту мира. Не выйдет ли из семьи Черкашиных историк или литературовед?

Сам Андрей Андреевич из семьи кондитера. Когда ему было 20 лет и он участвовал в боях с фашистами, в освобожденном местечке Полотняный Завод у него произошла встреча, определившая его дальнейшую деятельность. Местный житель рассказал Черкашину, что на этой земле было имение Гончаровых, где выросла будущая жена Пушкина, здесь бывал сам Пушкин, отдыхали его дети. Здесь дедом Натальи Гончаровой был построен полотняный завод (под нашими парусами ходил не только российский флот, но весь английский и половина французского); здесь в доме Гончаровых останавливался Кутузов...

У Пушкина есть слова: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю кроме истории наших предков». Для нас слишком велик авторитет человека, сказавшего эти слова, но сегодня они вызывают отклик не в каждом сердце. И все-таки хочется верить, что еще не загублены наши возможности, есть еще почва для горячего патриотизма. Работа Андрея Андреевича Черкашина тому свидетельство.

О. МИХАЙЛОВА

На недавней выставке «Лики России», проходившей в Москве были вывешены обе уникальные работы Андрея Андреевича Черкашина. Посмотрев книгу отзывов, мы обнаружили, что почти во всех записях эти работы отмечены как самые интересные и впечатляющие:

«Потрясающее впечатление на нас, молодых, производят родословные таблицы, составленные Черкашиным А. А. Неплохо было бы их издать».

ТИМОФЕЕВ

«...когда увидела работы Черкашина А. А., была потрясена его титаническим трудом и все другие работы, представленные на выставке, утонули в глубине истории моей Родины и долго не хотелось отходить от уникальных схем и фотографий»

ИЛЬИНА,
преподаватель литературы

«...какая гигантская работа проделана Андреем Андреевичем Черкашиным! Очень жаль, что его труд во славу истории нашего государства по-настоящему не оценен ни наукой, ни государством. Какой клад знаний — при соприкосновении с А. А. Черкашиным, его влюбленностью в свое дело, хочется быть патриотом своей Родины до конца своей жизни и трудиться на своем рабочем месте пуще, чем ты трудился до этого».

Жители г. Одинцово, супруги
САПЕГИНЫ

«Очень прошу опубликовать «Историографию России» и «Полное родословие А. С. Пушкина». В любом журнале, хорошо бы с фотографиями».

«Изумлен работой А. А. Черкашина! Такие схемы должны быть на столе каждого русского человека, без них невозможно изучение истории России».

Необходима публикация для школьников, студентов, для нашей молодежи».

(Подпись неразборчива)

«Эти схемы как бы снимают пелену с глаз — и начинаешь глубже видеть свою историю, свою Родину».

Настоятельно просим быстрее и большим тиражом издать эти схемы в виде альбомов».

В. АГЕЕВ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

НОВЫЙ ЗАВЕТ ОТ МАТФЕЯ

Святое благовествование

16

16. И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел.

Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько коробов вы набрали? Ии о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали? Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского.

Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков.

Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня?

Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Тогда [Иисус] запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.

С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейших и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да

Окончание. Начало в № 11—12 (1988).

не будет этого с Тобою! ²³ Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблази! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. ²⁴ Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ²⁵ ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; ²⁶ какова польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? ²⁷ Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его. ²⁸ Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

17

17. По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, ² и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. ³ И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. ⁴ При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. ⁵ Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. ⁶ И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. ⁷ Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. ⁸ Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. ⁹ И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

¹⁰ И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илия надлежит придти прежде? ¹¹ Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; ¹² но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, вступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. ¹³ Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

¹⁴ Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклонив пред Ним колени, ¹⁵ сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду, ¹⁶ я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. ¹⁷ Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. ¹⁸ И запретил ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час. ¹⁹ Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его?

²⁰ Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас; ²¹ сей же род изгоняется только молитвою и постом.

²² Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, ²³ и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились.

²⁴ Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали:

Учитель ваш не даст ли дидрахмы? ²⁵ Он говорит: да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? ²⁶ Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свободны; ²⁷ но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя.

18

18. В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном?

² Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; ³ итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; ⁴ и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; ⁵ а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. ⁶ Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблази приходит. ⁷ Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; ⁸ и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.

⁹ Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. ¹⁰ Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. ¹¹ Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять а горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? ¹² и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти незаблудившихся. ¹³ Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.

¹⁴ Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; ¹⁵ если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; ¹⁶ если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.

¹⁷ Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. ¹⁸ Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ¹⁹ ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

²⁰ Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? ²¹ Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.

²² Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать рабами своими; ²³ когда начал он считаться, приведен был к нему некто,

который должен был ему десять тысяч талантов; ²⁴ а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить; ²⁵ тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. ²⁶ Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему.

²⁷ Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. ²⁸ Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе. ²⁹ Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. ³⁰ Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее. ³¹ Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; ³² не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? ³³ И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. ³⁴ Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его.

19

19. Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, Заиорданскою стороною. ² За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там.

³ И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? ⁴ Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? ⁵ И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. ⁶ Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? ⁷ Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; ⁸ но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует. ⁹ Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. ¹⁰ Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ¹¹ ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

¹² Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбранили им. ¹³ Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. ¹⁴ И, возложив на них руки, пошел оттуда. ¹⁵ И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? ¹⁶ Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. ¹⁷ Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; ¹⁸ почитай отца и мать;

который должен был ему десять тысяч талантов; ²⁴ а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить; ²⁵ тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. ²⁶ Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему.

¹⁹ И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? ²⁰ Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. ²¹ Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; ²² почитай отца и мать;

и: люби ближнего твоего, как самого себя. ²³ Юноша говорит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? ²⁴ Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. ²⁵ Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

²⁶ Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; ²⁷ и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие. ²⁸ Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? ²⁹ А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно.

³⁰ Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою; что же будет нам? ³¹ Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — а пакибыти, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. ³² И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. ³³ Многие же будут первые последними, и последние первыми.

20

20. Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой, ² и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; ³ выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, ⁴ и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. ⁵ Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. ⁶ Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. ⁷ Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. ⁸ И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. ⁹ Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию, ¹⁰ и, получив, стали роптать на хозяина дома ¹¹ и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнил их с нами, перенесшими тягость дня и зной. ¹² Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? ¹³ возьми свое и поиди; а же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; ¹⁴ разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? ¹⁵ Так будут последние первыми и первые последними, ибо многих званых, а мало избранных.

¹⁶ И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: ¹⁷ вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; ¹⁸ и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет.

¹⁹ Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеве-

21

¹² И вышел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, ¹³ и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников. ¹⁴ И приступили к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их. ¹⁵ Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восседающих в храме и говорящих:

³³ Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал а нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. ³⁴ Когда же приближалось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды, ³⁵ виноградарям, схватив слуг его, много прибили, много убили, а много нобили камнями. ³⁶ Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. ³⁷ Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. ³⁸ Но виноградарям, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пождем, убьем его и завладеем наследством его. ³⁹ И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. ⁴⁰ Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? ⁴¹ Говорат Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. ⁴² Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших? ⁴³ Потому сказываю вам, что отнимется от нас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; ⁴⁴ и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раз-

22

23

¹³ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете. ¹⁴ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение. ¹⁵ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геены, а двое худшим вас. ¹⁶ Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклоняется храмом, то ничего, а если кто поклоняется золотом храма, то повинен. ¹⁷ Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? ¹⁸ Также: если кто поклоняется жертвенником, то ничего, если же кто поклоняется даром, который на нем, то повинен. ¹⁹ Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? ²⁰ Итак клынувшись жертвенником кланется им и всем, что на нем; ²¹ и клынувшись храмом кланется им и Живущим в нем; ²² и клынувшись небом кланется Престолом Божиим и Сидящим на нем. ²³ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее а законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. ²⁴ Вожди слепые, ослепляющие комара, а верблюда поглощающие! ²⁵ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны

хищения и неправды.²⁶ Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаш и блюда, чтобы чиста была и внешность их.²⁷ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри молны костей мертвых и всякой нечистоты;²⁸ так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.²⁹ Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников,³⁰ и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков;³¹ таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков;³² дополняйте же меру отцов ваших.³³ Змия, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?³⁴ Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город;³⁵ да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авела праведного до крови Захарии, сына Варахиины, которого вы убили между храмом и жертвенником.³⁶ Истинно говорю вам, что всё сие придет на род сей.³⁷ Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!³⁸ Се, оставляется вам дом ваш пуст.³⁹ Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господие!

24

24. И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма.² Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено.

³ Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века? ⁴ Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас,⁵ ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят.⁶ Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец:⁷ ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам;⁸ всё же это — начало болезней.⁹ Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое;¹⁰ и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга;¹¹ и многие лжепророки встанут, и прельстят многих;¹² и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь;¹³ претерпевший же до конца спасется.¹⁴ И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.¹⁵ Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, —¹⁶ тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы;¹⁷ и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего;¹⁸ и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои.¹⁹ Горе же беременным и питающим сосцами

в те дни!²⁰ Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу,²¹ ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет.²² И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни.²³ Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте.²⁴ Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.²⁵ Вот, Я наперед сказал вам.²⁶ Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», — не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», — не верьте;²⁷ ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого;²⁸ ибо, где будет труп, там соберутся орлы.²⁹ И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются;³⁰ тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою;³¹ и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных его от четырех ветров, от края небес до края их.³² От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето;³³ так, когда вы увидите всё сие, знайте, что близко, при дверях.³⁴ Истинно говорю вам: не преидет род сей, как всё сие будет;³⁵ небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.³⁶ О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один;³⁷ но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого:³⁸ ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег,³⁹ и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого;⁴⁰ тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется;⁴¹ две мельницы в жерновах: одна берется, а другая оставляется.⁴² Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет.⁴³ Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего.⁴⁴ Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий.⁴⁵ Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? ⁴⁶ Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так;⁴⁷ истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его.⁴⁸ Если же раб тот, будучи зол, скажет а сердце своем: не скоро придет господин мой,⁴⁹ и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, —⁵⁰ то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает,⁵¹ и расчтет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов.

25

25. Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху.² Из них пять было мудрых и пять неразумных.³ Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла.⁴ Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих.⁵ И как жених замедлил, то задремали все и уснули.⁶ Но в полночь раздался крик: вот, же-

них идет, выходите навстречу ему.⁷ Тогда встали все девы те и попрали светильники свои.⁸ Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут.⁹ А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе.¹⁰ Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились;¹¹ после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам.¹² Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас.¹³ Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.

¹⁴ Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое:¹⁵ и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился.¹⁶ Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов;¹⁷ точно так же и получивший два таланта приобрел другие два;¹⁸ получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего.

¹⁹ По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета.²⁰ И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господи! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них.

²¹ Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего.

²² Подошел также и получивший два таланта и сказал: господи! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них.²³ Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего.²⁴ Подошел и получивший один талант и сказал: господи! я знал тебя, что ты человек жестокий, жмешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал,²⁵ и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое.²⁶ Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал;²⁷ посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью;²⁸ итак, возьми у него талант и дайте имеющему десять талантов,²⁹ ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет;³⁰ а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши услышать, да слышит!

³¹ Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей,³² и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов;³³ и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую.³⁴ Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира:³⁵ ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня;³⁶ был гол, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.³⁷ Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили?

³⁸ когда мы видели Тебя странником, и приняли? или голым, и одели? ³⁹ когда мы видели Тебя боль-

ным, или в темнице, и пришли к Тебе? ⁴⁰ И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.⁴¹ Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его:⁴² ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня;⁴³ был странником, и не приняли Меня; был гол, и не одели Меня; болен и в темнице, и не носители Меня.⁴⁴ Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или голым, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? ⁴⁵ Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне.⁴⁶ И войдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

26

26. Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим:² вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

³ Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каняфы,⁴ и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить;⁵ но говорили: только не в ирраздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

⁶ Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного,⁷ приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возлила Ему возлежащему на голову.⁸ Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? ⁹ Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим.¹⁰ Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня:¹¹ ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете;¹² возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению;¹³ истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.¹⁴ Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам¹⁵ и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников;¹⁶ и с того времени он искал удобного случая предать Его.

¹⁷ В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? ¹⁸ Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими.¹⁹ Ученики сделали, как повеле им Иисус, и приготовили пасху.

²⁰ Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками;²¹ и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.²² Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? ²³ Он же сказал в ответ: омутивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня;²⁴ впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться.²⁵ При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.

²⁶ И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: при-

мите, ядите: сие есть Тело Мое. ²⁷ И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ²⁸ ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. ²⁹ Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего.

³⁰ И, воспев, пошли на гору Елеонскую. ³¹ Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада; ³² но воскресении же Моим предварю вас в Галилею. ³³ Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь. ³⁴ Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. ³⁵ Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики.

³⁶ Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гетсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. ³⁷ И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведевых, начал скорбеть и тосковать. ³⁸ Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. ³⁹ И, отойдя немного, пал на лице Свое, и молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. ⁴⁰ И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? ⁴¹ бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. ⁴² Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. ⁴³ И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. ⁴⁴ И, оставив их, отошел опять и помолвился в третий раз, сказав то же слово. ⁴⁵ Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; ⁴⁶ встаньте, поидем: вот, приблизился предающий Меня.

⁴⁷ И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и старейшин народных. ⁴⁸ Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. ⁴⁹ И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. ⁵⁰ Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. ⁵¹ И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. ⁵² Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; ⁵³ или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? ⁵⁴ как же сбудутся Писания, что так должно быть? ⁵⁵ В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и колющими взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. ⁵⁶ Сие же все было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

⁵⁷ А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. ⁵⁸ Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. ⁵⁹ Первосвященники и старейшины и весь сонмище искали жессыдательства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, ⁶⁰ и не находили; и, хотя много

жессыдательств приходило, не нашли. Но наконец пришли два жессыдателя ⁶¹ и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. ⁶² И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? ⁶³ Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? ⁶⁴ Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. ⁶⁵ Тогда первосвященник разорвал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! ⁶⁶ как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти. ⁶⁷ Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам ⁶⁸ и говорили: пророки нам, Христос, кто ударил Тебя? ⁶⁹ Петр же сидел вне на дворе. ⁷⁰ И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. ⁷¹ Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. ⁷² И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. ⁷³ Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твою обнажает тебя. ⁷⁴ Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг зашел петух. ⁷⁵ И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько.

²⁷ Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; ² и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю. ³ Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, ⁴ говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. ⁵ И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удалился. ⁶ Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. ⁷ Сделав же совещание, кинули на них землю горшечника, для погребения странника; ⁸ по сему и называется земля та «землею крови» до сего дня. ⁹ Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, ¹⁰ и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь.

¹¹ Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. ¹² И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. ¹³ Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? ¹⁴ И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился. ¹⁵ На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. ¹⁶ Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; ¹⁷ итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?

¹⁸ ибо знал, что предали Его из зависти. ¹⁹ Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сие много пострадала от Него. ²⁰ Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. ²¹ Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. ²² Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. ²³ Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. ²⁴ Пилат, видя, что ничто не помогает, и смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиную я в крови Праведника Сего; смотрите вы. ²⁵ И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

²⁶ Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

²⁷ Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк ²⁸ и, раздев Его, надели на Него багряницу; ²⁹ и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! ³⁰ и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове.

³¹ И когда насмехались над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие. ³² Выходя, они встретили одного Кириеллина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его. ³³ И придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, ³⁴ дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить. ³⁵ Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий; ³⁶ и, сидя, стерегли Его там; ³⁷ и поставили над головою Его надписи, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский. ³⁸ Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую. ³⁹ Проходящие же злословили Его, кивая головами своими ⁴⁰ и говоря: Разрушающий храм и в три дня создающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста. ⁴¹ Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: ⁴² других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; ⁴³ уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын. ⁴⁴ Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

⁴⁵ От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; ⁴⁶ а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савах-фали? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? ⁴⁷ Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. ⁴⁸ И тотчас побежал один из них, взяв губку, напоил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; ⁴⁹ а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. ⁵⁰ Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. ⁵¹ И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись; ⁵² и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли ⁵³ и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим. ⁵⁴ Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий. ⁵⁵ Там были также и смотрели издали многие женщины, которые сле-

довали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; ⁵⁶ между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведевых.

⁵⁷ Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; ⁵⁸ он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело; ⁵⁹ и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею ⁶⁰ и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, прикрыв большой камнем к двери гроба, удалился. ⁶¹ Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.

⁶² На другой день, который следует за кятиницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату ⁶³ и говорили: господин! Мы вспоминали, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; ⁶⁴ итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. ⁶⁵ Пилат сказал им: имеете стражу; мойдите, охраняйте, как знаете. ⁶⁶ Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать.

28

28. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб.

² И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; ³ вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; ⁴ устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые.

⁵ Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; ⁶ Его нет здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, ⁷ и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилею; там Его увидите. Вот, я сказал вам. ⁸ И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его.

⁹ Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. ¹⁰ Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня. ¹¹ Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. ¹² И они, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, ¹³ и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; ¹⁴ и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. ¹⁵ Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и промесьлось слово сие между иудеями до сего дня.

¹⁶ Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, ¹⁷ и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. ¹⁸ И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. ¹⁹ Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ²⁰ уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.

С. АВЕРИНЦЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
доктор филологических наук

КОММЕНТАРИИ

16, 14. Мотив чудесного возврата одного из великих деятелей прошлого сильно владел воображением иудеев той эпохи.

16, 16—19. Симон впервые совершает акт ритуального исповедания веры в мессианство Иисуса; за это Иисус дает ему новое имя — Камень (по-арамейски Кефа; по-гречески Петрос от «петра») и ставит его во главе творимой заново мессианской общины (будущей Церкви). Религиозная символика камня в Библии очень богата; можно вспомнить также традиционное отношение к «краеугольному камню» мироздания (евр. «эвэн штий») — скале, во времена Иисуса державшей алтарь всесожжения в Иерусалимском храме, а ныне укрытой куполом мечети Куббат ас-Сахра. *Врата ада* — библейское обозначение сил зла и смерти. *Ключи* — в восточном обиходе символ власти визиря. Поскольку Петр, по преданию, проповедывал и был казнен в Риме, явившись основателем Римской епископской кафедры, католическая интерпретация видит в этом месте утверждение вселенских прерогатив папы.

16, 21—23. Открытое принятие Иисусом мессианского титула, провозглашенного Петром, и назначение Петра «визирем» новоявленного Царя как будто намечают перспективу благополучно-победоносного земного царства. Иисус сейчас же резко отвергает эту перспективу. Петр, уговаривая Иисуса пощадить себя, повторяет искушение властью в пустыне (см. выше 4, 8—10), и Иисус говорит, как тогда: «отойди от Меня, сатана!»

17, 1. Христианская традиция отождествляет гору Преображения с горой Фавор, округлый силуэт которой поднимается над Эздрелонской долиной на 588 м.

17, 3—6. Моисей представляет Пятникниже (Тору, «Закон»), Илия — пророков; оба вместе они свидетельствуют о мессианстве Иисуса от имени всей ветхозаветной традиции. *Куши* — шалаши, жилища, устроенные на скорую руку, по-еврейски — суккот (в еврейском календаре есть праздник Суккот, когда верующие переселяются в такие жилища). Искушение продолжается: Петру хочется материализовать чудо, продлить его, дав ему хотя бы смиренное жилище на земле. *Облако светлое* — образ присутствия Бога, известный из Ветхого Завета.

17, 21. Сей же род — бесы.

17, 24. Речь идет о налоге на Иерусалимский храм, которым облагались иудеи. Как мистическая свобода мессианского сообщества, так и образ жизни нищих, питающихся чужим подайным, извигает Иисуса и его учеников от этой повинности. Но Иисус предпочитает совершить чудо, чтобы не оскорбить набожных чувств сборщиков.

18, 17. Как лзычник и мытарь — т. е. стоящий вне религиозного общения.

18, 24. Талант — самая большая денежная мера. Долг в 10000 талантов — гипербола, подходящая к тону народной притчи. Для морали притчи важно, что одна сумма превышает другую в сотни тысяч раз.

19, 12. Метафора, употребленная Иисусом, звучит для наших ушей странно. Необходимо пом-

нить, что на Востоке евнух — не только комический хранитель гарема, но уважаемый всеми государственный деятель, подчас полководец; это человек, который, не имея семейной жизни, всецело посвящен службе своему монарху. Так аскет-девственник всецело посвящает себя служению «Царству». Буквалистская интерпретация (у Оригена, позднее у сектантов-скопцов) была единодушно отвергнута Церковью.

19, 24. Попытки придать образу внешнюю правдоподобность, истолковав «верблюда» как верблюжий волос или «игольные уши» как особенно низкий и тесный проход в стене Иерусалима, в наше время оставлены. Иисус употребил резкую гиперболу, то ли взятую из фольклорного обихода, то ли созданную тут же, на глазах у зрителей.

19, 30. Горячо раскаявшиеся грешники опережат людей достойных, но колеблющихся.

20, 22. Символы мученической смерти.

21, 1. Елеонская, или Масличная, гора возвышается к востоку от Иерусалима, за оврагом потока Кидрона. *Виффагия* — селение, лежащее за горой, в восточном направлении.

21, 2—5. Повествование, по-видимому, предполагает обстоятельства, известные первым читателям. Выбор ослицы вместо коня (символизирующего в Библии агрессивную мощь и гордыню) — это отказ от войн и побед как пути к внешней власти. Ветхозаветная цитата соединяет тексты Книги Исании, 62, 11 и Книги Захарии, 9, 9.

21, 12—13. В казну Храма принимались только монеты тирской чеканки; размен монет по крайне неадекватной таксе составлял важный источник доходов околохрамовой «мафии».

21, 33—41. Виноградник — традиционный символ Израиля. Хозяин — Бог; виноградарь — иудеи; слуги хозяина — пророки; сын — Иисус.

21, 42. Цитата из псалма 117/118, 22—23.

22, 16—21. Иродуане — сторонники династии Ирода, наиболее активные пособники римских оккупантов. Вопрос о допустимости выплаты налогов Риму — очень острый; задающие вопрос хотят, чтобы Иисус скомпрометировал себя либо перед властями, либо перед народом. Религиозный аспект вопроса был связан с тем, что крупная римская монета несла на себе языческие эмблемы и надписи, т. е. являла собой как бы идола в миниатюре, источник ритуальной скверны. Ни у Иисуса, ни у его учеников такой монеты нет; зато у спрашивающих она, как выясняется, есть. Верхушка иудейского общества уже осквернила себя прикосновением к динарию римского императора, уже поспылилась на экономические блага, обеспечиваемые римским порядком; подать — плата за эти блага. Рим дал динарий, Рим вправе потребовать его назад. Но если на монете отчеканено изображение императора, на человеческой личности отчеканены образ и подобие Бога; личная совесть человека принадлежит только Богу.

22, 24. Т. н. обычай левирата.

22, 32. Цитата из Книги Исхода, 3, 6.

22, 44. Цитата из псалма 109/110, 1.

23, 5. Хранилища — пергаментные свитки со стихами Торы, помещаемые в футляры, которые на время молитвы прикрепляются к голове и левой руке (евр. тефилин). *Воскрилия* — кисти на краях одежды, см. выше к 9, 20.

23, 15. Речь идет о миссионерской деятельности, не чуждой иудаизму того времени. Неофит стремится превзойти в ханжестве своих наставников.

23, 27. *Окрашенным гробам* — точнее, побеленным гробницам.

23, 35. *Авель* — сын Адама, жертва первоубийцы Каина. Убийство Захарии описано во II Книге Паралипоменон, 24, 20—22.

24, 1—28 и далее. Пророчество о гибели Храма и Иерусалима символически соотносено с пророчеством о конце мира и незаметно в него переходит.

24, 15. Цитата из Книги Даниила, 9, 27. Имеется в виду осквернение Иерусалимского храма как предзнаменование страшных бед.

24, 16. Исполняя этот совет, христианская община Иерусалима во время Иудейской войны 66—73 гг. бежала в г. Пеллу.

24, 28. Значки римских легионов в форме орлов, окружающие Иерусалим, уподоблены живым орлам, слетающим на мертвое тело.

26, 3. *Каишафа* — первосвященник в 18—36 гг. н. э.

26, 6—13. Намерение женщины — помазать Иисуса на царство; но в провидческой перспективе Иисуса это приготовление его тела к погребению. Поздняя традиция отождествила эту женщину с Марией Магдалиной.

26, 17. Накануне своей казни Иисус справлял с учениками по еврейскому обычаю пасхальный седеер. По-видимому, это было на сутки раньше обычного времени для седеера — вечера 14 Нисана. Возможно, Иисус следовал древнему солнечному календарю, по которому седеер всегда приходился на вечер четверга; новые исследования делают это вероятным.

26, 26—28. Установление христианского таинства евхаристии (принятия) вписывается в традиционный порядок ритуальных благословений хлеба и вина по ходу седеера.

26, 30. *Воспел* — псалмы 112/113—117/118, завершающие седеер (т. н. «Халлель»).

26, 36. *Гэфсимания* — окруженная маслинами пещера на западном склоне Масличной Горы, использовавшаяся осенью для выдавливания оливкового масла (арам. «гат шамна» — «масличное точило»), а по весне пустовавшая.

26, 31. Цитата из Книги Захарии, 13, 7.

26, 65. *Разодрал одежды свои* — ритуальная реакция на пошунство.

26, 73. *Речь твоя обличает тебя* — иудеи узнавали галилеян по выговору.

27, 2. *Понтий Пилат* — римский наместник в 26—36 гг.; прежде его называли прокуратором Иудеи, но в 1961 г. была найдена надпись, удостоверявшая, что он имел должность префекта. Иудейские источники жалуются на его грубость, алчность и жестокость. Пилата как представителя Рима не могло интересовать, был ли Иисус «богохульником» с точки зрения Синедриона; но мессианство — потенциальная идеология сопротивления оккупантам и поэтому вызывает чисто политическое подозрение.

27, 6—7. Типично казуистическая проблема: что

делать с деньгами, возвращенными храмовой казне, но оскверненными?

27, 9. Цитата из Книги Захарии, 10, 12—13.

27, 16. *Известный узник, называемый Варавва* — по-видимому, один из многочисленных в то время людей, соединявших бандитизм с вооруженной борьбой против Рима; отсюда его популярность.

27, 26. Бичевание по римским обычаям предшествовало распятию. Это была очень тяжелая пытка: бич состоял из двух-трех ремней, к каждому из которых во множестве прикреплялись заостренные кусочки кости яля свинца, при каждом ударе глубоко рассекавшие тело. Римский оратор Цицерон недаром назвал бичевание «половиной смерти».

27, 29. *Терновый венец* с торчащими во все стороны шипами — пародия на венец, окруженный острями лучей, на изображенных обожествленных императоров.

27, 32. *Симон* — еврей из ливийского города Кирены. У них была в Иерусалиме своя синагога. Очевидно, сам Иисус, измученный бичеванием, не смог донести своей ноши до Голгофы, и римляне принудили прохожего помочь (для них самих это было бы непримлемым унижением). Глубокая ирония — в созвучии имен Симона Петра и Симона Кирянейнина. Ближайшим ученикам было заранее велено быть готовыми к несению креста, но они разбежались, Петр, который громче всех обещал верность, отрекся, и великая честь непосредственного соучастия в муках Иисуса досталась чужому, да еще, по-видимому, против его воли.

27, 31—37. Теперь археология лучше представляет себе техническую сторону распятия. В 1968 г. раскопки под Иерусалимом обнаружили скелет человека тех времен, без всякого сомнения, умершего на кресте. Огромные гвозди были загнаны в запястья и в пяточные кости (а не в ладони и в ступни, как это обычно изображается, — тогда вес тела не мог бы быть выдержан). Смерть при распятии наступала от медленного удушья.

27, 39—41. Это приглашение победоносно сойти с креста — не просто намешка. В общей связи смысла это в последний раз звучит искушение земным благополучием, высказанное в пустыне устами дьявола (4, 8—10), а в Кесарии Филипповой — устами Петра (16, 22—23).

27, 45—46. *Шестой час* — время около полудня; *девятый* — три пополудни.

27, 46. Цитата из псалма 22, 1.

27, 51. В Иерусалимском храме было две *завесы*; имеется в виду, вероятно, завеса перед самой священной и запретной частью — Святой Святы. Интересно, что Вавилонский Талмуд приводит слова рабби Иоханана бен Заккан, согласно которым то ли двери, то ли завесы Храма открылись сами собой за 40 лет до гибели Храма в 70 г., т. е. около времени распятия Христа. С христианской точки зрения разодравшаяся завеса имеет тройной символический смысл: во-первых, Храм, как человек, раздирает на себе одежды, оплакивая Иисуса; во-вторых, Храм скорбит о собственной обреченности; в-третьих, тайны, прежде скрытые завесой от духовного взора человека, отныне открыты (ср. ниже Псалом к евреям, 10, 19—20).

27, 60. *Гробе* — т. е. склепе.

27, 65. *Имеете стражу* — т. е. «вот вам стража».

28, 18—20. Кончилось время, когда Иисус посылал учеников только к иудеям (ср. выше, 10, 5—6); теперь ученики посланы ко «*всем народам*».

В наш умственный обиход уже вошли и продолжают входить произведения литературы и искусства, исторической и философской мысли, до недавней поры доступные, в лучшем случае, разве что специалистам. У всех на памяти поток интереснейших журнальных и книжных публикаций минувшего года.

Ознаменован он был и торжествами в связи с тысячелетием крещения Руси, воспринятыми общественностью прежде всего как праздник славянской культуры, ибо мы и здесь сумели, наконец, избавиться от кривых взглядов и посмотреть на вещи нормальным зрением, двинуться в сторону осмысления огромного духовно-исторического пласта народной жизни, на десятилетия отторгнутого от нашего сознания.

Закономерны в этой связи и прозвучавшие в печати аргументы академика Д. С. Лихачева в пользу научного издания Библии, воспринимаемой не в качестве собрания определенных религиозных текстов, а как уникальный памятник культуры, многими нитями связанной с самой ее двухтысячелетней историей.

Разумеется, выходили у нас в стране издания, цель которых была в какой-то мере компенсировать наше незнание Библии.

И все же вот и сегодня еще академику приходится доказывать значение научного издания Библии как памятника культуры.

Наш журнал, как известно, тоже попытался привлечь внимание к этой проблеме, предложив читателям публикацию из новозаветной части Библии — «Евангелие от Матфея», с предисловием и комментариями члена-корреспондента АН СССР С. С. Аверинцева.

Судя по отзывам читателей, последние вызвали особенный интерес, что, если угодно, экспериментально подтверждает необходимость комментированного издания Библии.

Дело, однако, осложняется не только инерцией отношения к Библии, как к собранию религиозных текстов, а и потребностью в новом научном их переводе. Существующий перевод Библии на русский язык — синодальный — сделан более ста лет назад, он не учитывает обнаруженные с тех пор более древние списки текстов, вошедших в ее состав, и с точки зрения новейших открытий библеистики не всегда филологически безупречен. Кроме того, содержит тенденциозные толкования, приспособленные к церковной догматике. За неимением другого — и мы в журнале публикуем текст Матфея давали по синодальному переводу...

Новый перевод столь древнего памятника, который написан на древнееврейском (частично арамейском) и

греческом языках, современный состав которого формировался на протяжении двух тысячелетий, и основывается, по существу, на вариантах первоначальных текстов, ибо оригиналы Библии были утрачены, — предприятие трудоемкое и кропотливое, требующее квалифицированных специалистов. Оказалось, что еще до недавнего времени таковых у нас практически не было...

Мы беседуем с заведующим редакцией литературы по научному атеизму Политиздата О. А. Беловым. Олег Александрович рассказывает о том, что редакция приступила к подготовке издания нового научного комментированного перевода книг Ветхого и Нового завета, включающего также апокрифы.

— Почему именно Политиздат, а скажем, не «Художественная литература» или «Наука»?

— Видимо, потому, что как раз в нашем издательстве возникла и уже долгое время существует специализированная религиозно-научная редакция, вокруг которой постепенно сложились и коллектив авторов — знающих и талантливых ученых, в том числе и в области библеистики. Им, да и нам вместе с ними, будет, конечно, нелегко. Прервана традиция. Мы все-таки занимаемся критикой библейских текстов, а не их научным изданием.

— А у вас не возникало мысли как-то «скооперироваться» с представителями церковной науки? Ведь такие контакты, плодотворность которых признается, начинают налаживаться и, в частности, в области культуры?

— Работа предстоит большая и, по-видимому, длительная. Сейчас трудно представить все ее возможные аспекты. Не надо забывать, что задуманное издание основывается ведь на вполне определенных мировоззренческих позициях.

— То есть, вы хотите сказать о разных подходах к текстам Библии?

— Разумеется. Церковь видит в ней обращенное к человеку слово божие, священное писание. Наша же цель с позиций науки показать, что ничего богодухновенного в этих текстах нет, что они являются литературными памятниками, в которых в сложном напластовании отразилась социально-историческая жизнь древнейших эпох. Именно в этом огромное культурное значение библейских книг, хотя нельзя отрицать и то, что они одновременно служат и нуждам религии.

— Каким же будет задуманное издание?

— Его комментированный характер уже предполагает, что оно не может занять один том, как в церковных изданиях, ведь Библия и без того весьма объемистая, более тысячи страниц книги. В скобках замечу, что сама по себе она уже не является и редкостью, и за-

прещенным плодом, как прежде. Только в прошлом году в связи с юбилеем Русской православной церкви ее новые издания разошлись большими тиражами.

— Сколько же томов займет новый перевод с комментариями?

— По предварительному плану — семь. Каждый том включит в себя традиционный комплекс библейских книг и будет иметь свое заглавие. Например, в первый — войдет открывающее Ветхий завет «Пятикнижие Моисеево» и называться он будет: «Учение». Затем последуют тома: «Первые пророки» (исторические книги Библии — по традиционному делению), «Книги пророков», «Писание», «Ветхозаветные апокрифы». Новозаветную часть составит том «Благовествование четырех» и «Новозаветные апокрифы».

— Есть ли уже макет издания, какова будет структура самих томов, способ расположения в них материала?

— Видите ли, — и это дело тоже не простое. Макет, оформление пока что разрабатываются. Мы пригласили известного художника-оформителя В. Е. Валериуса. Ему придется исходить из того, что на странице каждого тома должны быть размещены три столбца: 1-ый — новый перевод; 2-ой — различия с синодальным переводом; 3-ий — комментарий. Причем, понятно, что комментарий может быть меньше соответствующей части текста, а может и значительно превосходить ее. И это тоже потребует определенной компоновки всех трех столбцов. И конечно определенного набора шрифтов.

— Вы не могли бы назвать тех, кто непосредственно занимается переводом и комментированием?

— Практически авторский коллектив еще продолжает формироваться. Среди участников его могу назвать таких известных религиоведов как И. М. Дьяконов, М. К. Трофимова, И. С. Свенцикая, И. Ш. Шифман; постараемся привлечь к подготовке издания и С. С. Аверинцева. Добавлю, что группа, работающая над Ветхим заветом, — это, в основном сотрудники Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР. В частности, И. Ш. Шифманом готовятся перевод и комментарий первого тома («Учение»), который по плану должен выйти в конце 1990 года. Над следующим томом (исторические книги Библии) работает И. М. Дьяконов. Кстати, если хотите получить некоторое представление о новом переводе И. Ш. Шифмана, посмотрите вышедшую у нас в позапрошлом году его книгу «Ветхий завет и его мир: Ветхий завет как памятник лит. и обществ. мысли древней Передней Азии». Цитаты из ветхозаветных книг даны в основном в переводе автора.

— За какой срок предполагается выпустить все издание?

— Сейчас еще нельзя точно сказать. Пока получается, что каждый следующий том будет выходить через два года после предыдущего.

— Олег Александрович! Все-таки прийти к осуществлению такой издательской акции вашей редакции видимо было непросто?

— Мысль о ней, можно сказать, зрела давно. И в общем-то зрела она в русле определенной общественной потребности. Но действительно нужно было измениться и условиям времени, нужно было опереться на определенную научную базу, чтобы акция эта в ближайшей перспективе стала возможной.

— Отношение к Церкви в нашем обществе заметно меняется, отражается ли это как-то на работе вашей редакции?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Но знаете, в своих изданиях мы давно уже стремимся уйти от примитивного, «воинственного» атеизма. Свою задачу мы видим в том, чтобы давать читателям глубокие, серьезные ответы на вопросы, связанные с религией, аргументированно и спокойно доказывать правоту нашего материалистического мировоззрения. Мы подготовили немало новых книг, отражающих современное состояние проблем религии и атеизма, таких, например, как сборники «Русское православие: веки истории», «Как была крещена Русь», размышления о Библии Айзек Азимова «В начале было...», серия «Словарь атеиста», в которой уже вышли книги «Православие», «Ислам» (на подходе — «Протестантизм», «Католицизм»). Выйдет, между прочим, в этой серии и словарь «Библия». В наших планах и такие давно не перендававшиеся, широко известные а религиоведении работы, как книга «Происхождение христианства» К. Каутского, «Античные критики христианства» А. Б. Рановича, «Жизнь Иисуса» Э. Ренана, «Первобытная культура» Э. Б. Тайлора и другие.

— Олег Александрович, вот вы упомянули, что Библия сегодня перестала быть запретным плодом; известно теперь, что будет выходить новый ее перевод с комментариями, то есть она со временем станет таким же культурным фактом нашей жизни, как, скажем, книги Толстого. Как нам всем относиться к этому факту?

— В ответ я вам процитирую, пожалуй, кусочек из предисловия венгерского философа Густава Гече к его вышедшей у нас в прошлом году книге «Библейские истории»: «Библию следует знать, но как? Современный человек не может приняться за чтение Библии с сознанием, что это творение бога и, как таковое, содержит ответ на все вопросы. Он смотрит на Библию с позиций своих мировоззрения, нравственности, научных знаний, подходит к ней, следуя совету Спинозы: как к творению самого человека, в котором воплотились желания, цели, боль и мечты многих поколений людей»...

Н. ТИНОВ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, СОФЬЯ ПЕТРОВНА

Старшим поколениям читателей известно имя советской писательницы Лидии Корнеевны Чуковской, автора книг «В лаборатории редактора», «Былое и думы» Герцена, «Декабристы — исследователи Сибири». Но большинство из современных читателей открыли прозаика Лидию Чуковскую лишь в прошлом году, когда в февральской книжке «Невы» была напечатана повесть «Софья Петровна» (так было выполнено желание самой Л. К. Чуковской — она ждала, пока появится «Софья Петровна» и соглашалась лишь потом публиковать все из того, что написала в годы своего долгого вынужденного молчания), в ноябре вышел сборник «Повести» — первое отдельное издание двух ее произведений: «Софья Петровна» и «Спуск под воду». В них рассказано о трагических событиях, которые произошли в жизни нашей страны в тридцать седьмом и сорок девятом годах. Но «Софья Петровна» и темой своей, и судьбой, и принципиальным значением, которое придает ей автор, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения.

«Софья Петровна» написана почти пятьдесят лет назад, в конце ее стоит дата «ноябрь 1939 — февраль 1940». К этому времени уже многие наши соотечественники прошли сквозь горестные очереди у тюрем, где находились их близкие, объявленные «врагами народа». Л. Чуковская тоже отстояла свою. Написанная ею повесть рассказала о

народной трагедии в то самое время, когда она происходила. Наверное работа эта была ей необходима, чтобы справиться с личным своим горем. Но — то была не просто болезненная реакция литератора на происходящее, но и Поступок, в котором в полной мере проявилась гражданская позиция писательницы: все мы понимаем, как рисковала тогда Л. Чуковская.

Начало повести вызывает ощущение устойчивости, прочности, справедливости всего, что происходит в жизни героев, а через их судьбы — в жизни страны. Софье Петровне стала нравиться поначалу вынужденная служба, общественная работа в местном и в жакте, представительство в котором даже утешило ее в потере собственной квартиры. Их уплотнили в самом начале революции. Сын Коля объяснил ей революционный смысл уплотнения: «Разве это справедливо, чтобы Дегтяренко со своими детьми жил в подвале, а мы в хорошей квартире? Разве это справедливо?» И Софья Петровна соглашалась: в самом деле не вполне справедливо.

Несправедливость постигла Наташу Фроленко, старательную грамотную машинистку, девушку, политически подкованную, но — дочь полковника, умершего в семнадцатом году от разрыва сердца. Наташу не принимали в комсомол. Коле снова пришлось объяснять маме, что несправедливость — понятие классовое, что бдительность необходима,

КАК МОЖНО СНЯТЬ ГИПС

пока не выкорчеваны фашистские намыты, убившие Кирова. Коля уверял Наташу, что ее-то, наверное, все-таки примут, советовал конспектировать произведения Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса.

В Колиной ясной жизни тоже — редко, правда, но случались неувязки, ее омрачавшие. Вот одноклассник Сашка Ярцев вдруг оказался «старорежимным балбесом» и обозвал Алику Финкельштейна жидом. Коля, назначенный общественным обвинителем на товарищеском суде, думал, что достаточно осудить этот некрасивый случай, чтобы с подобным было покончено...

Словом, до поры жизнь героев Л. Чуковской текла обычно: со своими, несущими печать времени конфликтами и борьбой, обидами и трудностями. Но в этой жизни почиталось чувство собственного достоинства и уважение к другому, люди жили в доверии друг к другу, к обществу, государству. И не случайно, именно обижаясь, но не обижаясь Наташа, узнав о первых спасениях «челюскинцах», повторила, вытирая слезы: «Не дадут, не дадут погибнуть людям».

Одну из глав Л. Чуковская начинает фразой: «Приближался июнь, тысяча девятьсот тридцать седьмой год». Эта дата обозначает теперь для нас одну из самых мрачных страниц нашей истории. Зимой же 39-го года (когда писалась повесть) автор не могла знать в той мере, как мы теперь, причины разыгравшейся трагедии. Но для ее героев это был рубеж, за ним рушились судьбы, погибали люди. С лучшими из них, Л. Чуковская показала в повести именно это — с лучшими, расстается Софья Петровна, их выживают вокруг нее одного за другим. Арестован, сослан как террорист сын — Коля Липатов. Исклучен из комсомола Алик Финкельштейн за то, что не признал виновность друга. Кончает жизнь самоубийством Наташа Фроленко, она не смогла «разобраться в настоящем моменте советской власти». Арестованы старый врач, прекрасный клиницист Кипарисов, крестный сына, энергичный директор издательства Захаров, «выдержанный партией», «прекрасный семьянин». Сама она уволена со службы в издательстве — пыталась объяснить собранию, что «Крысиная» вместо «Красная» — просто Наташина опечатка.

Верный Алик помогает Софье Петровне выстаивать скорбные очереди. Искренний, он так и не научился вовремя молчать и разностью суждений настаивает Софью Петровну. Узнав, что друг его Липатов осужден на 10 лет, Алик, захлебываясь, говорил: «...я начинаю думать так: все это какое-то колоссальное вредительство. Вредители засели в НКВД — вот и орудут. Сами они там враги народа». Искать правду Алик хотел у товарища Сталина, но не успел, его арестовали. Софья Петровна тоже безуспешно просила помощи у вождя. Заявления Коли Липатова из мест, где «недолго можно прожить», остались без ответа. Мать ни на секунду не сомневалась, что Коля «безупречный комсомолец, честный гражданин». Вся задача,

думала Софья Петровна, состоит просто в том, чтобы объяснить это следователю, прокурору, товарищу Сталину в конце концов, и сын вновь будет на свободе (она долго оставляла ключи, уходя из дома, оставляла обед, надеясь, что он вернется и т. д.).

Л. Чуковская хорошо умеет через одну какую-то деталь создать ясное впечатление о человеке, колорите, духе времени, передать состояние, настроение, ощущения. Вспомним грязные ногти противной профсоюзной деятельницы; ошибки машинистки, донощицы Эрны Семеновны; Колин комсомольский билет, зашитый в пояс; соседку-мещестру, которая говорила Софье Петровне «Здравстуйте» только в зависимости от Колиных дел...

За год и два месяца, в течение которых Софья Петровна надеялась добиться справедливости, она пришла (вернее, ее довели до этого) от состояния полного доверия своему правительству — «В нашей стране с честным человеком ничего не может случиться», — убеждала она Кипарисову — к состоянию полной растерянности, и в конце концов душевного надлома. Л. Чуковская показывает, как мучительно происходили в Софье Петровне эти внутренние изменения (они, увидим мы в повести, как правило, не коснулись тех людей, которых обошли аресты, как, например, сотрудницу в библиотеке, куда приняла служить Софью Петровну, убежденную, что невиновных «у нас зря не станут держать»). Да и Софья Петровна тоже вначале, пока арестовывали посторонних людей, пусть, по ее мнению, хороших, порядочных, но посторонних, пыталась найти этому оправдание.

В беде, которая ее постигла, Софья Петровна не стремилась никого винить и не делала никаких обобщений (в отличие от Алики). Она просто вела борьбу, которую была вынуждена вести, чтобы жить самой и помочь выжить сыну. Гибнущая, она держалась, пока верила, что им помогут, восстановив справедливость. Но убедилась, что помогать никто не собирается. Софья Петровна осознала, что доверие ее было обмануто, борьбу свою она прекратила.

Л. Чуковская изнутри событий поведала о том, как осуществлялись массовые репрессии ни в чем не повинных людей. Рассказала и о тех, кто мучился на «свободе» — о матерях, женах, родственниках и друзьях, которым пришлось стоять в тюремных очередях, очередях особенных — ведь таких не знала ни одна страна мира.

Вспоминую бодрую-пребодрую песню детства, она пришла из довоенной, именно той поры. Вместе с ней в моем сознании почему-то всегда возникает одна и та же картина: маршируют тоже очень бодрые, сильные, коротко стриженные девушки, над ними развешаются знамена: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». В песне есть еще слова о том, что человек шагает, как хозяин необжитой родины своей.

Я подумала об этой песне очень не по-доброму, закончив читать «Софью Петровну». Песня та была не только бодрая, но и очень популярная, а повесть

Лидии Чуковской мы прочитали впервые в 1988 году. Открываю сборник «Повести» на странице девяносто первой: «— Вы, гражданка Липатова, — сказал управдом, оборачиваясь к Софье Петровне, — вынесите немедленно принадлежности на кухню, а не то в милицию заявлю...»

Они ушли. Софья Петровна перенесла примус, керосинку, решето и кастрюли в кухню, на прежнее место, потом легла на кровать и громко зарыдала. «Я не могу больше терпеть», — говорила она вслух, — я не могу больше терпеть». И снова, высоким голосом, не сдерживая себя, по слогам: «Я не-мо-гу, не-мо-гу больше тер-петь». Она произносила эти слова так убедительно, так настойчиво, будто перед ней стоял кто-то, кто утверждал, что, напротив, у нее еще вполне хватит сил потерпеть. «Нет, не могу, не могу, невозможно больше терпеть».

Когда людям оставлена одна возможность — терпеть, как же ощутить себя хозяином земли? Реальность, о которой рассказывала Л. Чуковская, была переполнена скорбным молчанием и страхом униженных людей. (Теперь Софья Петровна страшилась всего и всех: дворника, управдома, соседки-мещестры, боялась получить повестку из милиции — отправят в ссылку, боялась каждого звонка — конфискует имущество. Она дошла до того, что побоялась помочь Алику, у которого в сущности ничего не осталось на воле.) Будто шли люди в гору — радостные создатели, уверенные в своей необходимости и в завтрашней удаче, но с одного из перевалов (по изванию «Тридцать седьмой год») неожиданно повлекла их вниз какая-то неведомая сила. Одни погибли, другие остались, чтобы еле-еле жить, но... «свято место пусто не бывает» и вот уже стал подниматься особый склад да датель, крепкий мудростью бесстыдного цинизма. Повеселели, налились силой «Эрны Семеновны» и «Марьи Петровны», заработали локтями «Сашки Ярцевы», закопошились «соседки-мещестры». Л. Чуковская остро почувствовала, что размываются нравственные, духовные критерии, указала на истоки именно бездуховности, именно безнравственности, которыми оказались пронизаны наши общественные, личные — какие угодно отношения и горькие плоды которых мы теперь то и дело вкушаем.

А жизнь всегда была и будет стоять такими людьми, как Софья Петровна. Неброская и незаметная, будто чуть наивная — таких в житейских делах легко «обвести вокруг пальца», и вместе с тем крепкая и сильная нравственными принципами, верная долгу, рядовая, порядочная, интеллигентная, Софья Петровна явилась из жизни, которую мужественно и терпеливо прошли женщины нашего государства от основания его и до сей поры. Мало их теперь осталось, уходит это поколение. Поэтому проникнешь особой благодарностью к писательнице, которая ввела Софью Петровну в ряд женских образов, созданных русской литературой!

Т. ДУБИНСКАЯ

Разговор о создании кооперативных издательств как-то неожиданно себя исчерпал. Но никакой альтернативы им не предлагается, кроме «издания за счет автора», хотя трудно предположить, что, например, у молодого автора такой «счет» есть. Зато ставятся глобальные вопросы — где взять бумагу, новую технику, наконец нужен ли вообще Госкомиздат. Складывается впечатление, что издательства готовы уже сегодня освоить и эту технику и всю бумагу — только бы дали.

Но откуда мы точно знаем, какой тираж, какой книги, когда и в какую цену нужны покупателю? В каком регионе нашей огромной страны лежит на складах то, что в столице называют дефицитом? К сожалению, эти знания по-прежнему строятся на весьма личностных предположениях, умении отстаивать свои позиции в тиражной комиссии и при «координации» тем.

Пока же вал — основной показатель издательства. Расходы по валу и доходы по валу.

Что представляет собой наше издательство? Это бюрократизированное производство со своим конвейером, по которому книга передается от одной операции к другой. На два оборота недовернувшись, на три перекутили... Как правило, разные издания идут параллельно, а значит растягиваются сроки их подготовки. Тут редактору не до особенностей авторского стиля и замысла. Он носит по кабинетам бумаги (секретарей редакций давно ликвидировали как управленческий персонал), согласовывает, готовит массу сопровождающей документации, пропихивает, совещается и отписывается.

Это люди, любящие свою профессию в ее изначальном виде, но которых длительное время приучали ко все более устаревшему операционному, локальному подходу к работе над книгой.

Это вал и нормирование творчества. С одной стороны, желание сделать книгу лучше, с другой — ножницы ГОСТов и ОСТов, обстригающие необходимый для творчества «воздух» вокруг текста.

Это огромная армия руководителей, выполняющая роль пастухов-контролеров. Парадоксальная ситуация — зарубежная издательская фирма со штатом восемь человек выполняет годовой объем работ, равный нашему издательству в 200 сотрудников.

Нужны ли другие варианты организации — будь то кооператив, акционерное общество или какая-либо другая форма? И единственный ли выход — создание совместных предприятий?

В существующем «загипсованном» виде наших издательств любое изменение формы не только бесполезно, но и непредсказуемо. Поэтому альтернативные варианты нужно рассматривать не как противопоставление какой-то авторитетной точке зрения, инструкции

или приказу, а как поиск новых организационных издательских форм, эксперимент, рождающийся в самом процессе издательской деятельности, помогающий книгоиздательской системе окрепнуть и развиться, найти максимально правильное и своевременное решение.

В качестве одного из вариантов еще почти два года назад нами была предложена структура так называемого «микроиздательства» или издательского модуля. Суть его заключается в следующем.

Известно, что каждое издательство тратит немало средств и усилий на поиск новых форм в условиях хозрасчета. Но оно никак не может коренным образом перестроить свою структуру. Чем менее сложна структура, тем легче ее реорганизовать. Почему бы не создавать новые издательские структуры малого объема с затратами, возвращаемыми Госкомиздату за счет реализации продукции (четыре экспериментальных издания, выполненных по хозяйственному с отчетными издательствами). В штате такого издательства может быть девять специалистов, рабочие функции которых расширены. Так директор может одновременно выполнять функции экономиста, коммерческого директора, главного специалиста — исследователя и т. д. В штате — также группа специалистов-организаторов, разрабатывающих на основе исследований под руководством главных специалистов концепции изданий и формирующих творческие внештатные коллективы — бригады, работающие в свою очередь на основе рабочего коллективного договора.

В такую бригаду должны привлекаться такие специалисты, которые способны наилучшим образом подготовить к сдаче в производство данное планируемое издание, и в том составе, который необходим этому творческому коллективу. Сюда могут быть включены и автор книги, и машинистка, и художник, который может выполнять также работу технического редактора.

Один специалист-организатор в силах осуществить работу с пятью-семью бригадами одновременно, в то время как каждый такой творческий коллектив трудится над одним изданием, то есть полностью погружается в него, что неминуемо отразится на качестве и значительно сокращении сроков работы. Такие «неформальные» эксперименты уже проводились и они показали, что материалы к сдаче в производство подготовились за три-четыре месяца вместо трех-четырех лет.

Такой издательский модуль со штатом в девять человек может подготовить в год около 30 сложных изданий большого объема, не считая их модификаций, рекламного и информационного материала. Ведь это огромная помощь действующим издательствам.

Однако не только и не столько произ-

водственные задачи привлекательны в этом организационном подходе, хотя они и составляют основу для финансовой самостоятельности уже с первых шагов. Что представляется особенно ценным в данном случае для книгоиздательской системы в целом?

Во-первых, это реальная возможность эксперимента, углубленного поиска актуальных тем, малоизвестных, но интересных авторов, необычных типов изданий, чего лишены издательства-производства.

Во-вторых, это возможность исследовать книжный рынок для данного издания, формировать потребность в нем с помощью системы маркетинга.

В-третьих, это возможность испробовать принципиально новые организационные структуры. Однако следует заметить, что в данном случае новизна заключается не в сочетании небольшого штатного персонала и неограниченного количества договорных специалистов — с такой структурой мы знакомы по зарубежным аналогам, — а в творческом бригадном методе.

Есть и другие преимущества — двухступенчатая организационная структура, признающая специалистами оптимальной для управления; ограниченная потребность в рабочих помещениях, обслуживающем персонале и т. д., возможность лучшим образом использовать имеющиеся у нас небольшое количество современной техники.

Если на первом этапе такой организационный подход себя оправдывает, возможно создание уже целой сети подобных модулей, которая будет действенным помощником не только отраслевому производству, но и науке, в том числе Институту книги, который не решит своих задач без периферийных агентств.

И еще одна функция — практическое повышение квалификации, переподготовка специалистов. Без всяких усилий она будет происходить при увлекательной коллегиальной работе, а если этим заниматься целенаправленно, то возможности здесь огромны.

В качестве конкретного предложения считаю своевременным использовать в качестве баз для таких модулей создающиеся по стране филиалы Всесоюзного института повышения квалификации работников печати Госкомиздата СССР, образовав при них хозрасчетные микроиздательства с исследовательско-проектно-экспериментальными функциями, а в качестве первого, пробного варианта — использовать филиал в Ленинграде. На новом месте легче сделать новое — нет потребности сначала что-нибудь ломать.

Г. РАЙКОВ.

и. о. директора Ленинградского филиала ВПК работников печати

«РЕПЛИКИ» ХУДОЖНИКА

Недавно из «спецхрана» в открытые фонды передан альбом «Диктатура пролетариата» («Наброски с натуры Ю. К. Арцыбушева. Политические деятели на заседаниях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Учредительного собрания, крестьянских съездов и проч. В декабре 1917 и в январе 1918 г.»).

На его первой же странице — карандашная зарисовка В. И. Ленина! Рядом — Н. И. Подвойский, А. М. Коллонтай, лидер левых эсеров М. А. Спиридонов...

На следующей странице — снова Ленин, Я. М. Свердлов с председательским колокольчиком (открывает 5 января Учредительное собрание от имени Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов) и тут же — Анатолий Желязников (матрос, начальник охраны Таврического дворца, предложивший членам Учредительного собрания прекратить работу). Не раз еще встречаются на страницах альбома Свердлов, Троцкий, Спиридонов. Но чаще других — Ленин.

Художник все время старается «хватить» главное, никак не поддающееся карандашу: Ленин слушает, спорит, выступает. Вот он чем-то возмущен, но выражение лица быстро сменяется и рисунок опять остается незавершенным. Вновь и вновь Арцыбушев пытается запечатлеть образ, более всего интересующий его...

Большинство набросков сделаны, как указывается в пояснительном тексте на титульном листе, — на заседаниях Совдепов и на крестьянских съездах. Зарисовки с натуры Владимира Ильича исполнены со всей очевидностью 5 января 1918 года — в первый и он же последний день работы Учредительного собрания, по поводу которого статью «Люди с того света» Ленин начал так: «Я потерял понапрасну день, мои друзья».

Есть очень важное свидетельство Г. И. Петровского. Владимир Ильич сказал ему на исходе этого дня: «А ах, скучно. Что-то старое витает тут».

Контрреволюционное большинство Собрания отказалось обсудить и принять написанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», явившуюся основой Советской Конституции.

Большевистская фракция, как известно, покинула заседание, заявив, что Учредительное собрание представляет собой вчерашний день революции.

В пятом часу утра, уже 6-го января, заседание было закрыто. Возможно, что как раз в ту минуту, когда началь-

ник караула, выполняя инструкцию наркома по военно-морским делам П. Е. Дыбенко, готовился произнести свои ставшие историческими слова: «Караул устал, прошу расходиться», — его взял «на карандаш» Юрий Константинович Арцыбушев...

Ветеран рабочего движения Альберт Рис Вильямс в книге «О Ленине и Октябрьской революции» подробно описывает этот день. Он тоже подчеркивает, что Владимир Ильич довольно быстро потерял интерес к происходящему: «Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса». И такой любопытный штрих: «...он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрачивают свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал спокойно сидеть. Раз два он приоткрывал глаза, прищурившись: осматривался вокруг и снова опускал голову».

Но это было уже в разгар заседания. А в его начале — сошлемся здесь на «Биографию В. И. Ленина» — вождь революции, стремясь уяснить для себя к чему клонят представители различных фракций, «подает реплики эсеро-меньшевистским ораторам»...

Перелистывая страницы альбома, убеждаешься, что все о чем говорят и очевидцы этого события и документы, художником в той или иной степени, запечатлено, он как бы фиксирует час за часом пребывание В. И. Ленина в Таврическом дворце...

К счастью, альбом «Диктатура пролетариата» «выжил» не только в спецхране. Вот что рассказывает московский библиофил, журналист ЯКОВ БЕЛИЦКИЙ.

Этот альбом давно у меня, наверно уже лет двадцать. Попал он ко мне не совсем обычно.

Шел я по субботнему обыкновению из одного букинистического магазина в другой надеясь, как всегда, разыскать что-нибудь из бесконечного «моего списка» и неподалеку от одного из магазинов заметил старушку. Она пыталась зацепить скрученные в трубку бумаги в узкую щель между стеной дома и спинкой садовой скамейки. Заметив мое внимание, старушка перестала трудиться и засеменила в ближайший переулок.

Я не поленился залезть под скамейку, подтолкнуть снизу застрявшую бумажную трубку и она, пружинисто развернувшись, тутчас же превратилась

в изрядно помятый и порванный по краям тоненький альбом.

...Старушки и старички приносили букинисту ветхие книжки, уцелевшие в комодах и сундуках, тот посмотрит со скучающим видом, что-нибудь отберет, большую часть отодвинет в сторону, а на какую-нибудь брошюру покажет пальцем, оглянется и скажет: «Выбросьте и никому больше не показывайте. Вы видите, кто здесь?!» И хотя в пятидесятые годы за такие книжки уже не сажали, воспитанные в иные и не столь отдаленные времена владельцы старались тут же избавиться от опасного груза и домой в тот день возвращались поспозже, да еще и кружным путем, обмирая от каждого встречного и догоняющего...

Да и я, признаться, раскрыв альбом на середине и узрев первым делом Троцкого и Зиновьева, в метро, а потом и в троллейбусе находку свою тоже рассматривать не решился и все провораля замок у портфеля — надежен ли?

Дома нетерпеливо разложил альбом на столе, разглядел, подомнул, стал изучать.

Фамилия художника, тем, кто занимается историей русского политического рисунка знакома. Арцыбушев был одним из издателей журнала «Зритель», который недолго выходил в Петербурге в 1905 году. И не только издателем, но и автором многих карикатур и среди них знаменитой «Разгон демонстрации». Еще я нашел в своей картотеке упоминание, что сам он художник потомственный: отец его был участником митинговского кружка, дружил с Коровым и Врубелем.

Лет через десять после столь необычного приобретения альбома купил я монографию В. В. Шлеева «Революция 1905—1907 годов и изобразительное искусство». Там было несколько строчек об Арцыбушеве, а главное — сноска на вышедшую в 1938 году книгу «1905 год в сатире и карикатуре». Пошел в Ленинку за книгой. Не дали. Спехран.

А нет ли чего любопытного о художнике в любимом моему сердцу ЦГАЛИ? Есть.

50 документов. Среди них — каталог персональной выставки (Была ли она?). Перечисляются портреты И. Бунина, Ф. Шаляпина, А. Яблочковой, А. Гречанинова, основателя театрального музея А. Бахрушина, В. Поленова 1924-м годом помечен портрет Александра Федоровича Онегина. Упомянут портрет Марии Петипа — дочери знаменитого балетмейстера Мариинского театра Мариуса Петипа. Где теперь все это? Каталог делался торопливо. Сужу об этом по обмолвкам в нем. Например, указывается портрет А. В. Луначарского. Дата работы — 1911 год. Но в той же архивной папке (единственный из всего что перечислено в каталоге!) — отменно выполненный черным карандашом портрет Анатолия Васильевича. Помета. Большевик И дата: 1918 год.

Дата, видимо, истинная: портрет очень близок к изображению в альбоме.

Множество писем и телеграмм. Среди адресатов — С. Рахманинов, А. Глазунов, А. Гречанинов... Телеграмма Бунину в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Все это свидетельство близости художника к виднейшим деятелям отечественной культуры, ко многим событиям в ней происходивших.

Просмотрено все, что отложилось в архиве. Об альбоме — ни слова.

Издан альбом «Товариществом Кнебель». Не зайти ли с этого конца?

Хорошую и умную книгу написала о своей жизни известный театральный режиссер Мария Осиповна Кнебель. И одна из лучших глав в этой книге — об отце: известном русском издателе. Но Арцыбушев в этой главе не упоминается. И на выставке, которая была приурочена к 125-летию со дня рождения Осипа Николаевича Кнебеля, где было показано, казалось бы все, что было выпущено в свет этим неутомимым, талантливым человеком — ни на стендах, ни в каталоге Ю. К. Арцыбушева нет.

Но вот в прошлом году стал я приносить на свой стол в научном зале Ленинки и все, что мне надобно для работы. Нет, не буду впадать в эйфорию, скажу лучше — почти все... Потому что, хоть и раскрыл свои богатства спецхран, все равно: то — «в переплете», то — «в реставрации», то — «занято читателями» — оно, может, все и так... Но все-таки, стала мало-помалу прибавляться моя картотека по Юрию Константиновичу Арцыбушеву!

Получил я с перечеркнутым штампом спецхрана выпущенную в 1928 году книгу С. Исакова «1905 год в сатире и карикатуре». Фамилия художника встречается здесь довольно часто. Автор о нем отзывался вот как: «Скромный, тихий по внешности. Ю. К. Арцыбушев был очень даже зубастый. В искусстве обходить цензурные рогаки проявлял он большую изобретательность».

Имеются обстоятельные ссылки на Арцыбушева и его журнал в очень интересных исследованиях А. А. Сидорова «Русская графика за годы революции» и «Мастера современной гравюры и графики». Вышли все эти книги в начале и середине 20-х годов. В более поздних трудах и монографиях, за исключением многотомного, но застрявшего почему-то на первых выпусках словаря «Художники РСФСР» Арцыбушев не упоминается. И в старых книгах и в новейшем этом «Словаре» об альбоме нет ничего.

Единственная отрада во всем моем долгом и безуспешном поиске — это строка на читательском требовании, что альбомом библиотека не располагает. Какой из книголюбов не поймет взыгравшую во мне в тот миг тщеславную гордость!

Мне не удалось пока установить тиража «Диктатуры пролетариата». Единственное указание, что только «подносных альбомов» («на лучшей бумаге» — указывается на титульном листе) было 500. Думаю, что и остальных ненамного больше.

КНИГА, О КОТОРОЙ МОЛЧАЛИ 70 ЛЕТ

Завидную судьбу этой книги не называть. Современники выносили суровый приговор ей за то, что художественные достоинства помещенных в ней литографий уступали лучшим образцам той поры. Сам создатель альбома вынужден был до последнего своего часа умалчивать вообще о его существовании...

Что же это за издание? Как это ни парадоксально, речь идет об одном из первых документов нашей советской эпохи, запечатлевшем образы революционного Октября. А если говорить более определенно, то на этих страницах перед нами проходит, пожалуй, наиболее представительная галерея действующих лиц российской социалистической революции в один из самых тревожных ее периодов — во второй и третий месяцы после победного восстания.

Художник, поставивший перед собой задачу увековечить облик тех, кто стоял тогда в эпицентре бурного общественного движения, не посчитал нужным поместить в альбоме какое-либо предисловие, из которого мы бы узнали и об истории зарождения творческого замысла и о том, каким образом, благодаря чьей поддержке ему посчастливилось стать свидетелем и участником столь разных по своей политической ориентации событий, наблюдать и рисовать своих героев в ходе острых дискуссий. Все это осталось за кадром, обо всем этом мы можем только догадываться. Правда, приведенные на обороте титульного листа несколько строчек из пушкинского «Бориса Годунова» воспринимаются не иначе, как своеобразное авторское кредо.

*Так точно дьяк, в приказах поседель,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.*

Очевидно, именно такую роль — беспристрастного летописца событий — и пытался отвести себе художник. Октябрьскую революцию он встречал уже далеко не юношей. Позади была учеба в Академии художеств. В семнадцатом он отмечал свое тридцатилетие. Но и за десять лет до этого, в годы первой ре-

волюции в России, Юрий Арцыбушев вполне определенно заявил о своей гражданской позиции. В 1905—1908 годы он был редактором-издателем еженедельного журнала политической сатиры «Зритель».

Перелистывая страницы альбома, убеждаешься в том, что автору не удалось удержаться в рамках отведенного себе амплуа — равнодушного фиксатора увиденного. Он не скрывает своего восхищения героями революционных битв. Каждый из них для художника — личность, несмотря на то, что все они — участники острых классовых сражений и, само собой разумеется, вовсе не единомышленники. Но судей им пусть будет время! А пока Юрий Арцыбушев всматривается в лица современников, слушает их взволнованные речи, посещает собрания, съезды, митинги, фиксирует в суть разногласий, стремится сбегать на бумагу как можно больше мгновенных историй...

125 рисованных портретов и портретных зарисовок представляет художник на двадцати девяти страницах альбома. Это немало! С обликом девяноста четырех деятелей октябрьской эпохи мы получили возможность познакомиться, благодаря этим натурным зарисовкам Юрия Арцыбушева. К тринадцати из них художник обращается по нескольку раз. Сделанные им лаконичные подписи под рисунками проливают свет на реальное течение идейной борьбы в те месяцы. Чтобы хоть в какой-то степени уловить биение ее пульса, достаточно обратить внимание на указанную художником партийную принадлежность тех, кого он выделяет из революционной массы. На страницах альбома представлены сорок четыре большевика, пятнадцать левых эсеров, тринадцать правых, шесть социал-демократов интернационалистов, два анархиста, по одному от меньшевиков и украинских эсеров. Этот пестрый конгломерат политических партий и течений дополняют еще более десяти упомянутых художником организаций и объединений. Перед нами предстают почти в полном составе члены первого Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, члены президиума ЦИКа, Революционного трибунала в Петрограде, Революционного трибунала по делам печати, делегаты съезда крестьянских Советов, члены мирной делегации Советского правительства на переговорах в Брест-Литовске, представители Украинского советского правительства и других организаций и учреждений, составлявших политическую систему общества на переломе 1917 и 1918 годов.

Вместе с ними художник знакомит нас и с большим количеством лиц, которые противостояли большевикам в тот период. Это прежде всего депутаты Учредительного собрания. Не выражая воли трудового народа, этот орган вскоре пришел к своему печальному финалу и был распущен.

Шесть портретов посланцев рабочих зарубежных стран встречаем на страницах книги. Тут и делегаты революционных организаций Швеции, прибывшие приветствовать Октябрьскую

революцию, и швейцарец Фриц Платтен, спасший жизнь В. И. Ленину во время покушения контрреволюционеров в новгородские дни 1918-го и др.

Трудно будет назвать другое какое-либо издание, где вот так, сразу, открывалось бы несколько портретных зарисовок Владимира Ильича Ленина, сделанных с натуры, о которых десятилетия ничего не было известно. Шесть раз обращался Юрий Арцыбушев к изображению вождя Октября. Ленинским портретом начинает он свой репортаж и в своем альбоме. Выбран момент, когда произносится одна из множества речей, с которыми В. И. Ленину тогда приходилось выступать почти ежедневно. Никакой величественности в позе оратора! Он просто на работе. Весь сосредоточен на том, чтобы убедить и своих сторонников, и тех, кто враждебно настроен против власти народа. А может быть, здесь передается драматический эпизод, когда велась борьба за заключение мира в Бресте?

В другой раз мы с художником являемся свидетелями совсем иного душевного состояния. Владимир Ильич, чувствуется, утомлен до предела. Но он — весь внимание. Правая рука его у виска. Глаза полузакрыты. Он вслушивается в доводы оппонентов, обдумывает, взвешивает, готовится к новому выступлению...

Эти портреты, несомненно, должны занять достойное место в отечественной Лениниане. Можно только сожалеть, что более семидесяти лет о них не вспоминали даже в специальных изданиях, посвященных художественному воплощению образа В. И. Ленина. Справедливости ради надо сказать, что в двадцатые годы работы Ю. К. Арцыбушева не обходили вниманием, она значится в каталогах того времени. Правда, в вышедшей в 1923 году книге А. А. Сидорова «Русская графика за годы революции. 1917—1922» арцыбушевские автолитографии оценивались недостаточно высоко и вообще им противопоставлялись наброски с натуры, сделанные Н. И. Альтманом. Но нам сегодня дороги и те и другие работы, ибо каждая из них по-своему повествует об изначальных путях революционных преобразований в нашей стране.

И, наконец, ответ на вопрос, закономерно возникающий у читателя: отчего же эту книгу лишь теперь мы можем возвращать из забвения? Ответ, к сожалению, прост до банальности. Поскольку в альбоме изображены портреты Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого..., то об этом издании, естественно, лучше было не вспоминать. Так поступал, очевидно, и сам художник (он умер в 1952 году). Судить его за это мы не вправе. А сегодня мы благодарны ему за то, что своим талантом он донес до наших сердец дыхание Октября, уловленное им самим, позволил почувствовать живую поступь истории, увидеть вождей диктатуры пролетариата в России. И в первую очередь — Владимира Ильича Ленина.

В. ДЕСЯТЕРИК,
доктор исторических наук

“ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА”

АВТО-ЛИТО-

ГРАФИИ С

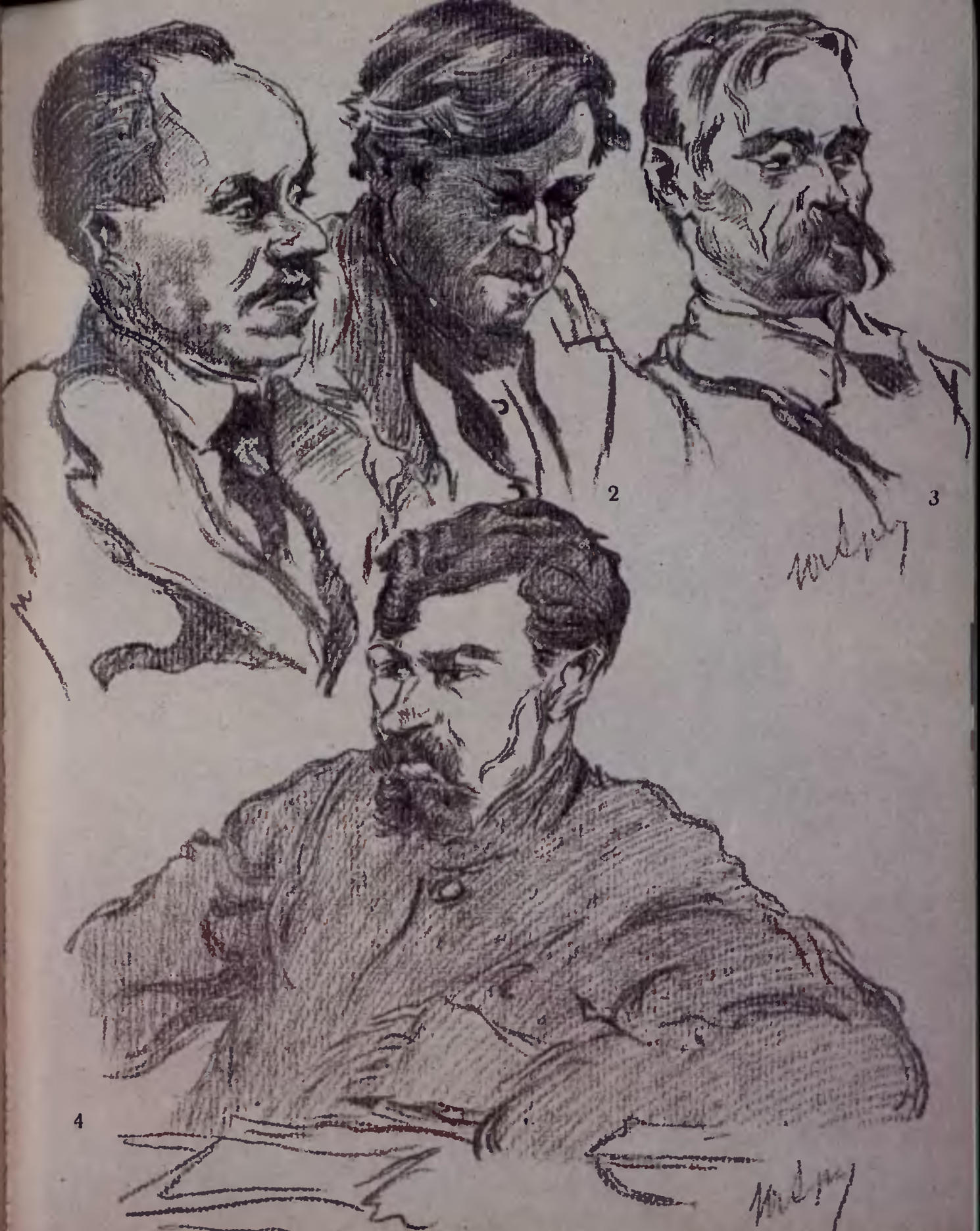
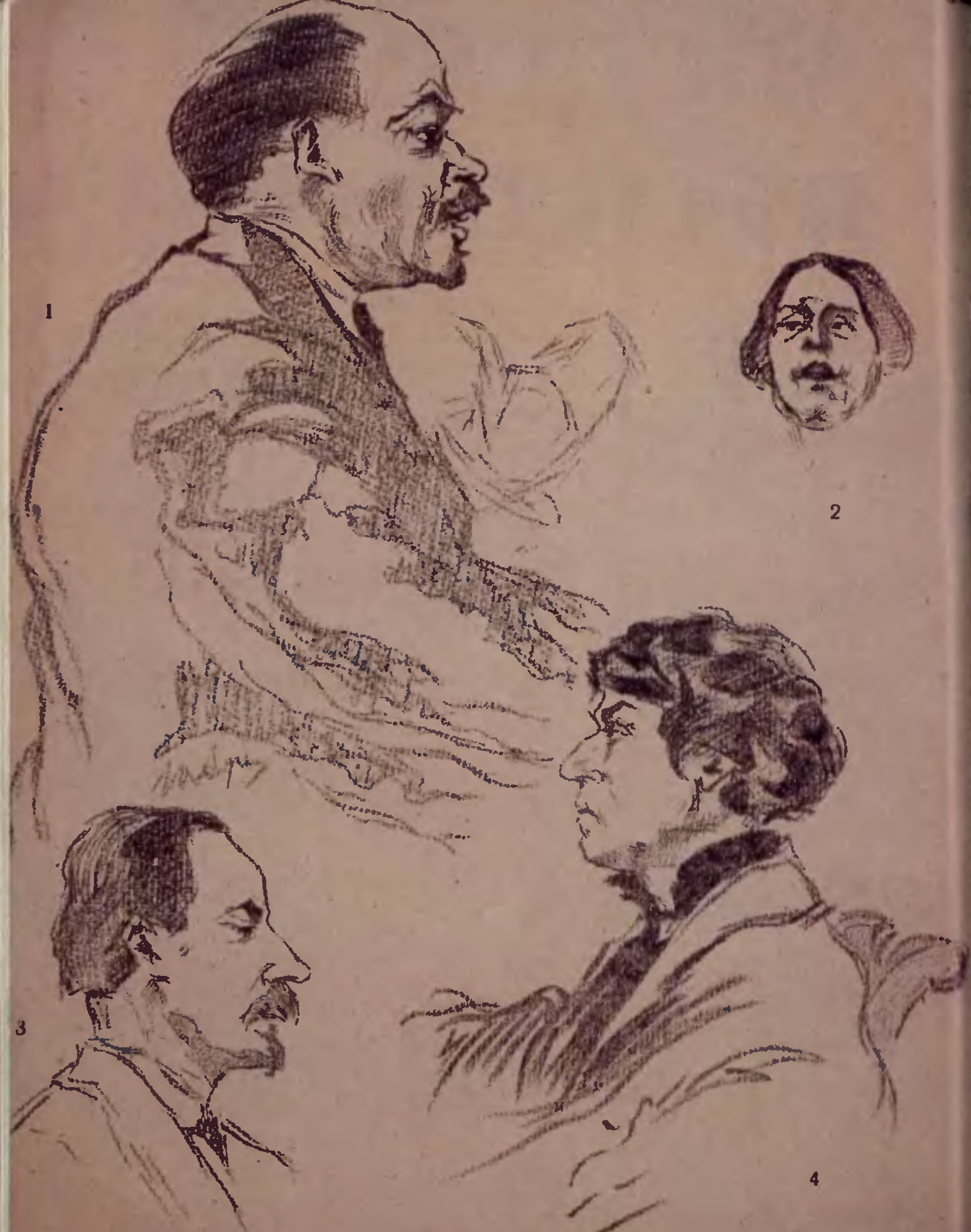
НАТУРЫ

Ю. К.

АРЦЫБУШЕВА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

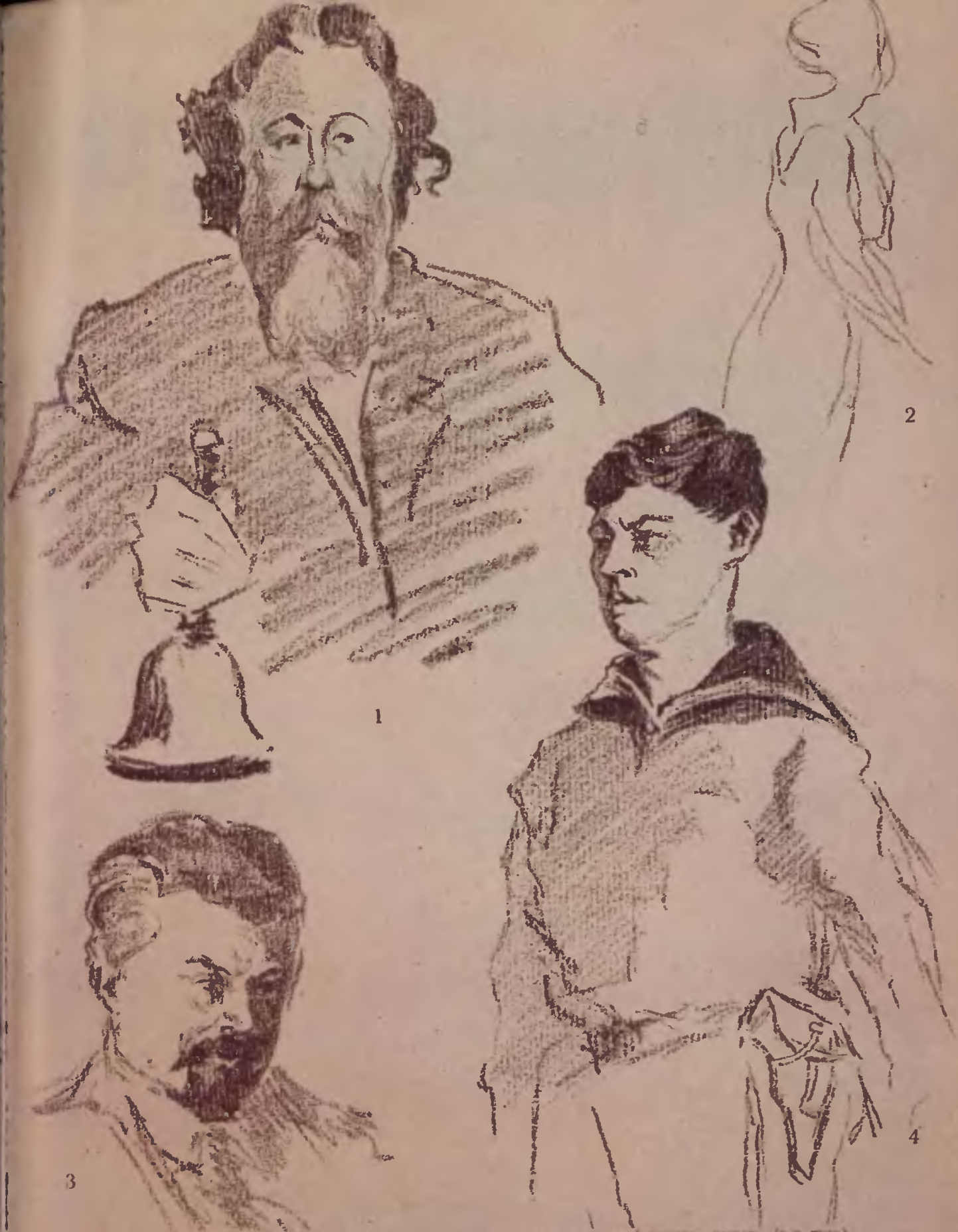

1. Ленинъ (Ульяновъ), предсѣд совѣта народныхъ комиссаровъ (большевики). 2. Спиридонова, (с-р. лѣв.).
3. Подвойскій, комиссаръ по военнымъ дѣламъ (больш.). 4. Колонтай, комиссаръ по дѣламъ народного
призрѣнія (больш.).

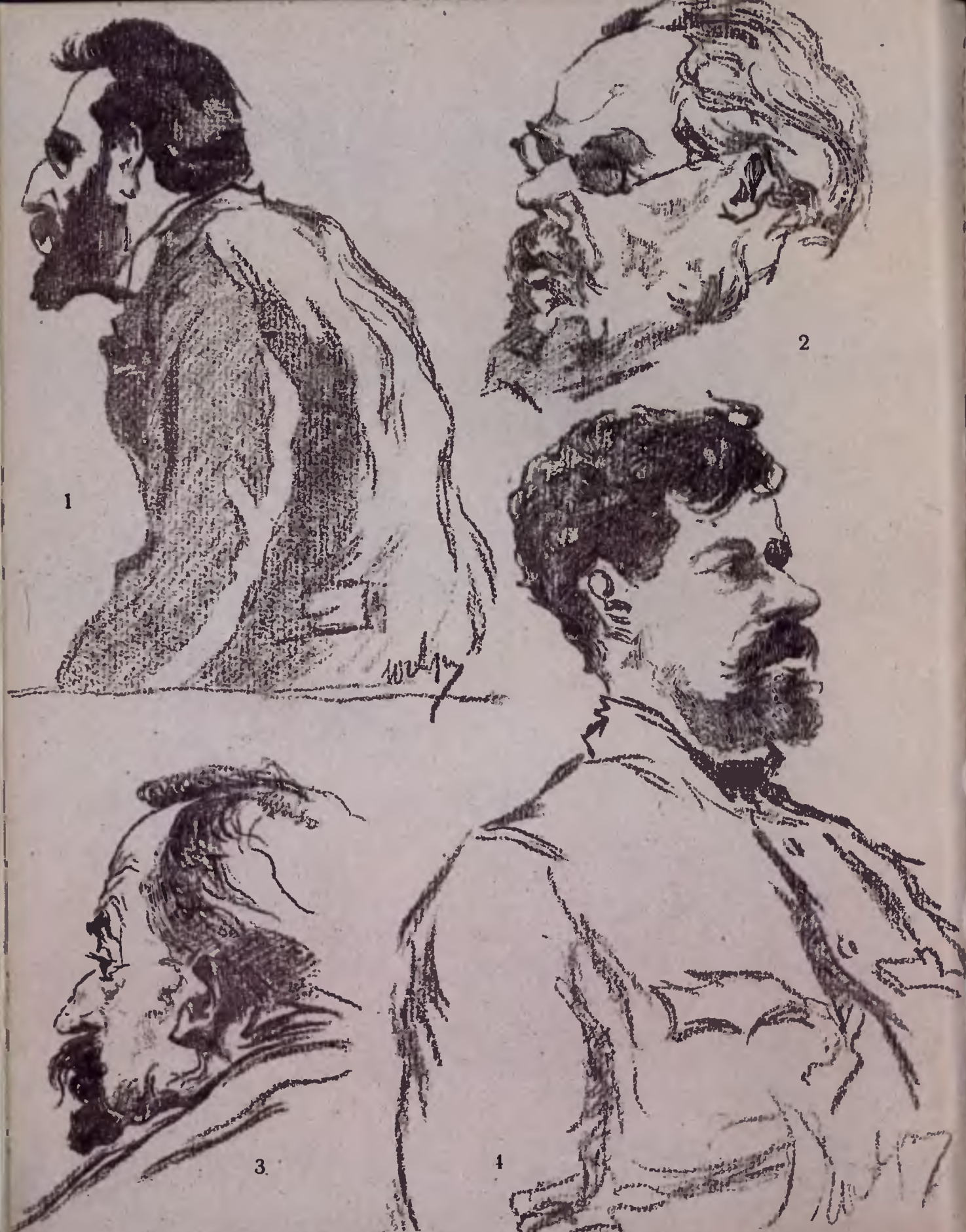
1. Ветошкинъ, чл. Учр. Собр. (больш.). 2. Аверинъ, чл. Учр. Собр. (больш.). 3. Тимофѣевъ, чл. Учр.
Собр. (больш.). 4. Дыбенко, комиссаръ по морскимъ дѣламъ (больш.).

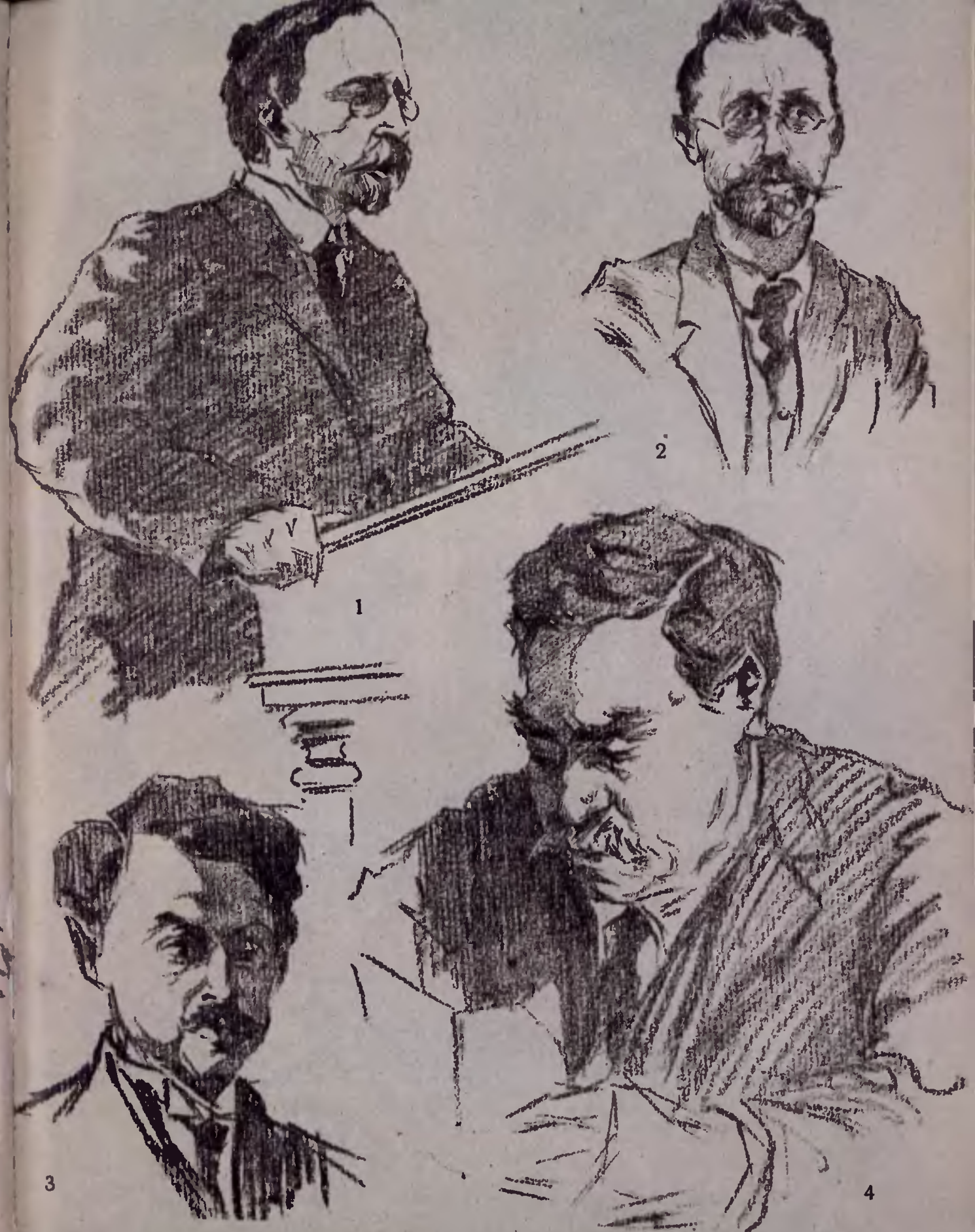
1. Камковъ (Кацъ), (с.-р. лѣв.). 2. Колонтай, комиссаръ по дѣламъ народнаго призрѣнія (болыи.). 3. Гоффе, предс. мирн. делегаціи въ Б. естѣ-Линголскъ (болыи.). 4. Спиридонова, (с.-р. лѣв.).

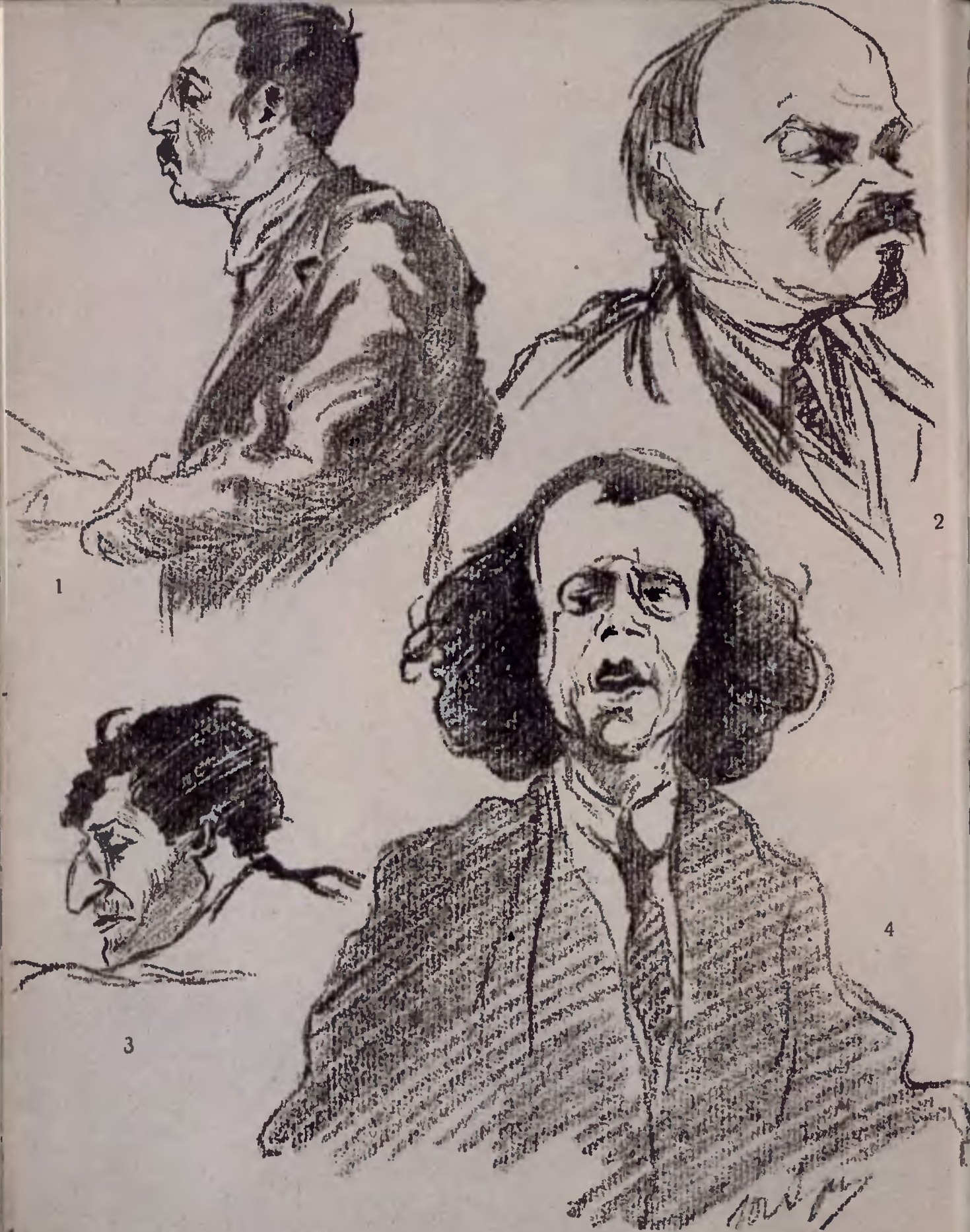
1. Швецовъ, открывшій 5-го января Учр. Собр. отъ имени большинства собиравшихся членовъ (с.-р. прав.). 2. Спиридоновъ, (с.-р. лѣв.). 3. Черновъ, избраннй председателемъ Учредительнаго Собрания (с.-р. прав.). 4. Желвакинъ, маркс., вѣдомый охотникъ Таврич. Дворян. преданности членомъ Учред. Собр. прервать работу (анархистъ).

1. Мартовъ, (с.-д, интернационалистъ). 2. Елизаровъ, комиссаръ путей сообщенія (больш.). 3. Чечеринъ, тов. комис. по иностр. дѣламъ (больш.). 4. Дыбенко, комиссаръ по морскимъ дѣламъ (больш.).

1. Каменевъ (Розенфельдъ), членъ мирной делегаціи (больш.). 2. Масловъ, чл. Учр. Собр. (с.-р. прав.). 3. Штейнбергъ, комиссаръ юстиціи (с.-р. лѣв.). 4. Шляпниковъ, комиссаръ труда (больш.).

1. Крамаровъ, (объединен. с-д. интернационал). 2. Ленинъ (Ульяновъ), предсѣд. совѣта народныхъ комиссаровъ (большевики). 3. Аванесовъ, секр. центр. исп. ком. (больш.) 4. Гординый, (анархистъ).

МАСТЕРА
М. ЛЕБЕДЯНСКИЙ
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ
«ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
В ГРАВЮРАХ АЛЕКСЕЯ ЗУБОВА»

Есть такие произведения искусства, которые одновременно являются не только выдающимся явлением самого искусства как художественного творчества, но и наиболее ярко и полно выражают общественное содержание целых исторических периодов. Такие произведения искусства редки, но именно они возвышаются в общем ряду явлений художественной культуры и именно их мы называем шедеврами. Таким шедевром является и «Панорама Петербурга» (1716 г.) Алексея Федоровича Зубова, наиболее полно выразившая сам дух петровских преобразований России.

Санкт-Петербург — новая столица, военная крепость и морской порт — строился удивительно быстро; но Петру I и эти темпы казались недостаточными. В 1716 году он уезжает за границу. К его возвращению Екатерина I приказывает директору Санкт-Петербургской типографии М. Аврамову награвировать перспективу Петербурга. Возможно, что и Меншиков поощрял и контролировал работу над этой гравюрой. В то время в типографии было

два старших мастера: Питер Пикарт и Алексей Зубов. М. Аврамов поручает выполнение этого ответственного заказа Зубову.

В сборнике «Старина и новизна», изданном В. Г. Рубаном в 1772 году, имеются заметки иеромонаха флота Г. Бужинского, относящиеся к гравюре Зубова. Приведем небольшой отрывок: «Слово в похвалу Санктпетербурга ... при поднесении Его Величеству, перво-вырезанного на меди плана и фасада Петербурга. Град сей ... прекрасными зданиями украшенный, паче по всему Тебе собственно, яко премудрейшему и первейшему его зодчему начало свое долженствующий: тцанием Твоим нововведенное в России и преславно успевшее гридировальное художество, изображенный на хартии принесит».

Остановимся на двух моментах этого «Слова», текст которого впоследствии подклеивался к «Панораме Петербурга», относящихся к самой гравюре. В нем подчеркнуто, что Бужинский подносит царю «первовырезанный на меди план и фасад Петербурга». Мы знаем, что первые небольшие виды Петербурга

с изображением Петропавловской крепости гравировал и Пикарт. Но современники считают первым видом Петербурга именно работу Зубова, возможно, потому, что она намного превосходит небольшие виды Пикарта как обширностью изображенной панорамы города, виртуозной техникой, художественными достоинствами.

Последние приведенные слова из посвящения Бужинского: «нововведенное в России и преславно успевшее гридировальное художество» дают основание для вывода, что работа Зубова должна была быть поднесена Петру I как лучший образец русского гравировального искусства, который достойно прославляет петровский «парадиз» — Санкт-Петербург.

Панорама города работы Зубова прекрасна! Он нарисовал дома Васильевского острова, Петропавловскую крепость и здания Петербургской стороны. Кроме того, в панораму вошли здания Литейной части и набережная реки Фонтанки с проектировавшейся колоннадой Летнего сада.

ЧТО ЭТО ЗА СУЩЕСТВО ТАКОЕ — МУЖЧИНА, И КАК С НИМ ОБРАЩАТЬСЯ!

Мы в редакции прочли верстку книги, не пренебрегая и новой главой. Ответно — ничего ужасного. Думаем, что и другие не придут в состояние шока. Читателям, а особенно читательницам, рекомендуем изучить книгу целиком — столько в ней полезных советов на разные случаи жизни. Издателям — откликнуться на деловое предложение «Прогресса». Сами же — публикуем небольшие отрывки из «Энциклопедии».

Тем, кто никогда этого не делал, мы очень советуем понаблюдать, как ведут себя некоторые мужчины в состоянии опьянения. Сколько шумной удачи в жестах и выпяченной груди, сколько самой необузданной фантазии в фанфаронских речах, какая мания величия! Сам Наполеон Бонапарт почувствует себя рядом с ними скромным, застенчивым ребенком.

Вы, милые читательницы, учитывая все это, имейте сочувствие к бедным рыцарям, лишенным возможности иначе проявить свою силу и мужество. А чтобы рыцарство в наше время уживалось с помпезностью по дому и не принимало порой вид демонстративного отказа пойти в магазин, в который вам самим почему-либо идти не хочется, научитесь быть тактичными. Ну что вам стоит сделать на десять минут восхищенные глаза и внимательно выслушать басни, которые наглет вам мужчина, вернувшись с работы или футбола? Больше десяти минут мужчина все равно сам не выдержит, а вы в это время, не переставая восхищаться им, вручите ему переполненное мусорное ведро или пыльный ковер, остальное он сделает и без вашей подсказки.

Позерство и безмерное хвастовство у мужчин в крови вне зависимости от их возраста и интеллекта. Какой-нибудь кандидат биологических наук прожужжит вам все уши о том, на грани какого великого открытия он находится. Поддержите его, скажите, что вы всегда верили в его талант, да что там талант — в его гений ученого! Вы ничем не рискуете: во-первых, будет удовлетворено его самолюбие, во-вторых, он приготовит обед, от одного вида которого хочется облизнуть пальчики, в-третьих, — чем черт не шутит? — может, он в самом деле откроет в какой-нибудь мухе нечто такое, чего до него никто не замечал. (Учитесь наблюдательности: посмотрите, сколько вокруг не то что кандидатов, а докторов наук! Правда, среди них вы не найдете ни одного Коперника или хотя бы Архимеда, ну да что за беда. Зато ни Коперник, ни тем более Архимед не были даже кандидатами наук и, соответственно, не получали надбавки к зарплате). Но если вы перебьете доможенного гения, не дослушав его фан-

тазий и до середины, вы тем самым: а) испортите ему настроение, б) испортите настроение себе, в) обед готовить придется вам самой и, наконец, г) из просто неудачника вы сделаете закоренелого неудачника. Любому мужчине необходима какая-нибудь еда, а своя «муза». Никакая «муза» никакой женщине и даром не нужна.

В прежние времена рыцарь, раздосадованный тем, что дама его сердца предпочла ему другого рыцаря, пускал обидчику кровь и только тогда успокаивался. Этот рыцарь решался на такой, говоря современным языком, уголовный проступок не потому, что дама изменила ему (дамы сердца, как правило, потому и назывались «дамами сердца», что были замужем за другими мужчинами, а восторженным рыцарям позволяли разве что поднять свою обретенную перчатку из ямы со львами); рыцарь решался на крайнюю меру потому, что на какое-то время лишался определенной дозы восхищения, без которого, как без воздуха, он не мыслил себе своего существования. Ничуть не менее нуждается в восхищении и современный мужчина. Лишите его этой радости — и он отравит вам жизнь. Не газом, конечно, — он сделает это чисто по-мужски: будет вечно ворчать и ко всему придираться.

Если мужчина жаждет, чтобы окружающие восхищались его ловкостью, силой, мужеством и «огромными» деньгами, которые он зарабатывает, то женщине необходимо, чтобы в ней ценили ее давнее качество — в сущности, весьма обманчивое, — ее красоту.

Мужчина, которому не лень изо дня в день на протяжении двадцати лет повторять жене: «Господи, как ты прекрасна!» — может чувствовать себя в полной безопасности: его не заставят мыть посуду, сбежать лишний раз в магазин и выложить на стол всю свою зарплату до копейки; напротив, из зарплат, оказавшейся на столе, ему дополнительно перепадет некоторая сумма — ведь настоящий мужчина должен быть всегда при деньгах, мало ли что может случиться! И напротив, женщина, обойденная пусть даже формальным вниманием к ее внешности со стороны мужчины, очень быстро превратится в мегеру: станет ворчать, жаловаться на свои многочисленные существующие и несуществующие болячки, ныть и в конце концов насмерть запилит мужчину.

Сказать по правде, все эти отношения очень напоминают сделку по принципу: ты мне, я тебе. Женщина, одаривая мужчину вниманием, тем самым вовсе не признает, что она законченная дуреха и не видит всех его недостатков. Точно так же и мужчина, без устали восхищающийся красотой женщины и утверждающий, что равной ей не сыскать в целом мире, не откажет себе в удовольствии уставить на улице на мало-мальски смазливую девчонку.

Многие люди и слышать не желают слово «сделка», когда речь заходит о любви в совместной жизни. Однако не станем ханжески закрывать глаза на тот очевидный факт, что многое в этой «сделке» нас не только устраивает, но и радует. Человек, вечно ищущий нечто за-

О Н И О Н А

гадочно-мистическое и умеющий найти это «нечто», конечно же, наивен. Но наивность эта сродни той искренности восприятия, с какой мы смотрим понравившийся нам фильм или читаем увлекательный роман, нисколько не задумываясь над тем, что перед нами придуманная, а не «самделишная» жизнь.

О ВАЖНОСТИ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Миллионы женщины заботятся о свежести своего лица и рук, не останавливаются перед дополнительными расходами, чтобы приобрести модное косметическое средство. Между тем самыми эффективными косметическими средствами были и остаются душевное спокойствие, хорошее настроение и положительные эмоции. Женщины не помогут никакие массажистки, никакие косметические маски и никакой самый современный Институт красоты, если она истерична, подавлена, завистлива, мрачна и обидчива. Таких женщин не любят. В лучшем случае их побаиваются, как бы они своим угрюмым настроением не испортили настроение и другим. Вы хотите, чтобы вас боялись? Нет? В таком случае запомните, что приобрести душевное равновесие и положительные эмоции значительно проще и дешевле, чем оплатить услуги косметолога или массажистки.

Старая поговорка гласит: как аукнется, так и откликнется. Если вы дали волю своему гневу, он возвратится к вам в виде злости, если вас обуревают зависть, будьте уверены, что она вызовет не сострадание к вам, а чувство презрения. Вернувшись домой после работы, забудьте обо всех огорчениях и недоразумениях. Создайте вокруг себя обстановку спокойствия и уюта, и к вам вернется хорошее настроение. Сосредоточьтесь на чем-нибудь приятном и скажите себе: «Я люблю, я любима, я хочу принести радость людям, я счастлива!» Увидите: от всех ваших огорчений и недоразумений не останется и следа. В этом нет ничего мистического; это обыкновенная душевная гигиена.

Между прочим, многие женщины (да и мужчины тоже), чуть понервничав, сразу же хватаются за успокаивающие таблетки. Не спешите это делать: ваша психика обладает достаточным запасом прочности, чтобы справиться со стрессовым состоянием самостоятельно. Обращение же к лекарствам угнетает наш мозг, ослабляет организм, притупляет способность нашей психики к устойчивому равновесию. Кроме того, систематическое употребление лекарств вызывает множество нежелательных побочных явлений.

Мы, конечно, вовсе не призываем вас превратиться в этакое бездушное существо, которому нет никакого дела до того, что происходит вокруг. Да это вам и не удастся, как вы ни старайтесь. Но если у вас вспыхнула ссора с мужем, закройте глаза и представьте, что вы идете с ним рука об руку по чу-

десному лесу, слышите, как поют птицы, как звенит лесной ручей... Уверены, что если вы и не помиритесь в ту же секунду со своим мужем, то ссора ваша быстро пойдет на убыль. Через каких-нибудь полчаса ваше настроение окончательно улучшится, и вы с улыбкой спросите себя: как я могла допустить, чтобы из-за какой-то чепухи вспыхнула ссора с любимым человеком?

Стоит же ссору поддерживать, распалить ее своими язвительными замечаниями и обидой — и конечно дело: вы отравите настроение и себе и мужу на долгие дни, и еще неизвестно, во что эта ссора выльется.

КАКАЯ Я ЖЕНА И КАКОЙ Я МУЖ?

Американские социологи тщательно изучили 1500 супружеских пар, в результате чего написали 500 страниц отчета. Мы не станем утомлять ваше внимание подробным изложением этого отчета, интересного разве что специалистам. Попробуем вычлени из него качества, которые присущи как женщинам, так и мужчинам с плохой приспособляемостью к супружеской жизни (перечень этих качеств мы приводим в порядке убывания частотности).

Женщины с плохой приспособляемостью: любят ссориться, не способны к проявлению подлинных чувств, эгоистичны, предаются только личным интересам, не следят за собой дома, тщеславны, излишне критичны к супругу, не заботятся о детях, плохие хозяйки...

Мужчины с плохой приспособляемостью: не имеют никаких интересов, не заботятся о материальном содержании семьи, неверны, не проявляют чувств, не способны договориться об общих делах с супругой, грубы по отношению к детям, способны к физическому насилию над женщиной, не проявляют интереса к дому, мало требовательны к собственному развитию, обидчивы.

Перечитайте еще раз внимательно этот перечень качеств, мешающих установить нормальные отношения в семье, и постарайтесь честно ответить себе, не свойственно ли какое-то одно из этих качеств (или сразу несколько) и вам?

Помимо дурных качеств, на благополучии семьи могут отрицательным образом сказаться и наши дурные привычки. Но если с дурными качествами нашей натуры можем успешно бороться только мы сами, то дурные привычки, имеющие немало общего с дурными качествами, поддаются исправлению со стороны. Занудство, например, никак не назовешь качеством нашей натуры, это скорее приобретенный порок. Так же, как неопрятность, неумение слушать собеседника и прочее. Причем вот что любопытно: люди, как правило, весьма терпимы относятся к собственным недостаткам и проявляют куда как высокую требовательность к другим, в ком видят точно такие же недостатки. Отсюда следует тот важный вывод, о котором мы уже, по сути дела, говорили выше: в жизни

вообще и в супружеской жизни в особенности необходимо придерживаться умеренности и терпимости к каждому конкретному негативному проявлению. Будем помнить, что никто из нормальных людей, даже наделенных теми или иными отрицательными качествами и привычками, не ставит перед собой цели, едва вступив в брак, тотчас его разрушить. Напротив, люди, вступающие в брак, руководствуются самыми благими намерениями и убеждены, что как раз их брак будет «самым счастливым на свете». Спросите сварливую женщину, обрывала ли она на полуслове своего мужа, когда тот был еще только ее женихом? Такая женщина в ответ только захлопает глазами и удивленно спросит: «А разве я сегодня не слушаю своего мужа?» — даже не замечая, как она разительно переменилась за каких-нибудь пять лет. Или спросите скрягу, озабоченного лишь увеличением вкладов на свою сберегательную книжку, дарил ли он когда-нибудь своей жене, когда та была еще его невестой, цветы? У скряги запунцовеют щеки, хотя и он не ответит вам с уверенностью, когда именно он пришел к выводу, что цветы — это непозволительная роскошь, без которой его жена вполне может прожить.

Как видим, метаморфозы, происходящие в нас, отнюдь не заложены в нас от рождения, а развиты определенными обстоятельствами и имеют под собой весьма серьезные психологические причины. Чем дольше по времени эти обстоятельства и эти причины остаются нераспознанными, тем труднее бывает нам расстаться со своими отрицательными привычками. Чтобы избежать этого, необходимо с самого начала быть открытыми друг с другом. Случается, что и мелкие обманы вызываются благими намерениями. Но человек, привыкший ко лжи, утрачивает одно из самых ценных своих качеств — искренность. Человек, свободный от лжи, легче решает встающие перед ним проблемы. Человек же, на каждом шагу лгущий другому по делу и без дела, очень часто начинает лгать самому себе. И забывшись от этого вам помогут тесты, которые мы обещали привести.

Объясним, как пользоваться этими тестами. Вместо ответа «да» или «нет» вы против каждого вопроса ставите себе очки от 0 до 5. Если сумма очков, полученная вами, в итоге достигнет 100, это будет слишком хорошо, а потому будет означать, что вы лжете не только другим, но и себе. Вернитесь к тесту еще раз и постарайтесь быть более правдивой. Записав на отдельном листке полученный результат, попросите оценить вас по этому тесту вашего мужа. Не огорчайтесь, если результат мужа окажется слишком низким. Сложите результат, полученный вашим мужем, с вашим собственным результатом и полученную сумму разделите на два. Если вы оба окажетесь искренни перед собой и друг перед другом, вы узнаете нечто такое, что будет похоже на правду о вас. (Подобным же образом поступите с тестом для мужа — и ему будет полезно узнать правду о себе).

ТЕСТ ДЛЯ ЖЕНЫ:

1. Можете ли вы вдохновить своего мужа на работу, не оказывая на него прямого давления?
2. Заботитесь ли вы о том, чтобы ваши внешность и поведение были такими же привлекательными для вашего мужа, как перед свадьбой?
3. Проявляете ли вы внимание к его родственникам и утаиваете ли ваши недоразумения с мужем от своих родителей и родственников?
4. Уверены ли вы в том, что никогда не докучаете мужу мелочами, которые отравляют ему жизнь?
5. Относите ли вы терпимо к увлечениям вашего мужа, если эти увлечения сопряжены с определенными денежными расходами?
6. Лишена ли ваша сексуальная жизнь нездорового самоконтроля с вашей стороны?
7. Умеете ли вы проявить искренний интерес к работе мужа и удержаться от советов и критики, когда вас об этом не спрашивают?
8. Уверены ли вы в том, что вы настолько интересны вашему мужу, что он с удовольствием посвящает вам свой досуг?
9. Способны ли вы быть интересной собеседницей для его друзей?
10. Не превышают ли ваши расходы по хозяйству ваших доходов?
11. Есть ли у вас какие-нибудь долги, о которых не знает муж?
12. Считаете ли вы, что ваш дом удобен и приятен соразмерно вашим доходам?
13. Можете ли вы утверждать, что не ревнуете мужа и не даете повода для его ревности?
14. Способны ли вы говорить с мужем о ваших интимных потребностях без растерянности?
15. Стремитесь ли вы быть милой по отношению к его родителям и родственникам?
16. Можете ли вы честно сказать, что никогда не требовали от вашего мужа ничего, что могло бы испортить ему настроение, а ваше настроение при этом поднялось?
17. Правда ли, что особенности вашей работы мешают вам поддерживать домашнее хозяйство на должном уровне?
18. Готовы ли вы предоставить мужу столько свободы, сколько требуете для себя?
19. Не возражаете ли вы, чтобы ваш муж имел карманные деньги и не отчитывался за них перед вами?
20. Заботитесь ли вы о внешнем виде вашего мужа, если ему безразлично, во что он одет?

ТЕСТ ДЛЯ МУЖА:

1. Придерживаетесь ли вы принципа, что ваша жена — индивидуальная личность со своими взглядами, которые не обязательно должны совпадать с вашими?
2. Не вызывает ли вашего раздражения стремление вашей жены ирравиться не только вам, но и другим мужчинам?
3. Уверены ли вы, что ни ваша жена, ни дети не преодолевают психологический барьер, когда хотят приблизиться к вам?
4. Откладываете ли вы деньги на карманные расходы без ущерба для финансового положения семьи?
5. Обладаете ли вы чувством меры в вопросах секса, курения и потребления спиртных напитков?
6. Следуете ли вы правилу, что «одна голова хорошо, а две лучше» в обсуждении с женой принципиальных проблем?
7. Убедены ли вы в том, что не относитесь к жене свысока?
8. Предоставляете ли вы своей жене полную самостоятельность в ведении хозяйства и не контролируете ли при этом ее расходы?
9. Позволяете ли вы своей жене свободно тратить деньги на ее мелкие личные нужды?
10. Похвалили ли вы хоть раз за последние десять дней вашу жену за ее старания сделать ваш быт лучше?
11. Всегда ли вы помните о дне рождения вашей жены, годовщине вашей свадьбы и других семейных торжествах? Отмечаете ли эти события подарком?
12. Заботитесь ли вы в ваших интимных отношениях об удовлетворении сексуальных потребностей жены точно так же, как об удовлетворении своих собственных?
13. Воспринимаете ли вы как само собой разумеющееся долю вашего участия в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей?
14. Сдерживаетесь ли вы в критике своей жены в присутствии посторонних лиц, родителей и собственных детей?
15. Способны ли вы признаться самому себе, что ваш брак во всех отношениях удачный и вы не применяете свою жену ни на какую другую женщину?
16. Предпочитаете ли вы проводить свое свободное время с женой, а не с приятелями?
17. Если вы оба чувствуете, что вам необходимо поговорить с ребенком на щекотливую тему, берете ли вы инициативу на себя или перекладываете ее на жену?
18. Убедены ли вы, что ваша жена по-прежнему высокого мнения о вас?
19. Можете ли вы без колебаний сказать, что вы не ревнивы?
20. Предоставляете ли вы своей жене ту же свободу, какую требуете для себя?

СКАЗКИ И ПУТЕВОДИТЕЛИ

Юным читателям Советского Союза, Чехословакии, Польши, Болгарии, Югославии, Венгрии, ГДР крупнейшие издательства этих стран, выпускающие детскую литературу, предлагают в скором времени два новых совместных издания: «Наши столицы» — адресованную малышам серию рассказов-путешествий по столицам европейских социалистических стран и сборники фольклорных сказок.

Назначение первого совместного издания — дать юному читателю представление о конкретной столице в географическом, этнографическом, культурном аспектах. Это будут своеобразные путеводители с цветными фотографиями и рисунками, с живым доступным для ребенка тактом, повествующим о прошлом и настоящем города. Семь стран участвуют в подготовке серии. В Советском Союзе серия будет выпускаться в виде отдельных брошюр, небольших книжек, но в твердом переплете. Такой формат удобнее для маленького читателя, ему трудно держать в руках и рассматривать тяжелую увесистую книгу. Но издательства ГДР и Чехословакии отказались от выпуска отдельных книжек, и весь комплект станет выходить в этих странах под одной обложкой. В том и другом случае будет единое типовое оформление.

Координатор совместного издания — советское издательство «Малыш», где разработан макет издания.

Уже сформирована международная редколлегия. В нее вошли издатели, писатели, ученые.

Вторая серия — сборники фольклорных сказок. В нашей стране над этой серией работают три издательства: «Малыш», украинское — «Веселка» и белорусское издательство «Юнацтва». Есть предварительная договоренность, что в сборники, кроме сказок войдут потешки, загадки, пословицы, описания игр.

У создателей этой серии есть и некоторые проблемы. Например, директор немецкого издательства «Киндербух-ферлаг» Бурхард Хайланд рассказал, что в ГДР не издавались сборники народных сказок, поэтому для них опыт такого издания — принципиально новый.

Каждая страна самостоятельно устанавливает тиражи издания, прежде всего рассчитывая на свой рынок сбыта. Здесь надо учесть, что ни ГДР, ни Чехословакия не испытывают дефицита детской книги.

Поэтому в ГДР предположительный тираж — 10-12 тыс. экз., в Венгрии — 40 тыс. экз., а в СССР, как минимум 150 тыс. экз. В 1991 году с учетом работы трех советских издательств общий тираж достигнет 250-300 тысяч экземпляров.

Обмен материалами издательств-партнеров начался в 1989 года, а выпуск книг ожидается в 1991—1992 годах.

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ

Ведущий —

Геннадий АЙГИ

Алексей
Крученб

А В А Н Г А Р Д

Портрет А. Крученых
работы
М. Ларионова

Алексей
Крученбъ

В истории русской поэзии, пожалуй, не было большей несправедливости, чем та, которая проявлялась и проявляется донны по отношению к Алексею Крученых.

Наше литературоведение никогда не пыталось вникнуть в его творчество по-настоящему. Крученых был нужен — как «козел отпущения»: в течение полувеска сваливали на него «футуристические грехи» Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова.

Круча, Крых, Кручик, Кручень, Круч.
«Забыл повеситься, лечу к Америкам
Зудесник, зудур, зудивец, а стихотворения его — Зудутые зудеса! «Четкие... мастера, залившие свои уши воском, чтобы не слышать сиреньских серенад, кричим мы невыносимым для деликатного слуха будильником

Маяковский ошеломлял, Крученых будировал и раздражал, всех «выводил из себя» (при этом, в быту, в своем кругу, он был на редкость миролюбив).

Юркость, неумность, рассчитанные заранее «выходки», «мельканье» всюду и везде, острое словцо «на каждом углу», — все это позволяло соделать из него «чудесного чудака» (выражение М. Светлова), — и это было «положительным отношением» к Крученых множества его приятелей и знакомых (общительность у «Кручи» была парази-

тельной), — есть и такое «обезвреживание» поэтов, — так поступали, вплоть до наших дней, и с Велимиром Хлебниковым.

— Вот уже тридцать лет я чищу многие мозги относительно Крученых, — сказал мне Н. И. Харджиев в 1961 году при нашей первой встрече, — может быть, поддюжины голов все-таки прочистил.

Легко было пренебрежительно относиться к поэту, отринутому обществом. При мне Алексей Елисеич получал свою пенсию, — она, если не ошибаюсь, составляла 31 рубль. Крученных не печатался с 1930 года (этот рубеж, символически, совпал с гибелью Маяковского). Поэта жизнерадостнее его я не встречал. В любой ситуации он был артистичным и аристократичным (эти черты удивительно гармонировали с его русско-народным обликом, — в лепке его лица чудилось нечто просветленно-крестьянское, и, при его антицерковности, даже нечто отдаленно-православное).

— Меня держат три кита! — гордо повторял Алексей Елисеевич в последние годы жизни, — и не дадут пропасть.

Он имел в виду Малевича, Хлебникова и Маяковского.

Да, — он был любимейшим поэтом Малевича («Только Крученых остался во мне камнем не изменным любящим Нового Бога и остается сейчас», — писал великий супрематист в письме к М. Маяковскому в 1916 году). «Истинный поэт, разрабатывающий слово!» — эту фразу о Крученых, похожую на лозунг, выкрикнул позже Владимир Маяковский.

Вот, по привычке (как это делал сам Крученых), все еще обращается к авторитетам, чтобы литературно реабилитировать поэта — «заумника».

Но Крученых в этом уже не нуждается, — в смысле, так сказать, «мировом». Уже двадцать лет стоит «крученыховский бум» в европейском литературоведении, — о поэте выходят бесчисленные статьи, фундаментальные академические исследования.

Замечательный литературный теоретик и лингвист, он, вместе с Хлебниковым, взбудоражил языкознание своего времени. В 1913 году появилась совместная декларация двух поэтов «Слово, как таковое», — поэтическое искусство, рассматриваемое как высвобождение скрытых возможностей «самоценного» слова (его звуковой стороны, этимологии и морфологической структуры), предвосхитило теории ОПОЯЗа, русской формальной школы.

Совместные литературоведческие и лингвистические работы Хлебникова и Крученых становятся все более известными. Но есть теории Крученых, разработанные только им. Это, прежде всего, учение о фактуре слова («Трудная, тяжелая фактура — быстрая, легкая фактура»; «эзаноизность», «сильно шероховатая поверхность» словесного материала). Много занимался Крученых сдвигологией. В «Декларации заумного языка» (1921) он, среди прочего, приводит следующие обоснование поэти-

ческой зауми: «Наобумное (алогичное, случайное, творческий прорыв, механическое соединение слов: оговорки, опечатки, ляпсусы; сюда же, отчасти, относятся звуковые и смысловые сдвиги, национальный акцент...») В другом месте он отмечает: «Кстати: о сдвигах, недомолвках, описках и проч. З. Фрейд. Патология обыденной жизни и Толкование сновидений».

В традиционном «сладкогласии» А. Кручных, чрезвычайно острый на слух, обнаруживает множество сдвигов казусов (он бесил многих, обнаруживая «слыхавших» и выдавших лъвов» в одном из пушкинских стихотворений, при этом, любимейшими его писателями были Пушкин и Гоголь). Шутливо утверждая право на «горькогласие», он, наряду с Хлебниковым и Маяковским, деформирует классические размеры, стремясь, за счет ритмических сдвигов, к интонационно-акцентному стиху («установка на звук», — на поэзию декламации)).

«Положа руку на сердце» (это уже — выражение Бориса Пастернака), мне кажется бессмысленным спорить сегодня, «агитировать» за кручинюховскую заумь.

Прислушаемся к самому Крученых: «Заумь — первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва — ритмически музыкальное волнение, пра-звук... К заумному языку прибегают: а) когда художник дает образы еще не вполне определившиеся (в нем и во мне), б) когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть... Заумь побуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя ее ничем конкретным...»

Стремление Крученых в царство «чистых», освобожденных от предметности звуков сродни супрематизму Казимира Малевича.

«Звуки, прежде всего гласные, истолковывались Крученых в супрратактическом понимании, как пространственно-космические явления, — пишет немецкая исследовательница Роземари Циглер. — Космические значения гласных однако не являлись новостью в поэтике футуризма, но мотивировка раньше не лежала в ключе беспредметности...»

Итак, Крученых преодолевает барьер предметности. Для зрительного восприятия это происходит следующим образом: «Мы, — пишет Казимир Малевич в письме к М. Матюшину в 1916 году, — вырываем букву из строки, из одного направления, и даем ей возможность свободного движения. (Строки нужны миру чиновников и домашней переписки). Следовательно, мы приходим к 3-му положению, т. е. распределению буквенных звуковых масс в пространстве подобно живописному супрематизму».

Здесь выступает «слуховой план». «Можно указать, — говорит та же Р. Циглер, — на примат слухового момента при восприятии языка и поэзии, на примат актуального звучания речи по сравнению с исторически сложившимся орфографическим письмом... Наряду с фонетическим письмом, раз-

говорным, диалектными и другими выражениями, Крученых использовал как поэтический прием грузинские, армянские, турецкие, немецкие и другие выражения. Отдельные звуковые комбинации, характерные для этих языков, он употребляет как приемы отстранения, а также в роли заумных «слов».

Все это читатель найдет в предлагаемых стихах, для восприятия их необходимо только одно — доверие к поэту.

Универсализм Крученых... Его полудардаистическая опера «Победа над солнцем» (музыка Михаила Матюшина), поставленная в 1913 году одновременно с трагедией «Владимир Маяковский», может еще вспомниться, может стать театральным открытием сегодняшнего дня (кстати, эта пьеса-опера была поставлена в 1983 году на международном фестивале в Мюнхене). Когда стало слышно о зарождении звукового кино, Крученых издал книгу стихотворных кинорецензий и сценариев, — он усматривал уже возможность «кино-поэзии».

Крученых-критик. Хочется упомянуть лишь о его стиле: это острая блестящая проза, — соперником Крученых в этой области был только его любимый ученик — Игорь Терентьев.

Крученых-издатель. В истории отечественного книжного дела он произвел настоящую реформу со своими «писанными от руки книгами»: литографическими, гектографическими, даже — автографическими, — поэт работал рука об руку с Казимиром Малевичем, Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, Владимиром Татлиным, Ольгой Розановой (книжные наклейки-коллажи самого Крученых 1916–1917 годов — прекрасные образцы малевичанской школы в изобразительном искусстве).

Столетие со дня рождения Алексея Крученых удалось отметить в 1986 году лишь в Херсоне, — благодаря большим усилиям литературоведа С. М. Сухопарова. В методической рекомендации, изданной по этому случаю, приведено в пересказе содержание моей телеграммы на адрес юбилейной комиссии: «Именно последние достижения в изучении творчества А. Крученых позволили поэту и переводчику Геннадии Айги поставить его имя в ряд выдающихся имен европейского искусства XX века — Хлебникова и Малевича, Маяковского и Аполлинера, Бретона и Пикассо». Это мое убеждение я повторяю и здесь.

Несколько слов — о предлагаемой подборке. В 1961–1967 годах я неоднократно записывал на магнитофон мастерское чтение Алексеем Крученых его стихотворений. Большинство из этих произведений, напечатанных полвека назад, Крученых продолжал перерабатывать, — таким образом то, что сохранилось в магнитофонной записи, можно считать окончательными авторизованными текстами, с которыми я и сверил машинописные перепечатки. Стихотворение «Любовь тифлисского повара», «Велимир Хлебников в 1915 году» и стихи 1942–1953 годов печатаются впервые.

Дыр бул шыл
убещур
скуп
вы со бу
р л эз

1913

ВЫСОТЫ

вселенский язык
е у ю
и а о
о а
о а е е н я
о а
е у и е и
и е е
и и и и и и и

1913

ВЕСНА ГУСИНАЯ

те ге не
рю ри
ле лю
бе
тльк
тлько
хо мо ло
ре к рюкплъ
кръд крюд
нтпр
иркью
би пу

1913

ОТЧАЯНИЕ

из под земли вырыть
украсть из пальца
прыгнуть сверх головы
сидя итти
стоя бежать
куда зарыть кольца
виси на петле
тихо качаясь

1913

ЛЮБОВЬ ТИФЛИССКОГО ПОВАРА

Памяти Нико Пиросмани

Маргарита,
твой взор и ледяные бури
острей, чем с барбарисом абхазури.
душистей молодого лука
сверх шашлыка,
но, как полынь, моя любовь горька,
чи х а ю, сам не свой
ры ч у на в з р ы д, —
потерял я запах вкусовой.
Уже не различаю чеснока,
острой бритвой мне сердце режет
молодая луна —
твоя золотая щека.
Страдаю, как молодой В э р т э р,
язык мой, —
го л ы й д ь я в о л, —
скоро попадет на в э р т э л..
Шен генацвали, шен черимэ,
М э р и м э!

Бросаю к твоим сливочным ногам
бокал с колбасой
и утопиться

бегу
в Куру —

ВЕСЬ ГОРЯЩИЙ

и босой!

1918, Тифлис — февраль 1964, Москва

Эх, господи! Ляпачи!

В полночь притти и уткнуться
в подушку твоей любви —
— Завтра уеду в Москву! —
Освободятся с Ельтерские ноги мои,
ими, как локтем пропеллера, взмахну!
сто лет с тобою проживши
не позабыл о Ней Единой.
ЧЕРЕЗ закорючки капусты, по крышам,
летит мой дух лебяжий
На — фта — линный!

1919

У меня изумрудно неприличен каждый кусок
Костюм покроя шокинг
во рту раскаленная клеем облатка
и в глазах никакого порядка...
Публика выходит через отпадающий рот
а мысли сыро-хромающие — совсем наоборот!
Я В ЗЕРКАЛЕ НЕ ОТРАЖАЮСЬ!..

1919

Я пошел в ПАРКОВУЮ ЛЮБИЛЬНЮ
Где туго пахло накрахмаленным воротничком.
Растянули меня на железном кружиле
И стали возить голым ничком.
Вскакивал я от каждого соприкосновенья
как будто жарко ляпали СВИНЦОВЫМ ВАРЕНИКОМ!
кигнули — отрубили колени
а голову зашили В ЮБКИ БАЛОН.
и вст развесили сотню девушек
ВЫБЕЛИТЬ ДО СЛЕЗ НА СОЛНЦЕПЕКЕ
а в зубы мне дали обмызанный ремешок,
чтоб я держал его пока не женюсь на безбокой
только что вытасненной
ИЗ МАЛИНОВОГО варенья!..

1919

СМЕРТЬ КУВЫРКОМ

Столковалась моя железка по кислце салату
и стукальцам небылиц
и закинув несгораемую хату
высь поднимаюсь как накрахмаленная певица!
Забросил я память от жажды нового —
дыма и шипа бурчатых машин
негра кочегарно-танцующего голого,
без пиджака... испол! Терпентин!
АРМАТУРЮ! В ТАНЦЫРЬ ЗАКОВАННЫЙ
над пропастью взлетаю как пученье
морской буркоты —
И ДЕВЫ ВЛЮБЛЕННЫЕ ДО КОСТИ ИЗЖЕВАНЫ
ПОСЛЕДСТВИЯМИ КРАСОТЫ!..
и вот собрались все
телесными ёрзая выступами
коленями пригнули меня к земле
в лоб мягко выстрелили
чмок! квя!
будля умрю!

1919

Я поджарил свой мозг на железном пруте
Добавляя перцу румян и кислот
Чтоб он понравился, музыка, тебе
Больше, чем размазанный Игоря Северянина торт
Чтоб ты вкушала щекоча ноготком
Пахнувший терпентином смочек.
Сердце мое будет кувырком
Как у нервного Кубелика
СМЫЧЕК

1919

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ В 1913 ГОДУ

После серого дождя, землетруса,
на обломках горелых бревен
человечек уже мучается
над постройкой нового крова.

Тебе будут плевать в лицо,
по пяткам бить бамбуком,
а ты, ославленный подлесом,
не дрогнув, идешь
на всенародные муки.

Художник, бедняга, босяк,
стройный тюльпан пустыни,
без страха,
без денег,
скользишь по камням,
одетый в лучи и овчину.
Мерцающим светом
руки подняты вверх.

Неутолимая надежда
неугасима купина!
И нынче яростней, чем прежде,
и на предвечные времена.

1921

ГОЛОД

В избе, с потолком дыряво-копченым
Пятеро белобрысых птенят
Широко глаза раскрыли —
Сегодня полные миски на столе дымят!..

— Убоинки молодой поешьте,
Только крошку всю глотайте до конца,
Иначе встанете —
Маньку возьмет рыжий леший, —
Вон дрыхнет, как баран, у соседского крыльца!..

Мать сказала и тихо вышла...
Дети глотали с голодухи,
Да видят — в котле плавают человечьи руки,
А в углу ворочаются порванные кишочки.

— У-ох!.. — завопили, да оравой в дверь
И еще пуще ахнули:
Там маменька висела —
Шея посиневшая
Обмотана намыленной паклей!..

Дети добежали до кручи
— Недоеденный мертвец сзиди супом чавкал —
Перекрестились да в воду, как зайчики, бухнули.
Подхватили их руки мягкие...
А было это под Пасху...
Кровь убитого к небу возносила
И звала людей к покаянию,
А душа удушенной под забором царства небесного
Облакачивалась...

1922

ВОЕННЫЙ ВЫЗОВ ЗАУ

Уу — а — ме — гон — э — бью!
Ом — гу — гвут — он
За — бью!..
Гва — гва... уге — пругу... па — у..
— Та — бу — э — шит!!!
Бэг — уун — а — ыз
Миз — ку — а — бун — о — куз,
СА — ССАКУУИ!!! ЗАРЬЯ!!! КАЧРЮК!!!

1922

И БУДЕТ ЖУЖЖАТЬ ЗАФРАХТОВАННЫЙ АЭРОПЛАН

Увозя мои свежие СТИХИНЫ
За башню Эфеля, за беглый океан —
ТАМ ЖДУТ ИХ ОМНИБУСОВ СПИНЫ,
И ВНОВЬ ИСПЕЧЕННЫЙ — я конкурент мороженой свинины!

Схватят жирные экипажи тонкими руками
Мои ПОЮЗГИ и повезут по всему свету кварталов
По Сити, по Гай-Старам
УДИВЛЕННЫЕ ЛЮДИ ОСТАНОВЯТ ДИНАМО —
МАШИНЫ И ТРАМЫ
И арифмометр — солнце повиснет как бабочка на
золоченой раме!

Все читать заумь станут
Изучая мою ПОЭТИЧЕСКУЮ СУСТЕНЬ...
РАДУЙТЕСЬ же пока я с вами
И не смотрите грустными...

1922

ЛЕТО ДЕРЕВЕНСКОЕ

Чарджунных дынь золотое темя
И снежная мягкость
Медоле-е-йным запахом пчелу влечет
— Жь-ж-ж!..
И жук засохший шешурой шевелится
И мышь, оса, жужжалки,
И ящер криволапый ис-под тюльей келы
Шершавым язычком уж тащится на медососье!
И дыню всю облапили как тетеньку!
В полях поляжат полднень жаркий.
Но все жуют нежай-й-шие плоды
И не страшат лучей нарывные булавки!..

1925

ДЕТО АРМЯНСКОЕ

Эрывань
Жы-ы-ра...
На маставой
сверлят
мазоли,
калючки,
камни...
Эй, варабэй, варабэй,
адалжи сто рублей —
закуплю грузовик
Сыз-е-гу...
На плошчади
тры лошади
пасэрыдыне
ышак
столбняк —
ы! — кае!..
Духовка
каструла

паровая пэрина —
моя квартира!
— Бэгу
на пэрэвулок!...

Вв-а-а!.. Духан!
Гулим-джан
бурдюки!..
Орман орган
Гариман-Ха!
...Вэ-э-э!

Апельсин с горчицей
Вино — чернила
горький!

Шашлык,
бадриджан,
кинжалом
в горле.

Играй
Зурна
арган
траур...

Душа моя —
 пережаренная курица
 под скамейкой валаится,
 крест жаржангвил!
 Ай-ай, смотри на минз, Хачатур:
 сверж агонь,
 кургом агонь...
 посередку — сапоги!
 Куда пойдешь?
 Кому скажешь?
 Море — далеко,
 Арарат — высоко,
 Извозчик на козлах сыдыт,
 нычего ны гаворыт —
 язык чоорный
 как
 бакладан.

1926

ОСЕНЬ (ЛАНДШАФТ)

Сошлись черное шоссе с асфальтом неба
И дождь забором встал
Нет выхода из досок водяного плена
— С-с-с-ш-ш-ш-ш-ш-
Сквозят дома
Сипит и ширится стальной оскал!
И молчаливо сходит всадник с неба
— Надавит холод металлической души —
И сыкотной любовью запеленат
С ним мир пускает
Смертельной спазмы
Пузыри!

1926

ВЕСНА С УГОЩЕННЯМ

— Алла! Алла! Велик Алла! —
С минарета запел муэдзин,
— Хвала подателю тепла, Алла-а! —
Зима уходит опостылая!
Все церкви выпиты лужами,
Выдувает Москву ветерок!
Вот, вот воробей п-о-н-а-т-у-ж-и-т-с-я —
И станет совсем хорошая погода!..
В сарафане Храсном Хатарина
Хитро — цветисто
Голосом нежней, чем голубиный пух подмышкою,
Приглашала дорогих гостей
И дородных приезжан:
— Любахари, любуйцы — помажьте!
Бросьте декабрюните!
С какой поры мы все сентябрим и сентябрим
Закутавшись в фуфайки и рогами!..

Вот на столе праздальном
Блюдоносном
Рассыпан щедрою рукою
Сахарный сохрун, мохнатенький мухрун,
Кусочки зользы
И сладкостный мизюль
— Что в общезитии называется ИЗЮМ! —
Вот сфабрикованные мной фру-фру,
А кто захочет — есть хрю-хрю
Брыкающийся окорок!..
А вот закуски:
Юненький сырок
Сырная баба в кружевах
И красные
И голубые
Ю — йца —
Что вам полюбится
То и глотайте!..
А муж ее
Угруз Талыблы
Нижней педалью глотки
Добавил:
— Любахари, блюдахари.
Губайте вин сочливое соченье;
Вот крепкий шишидрон
И сладкий наслаждец!
А раньше чем пройтись по хересам,
Закуски —
Жареный зудак,
Средь моксы корчатся огромные соленые зудавы
И агарышка с луком!
Для правоверных немцев
Всегда есть —
ДЕР ГИБЕН ГАГАЙ КЛОПС ШМАК
АЙС ВАЙС ПЮС, КАПЕРДУФЕН —
БИТЕ!.....
А вот глазами рококоча,
Глядит на вас с укором
РОКОКОВЫЙ РОКОКУЙ!
Как вам понравится размашистое разменю
И наше блюдословье?!..
Погуше нажимайте
На мешчерявый мешчуй!
Зубайте все!
Без передышки!
Глотайте улицей
и переулками
До со-н-но-го отвала
Ы-АК!

1926

ЗНМА

Мизиз...
Зынь...
Ициз —
Зима!..
Замороженные
Стень
Стынь...
Снегота... Снегота!..
Стужа... व्यु-ю-га...
Вью-ю-ю-га — сту-у-у-га...
Стугота... стугота!..
Убийство без крови...
Тифозное небо — одна сплошная вошь!..
Но вот
С окосевших небес
Выпало колесо
Всех растрясло
Лихорадкой и громом
И к жизни возвало
ХАРКНУВ В ТУНДЫ
ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ
КРОВЬЮ
ЦВЕТОВ...

— У-а!.. — родился ЦАП в дахе
Снежки — пах-пах!
В зубах ззудки...
Роет яму в парном снегу —
У-гу-гу-гу!.. Каракурт!.. Гы-гы-гы!..
Бура-а-а-ан... Гора ползет —
Зу-зу-зу-зу...
Горим... горим-го-го-го!..
В недрах дикий гудрон гудит —
ГУ-ГУ-ГУР...
Гудит земля, зудит земля...
Зудозем... зудозем...
Ребячий и щенячий пупок дискантно вопит:
У-а-а! У-а-а!.. — а!..
Собаки в сенях засутулились
И тысячи бесprovолочных зертей
И одна ведзьма под забором плачут:
ЗА-ХА-ХА — ХА! а-а!
За-хе-хе-хе! -е!
ПА-ПА-А-ЛСЯ!!!
Па-па-а-лсЯ!
Буран растет... вьюзя зудит...
На кожаный костяк
Вскочил Шаман
Шамай
Всех заporошил:
Зыз-з-з
Глыз-з-з —
Мизиз-з-з
З-з-з-З!
Шыга...
Цуав...
Ицив —
ВСЕ СОБАКИ
СДОХЛИ!

1926

КАМЕРА ЧУДЕС

/Из цикла «Слово о подаигах Гоголя»/

Нелюдям, смехотвор и затворник,
зарывшись в древние книги,
не выезжая из комнаты,
в халате,
лежа на кушетке,
пивными дрожжами.
острым просоком
обогнал всех путешественников!
вскрыл в России преисподню.

Мокроворона,
штафирка,
хламидник и щёлюль,
с казаками Бульбы,
с разгульною вольницей
свершил два бедовых поха-
жег королевскую шляхту,
рубал кольцеусых панов.

Первач-подвижник
под видом лежебоки,
лесобровым Днепром,
бумерангом букв
с высоким спокойствием,
Пифагор гиперболы,
Эдисон снов!
СВЕТОНОС! —

**взял
планету
на испуг!**

1942—1943

От мокрого погоды
скрываюсь в старой трущобе
духана, в подвалах вина.
Отсюда, сквозь горящую дымовину
кристаллы Эльбруса, —
надежда яснейшая вдвойне мне видна!

Я знаю:
здесь, в тяжелом сундуке,
зарыты чьи-то кружева и руки,
и молят о пощаде в кабаке.
Но пьяные картежники
сидят на них, к стенам глухи,
у каждого четыре короля
зажаты в кулаке.

И я стучу о стенку кирпичом,
людей зову
с оружием и вилами,
чтобы сундук предстал
пред нами нагишом,
чтоб вырыли из душегубища безвинную!

Спасите всех,
спасите свет
во имя жизни ранней,
во имя мощных глаз
и атомов каскадного сверканья!

1950—1953

АМЕРИКАНСКАЯ
ТРИНАДЦАТЬ

Не страшно разве?
На фоне труб и небоскребов
Как будто завтрак подан —
Больное сердце
В красной вазе.
14/VI — 1952

Я пока еще не статуя Аполлона,
не куца урна из крематория,
Я могу еще выпить стакан самогона,
закусить в буфете ножкой Бетховена,
ступней Командора.

Я не хочу встречаться с тобой совсем трезвый,
предподносить выглаженные в линейку стишочки,
я желаю,
чтоб нам завидовали даже ирокезы
и грызли с досады
свои трубки и свои печенки!..

Нас на вокзале приветствует свежий дождь —
широкие, глазастые дружбы потоки!
Лучшего
и через сто лет не найдешь.
Об этом вспомнят, вздыхая,
в городах, в музеях
наши потомки.

Так быть верным, до реквиема,
богу искусства,
у головокружительного барьера
твоих глаз,
с размаху не поддаться страшному искусу
в сотый и тысячный раз,

задержаться на самом краю пропасти
и схватить себя за рукава:
— Эй! Остановите эти кости!
Они хотят,
напялив цилиндр,
всю ночь плясать канкан!..

Неприступно
и вечно сияя,
песни высокой
снежный Синай!

Свет сугробами на горе
наперекор хмурым химерам
горнякам, изуверам
НЕ ПЕРЕСТАНЕТ ГОРЕТЫ

1950—1953

ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ

Тайна конволюта

В фондах библиотеки Воронежского университета немало книг, которые десятилетиями привлекают внимание читателей.

Но есть и другие — скромные и забытые, спрятанные под переплетом других изданий. Лишь случай позволяет увидеть и раскрыть биографию такого произведения и судьбу его создателя.

Неожиданной находкой в отделе редких книг стало прижизненное издание экономиста Александра Васильевича Чайнова, чьи труды были широко известны в нашей стране до революции и в первые годы Советской власти. С тех пор они не издавались.

Обнаруженные в фонде работы Чайнова «Что такое аграрный вопрос?» и еще шесть статей других ученых (среди ко-

торых Н. Кондратьев, Н. Макаров, И. Мозжухин) по аграрному вопросу представляют собой книгу-конволют.

К сожалению, конволют не имеет книжных штампов или владельческих знаков, поэтому мы не можем сказать, кому принадлежала эта книга и кто так бережно сохранил под одной обложкой интереснейшие работы по аграрному и крестьянскому вопросу, ставшие ныне библиографической редкостью.

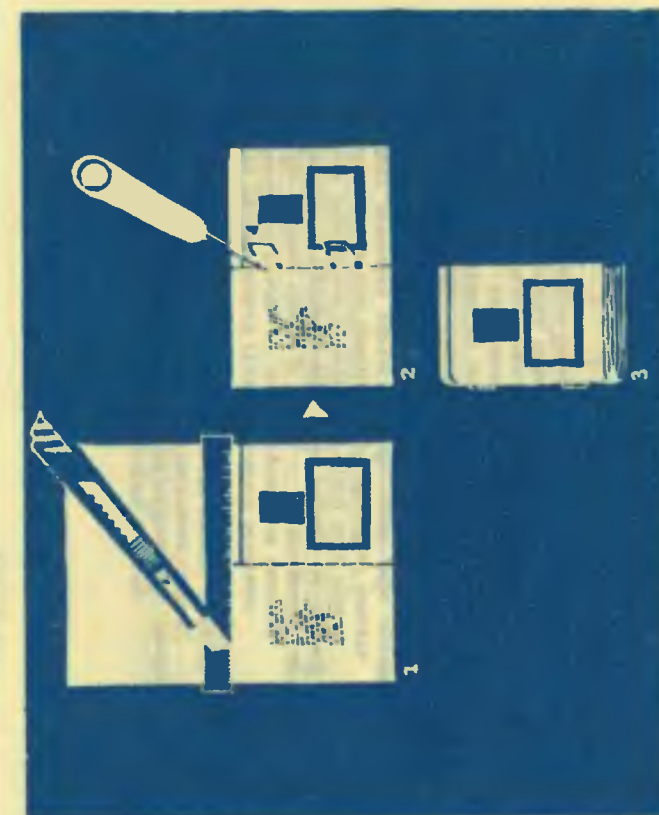
Т. ЗДОРЕНКО

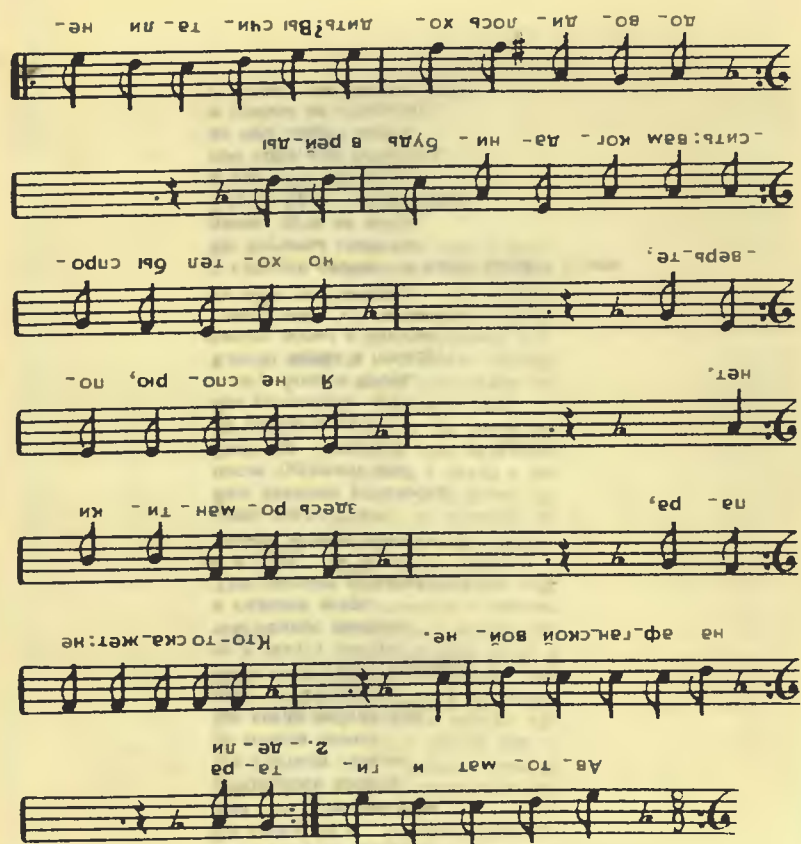
И письма — как встречи

Учащиеся восьмых-десятых классов Красно-Курганской средней школы № 10 Малокарачаевского района Ставропольского края с увлечением встречаются в своем школьном клубе книголюб- «Ноосфера», которым уже два

года руководит учитель литературы и русского языка Нюр-Магомед Лайпанов. Регулярно обсуждаются на занятиях клуба книголюб- интересные публикации в «Литературном наследии» и «В мире книг». Кстати говоря, благодаря публикации моей заметки о Клиском городском Клубе любителей поэзии в журнале «В мире книг», и состоялось мое заочное знакомство с «ноосферой». Я получил письмо от активиста этого клуба книголюб- Любви Магомедовны Берберовой и ответил ей, завязалась переписка... Письма теперь — как встречи с единомышленниками, с новыми хорошими друзьями. Клубы книголюб- как корабли в безбрежном книжном море. И каждому из них хочется пожелать счастливого плавания!

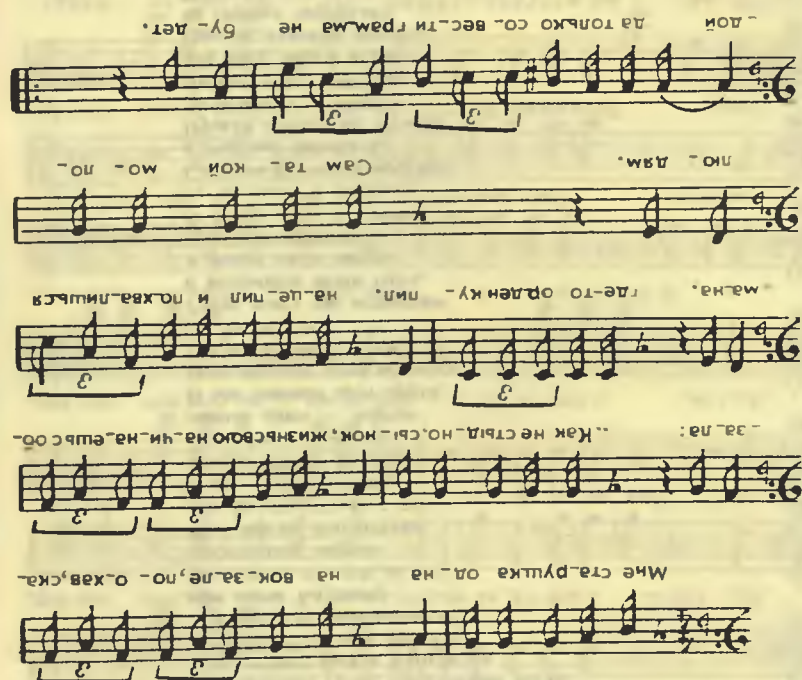
Л. ЗУБАЧЕВ,
г. Клин, Московская обл.

АВТОМАТ И ГИТАРА

Стихи и музыка Н. Медведева

ОРДЕНА

Стихи и музыка Ю. Слатова

ВОЗВРАЩЕНИЕ

..На сцене они по привычке строятся в шеренгу — плечом к плечу. Пятнистая зеленая форма, награды, нашивки за ранения. Голубые береты. Распирающие полосатые тельняшки могучие мускулы. Одни выплескивают душу в хрипящий от перегрузки микрофон, другие вполголоса «проговаривают» свою балладу, устремив взгляд в одну, видимую только им точку на горизонте.

Их песни трудно записывать на бумаге. По общепринятым меркам в них мало поэзии. В них — имена друзей, командиров, медсестер, географические названия, описание боевых действий, обращение к горам, другим одушевленным и неодушевленным предметам. И еще в этих песнях — крик и боль, мир расколотый на полушария добра и зла, смерти и жизни.

Три автора представлены в нашей подборке: Игорь Медведев, Игорь Морозов, Юрий Слатов — они из тех, кто свою жизнь сегодня делит на «ТАМ и ТОГДА» и все остальное. Кавалер Ордена Красной звезды Юрий Слатов — кадровый военный. Портным работает Игорь Медведев. Игорь Морозов — журналист. Годы в Афганистане — поворотный пункт их жизни, судьбы, питающий мощный самобытный пласт их песен.

Тем, кто хочет полнее познакомиться с творчеством «бардов», вернувшихся из Афганистана, сообщаем, что в минувшем году вышли из печати две книги:

- «Когда поют солдаты», 3 изд., «Молодая гвардия».
- «Время выбрало нас» (с нотами), Воениздат.

Ю. ПЕЛЕХОВА

Мне старушка одна на вокзале, поохав, сказала:
«Как не стыдно, сынок, жизнь свою начинаешь с обмана
Где-то орден купил, нацепил и бахвалишься людям.
Сам такой молодой, да только совести грамма не будет.
Весь такой загорелый — видно с отдыха, с жаркого юга.
Там на папины деиэги гулял, веселился бездумно.
Ты сними, не позорь, не позорь фронтовые седины.
Что ты знаешь, сынок, о войне — ничегошеньки, милый».
Что ответить старушке седой — не обидеть бы старость,
А слова оправданья не лезут, как-будто ты в тягость
Только орден рукою прикрыл, чтоб обидой не пачкать
И вдруг вспомнил афганское небо, наше небо прозрачное
Я бы мог рассказать той старушке, как плакали горы,
Как снега вдруг краснели от яркой рябиновой крови
И как быстрые реки топили последние крики
И как небо швыряло на землю горящие «МИГи».
А еще расскажу, как врывается горе в квартиры
Как безумную мать не могли оторвать от могилы.
И тогда ты, старушка, поймешь и меня не осудишь —
Ордена, как у нас, на базаре не встретишь, не купишь.

(печатать) Нам не хватало воздуха на горных вер-

ва-лах мечтали о бо-де мы в пус-ты-не Пе-ри-

-тан... Кри-ча-ли мы от го-ли на кой-ках ме-д-сан-

-га-тов — и се-та-ки по-доб-ро-му мы пом-ним наш Аф-

-ган! Кри-ча-ли мы от го-ли на кой-ках ме-д-сан-

-га-тов, и все-та-ки по-доб-ро-му мы пом-ним наш Аф-

-ган... В лю-дском по-то-ке у-ли-цы мел-кнет ли-цо зна-

-комо-е — об-вет-рен-ны-е ру-б-и, ко-рич-не-вы-е за-

-ра-быть мо-жет бы-ла ка-га-не он, в Ши-ндан-де, инь ба-

-ра-ме, а мо-жет се-ра-це в за-пор-нет при сно-ве кан-да

ра-ме, а мо-жет се-ра-це в за-пор-нет при сно-ве кан-да ра-...

(СТИХИ И МУЗЫКА Ю. СЛАТОВА)

Стихи и музыка Ю. Слатова

Нам не хватало воздуха
 на горных перевалах.
 Мечтали о воде мы
 в пустыне Регистан.
 Кричали мы от боли
 на койках медсанбатов
 И все-таки по-доброму
 мы помним наш Афган.
 В людском потоке улицы
 мелькнет лицо знакомое.
 Обветренные губы, коричневым загар.
 Быть может был в Кабуле он
 в Шинданде или в Баграме,
 А может сердцем вздрогнет
 при слове Кандагар.
 Но мне не так уж важно
 откуда этот парень
 Мне важно, что оттуда,
 мне важно, что был там
 И не пройду я мимо,
 а лишь скажу тихонько
 Единственное слово,
 пароль один — Афган.
 И мы пойдем друг друга,
 Нам лишник слов не надо.
 Глаза его засветятся
 особенным огнем.
 Ребят моих мы вспомним
 и вспомним наши горы,
 А после наши песни
 негромко пропоем.
 И снова жить захочется
 по-честному и доброму.
 Со злом бороться яростно,
 а счастьем помогать.
 Пускай совсем не легкую,
 но нужную и главную
 Дорогу для хорошего,
 для всех людей искать
 Нам не хватало воздуха
 на горных перевалах
 Мечтали о воде мы
 в пустыне Регистан
 Кричали мы от боли на койках медсанбатов
 И все-таки мы в памяти храним Афганистан.

Этот мир без тебя —
 просто голые скалы,
 от палящего солнца
 не спрячется в тени
 здесь душманские бусы
 стелются по скалам,
 и в тревожных раскатах
 рождается день.

Этот мир без тебя
 перевернут наизусть,
 и погибшим друзьям
 не закончился счет
 здесь замерзла жизнь
 пулеметной лентой,
 караванной тропой
 и чем-то еще.

Этот мир без тебя
 после речей усталости,
 невысказанных писем
 скучные слова
 здесь в сердцах уживаются
 ярость и жалость,
 и по-прежнему в душах
 надежда жила.

Этот мир без тебя
 неизменен и вечен
 мир нежданных разрывов
 и случайных встреч
 здесь ремни автоматов
 врезаются в плечи
 и звучит ниоткуда
 странная речь.

Этот мир без тебя
 далекая ты
 и становишься ближе
 все же полон тобою,
 этот мир без тебя

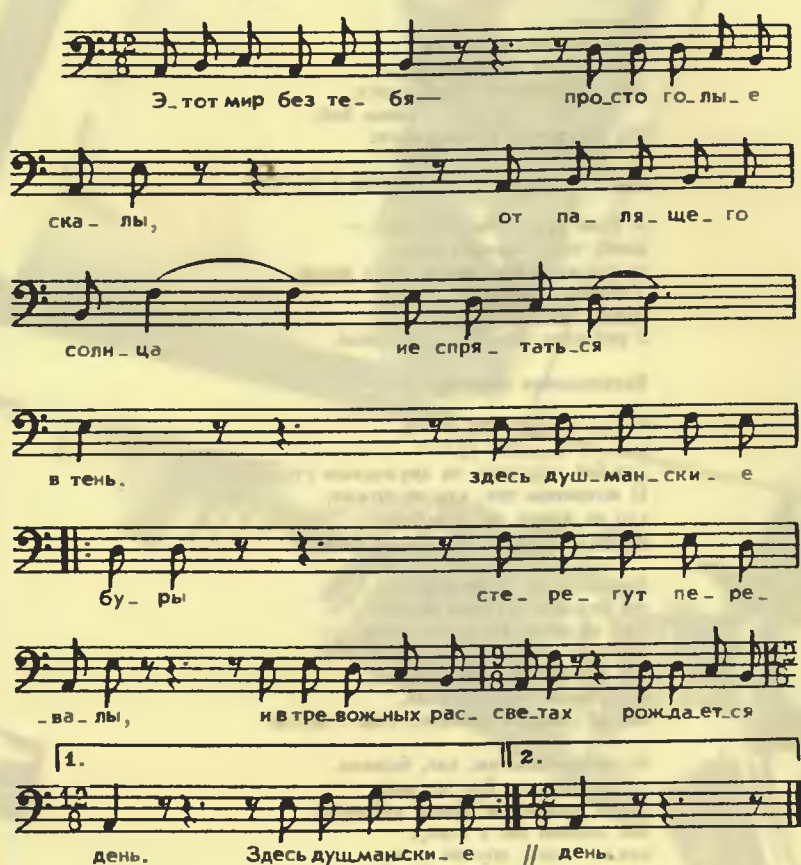

Стихи и музыка И. Морозова

ПРОСТИ МЕНЯ

ЭТОТ МИР БЕЗ ТЕБЯ

Стихи и музыка И. Морозова

Прости, что я не добежал
 до вражеского дзота,
 за сто шагов в прицел попал
 чужого пулемета.
 Прости за то, что в том бою
 не думал о тебе,
 в чужой стране, в чужом краю
 на выжженной земле.

Я жизнь любил как никогда
 в походах ли, в атаках.
 Моя звезда, твоя беда
 поправка к Зодиаку
 Прости за лучшие года
 возможные с другим.
 Прости за то, что никогда
 никто не повторит.

А тот студент, соперник мой,
 очкарик-книголюб.
 Прости его, что он живой,
 а я уже ничей.
 Не доискаться до причин
 и смысла бытия.
 Прости, что первенец, твой сын,
 похож не на меня.

Когда придут мои друзья
 покаяться за брата.
 Прости их, нежная моя,
 они не виноваты.
 Что не спасли, не сберегли,
 поверь, не их вина.
 Они свершили, что могли,
 но верх взяла война.

В одной шеренге с ними я
 под пулями душман
 ходил в атаки за тебя
 в стране Афганистан.
 И свято верил в тот народ
 который защищал.
 Прости мне вражий пулемет,
 и что не добежал.

КАН В МОРГЕ

Юрий КОМОВ

«ЖИЛ» В МИРЕ КНИГ

БАТАЛЬОННАЯ РАЗВЕДКА

Стихи и музыка И. Морозова

А на вой_не, как на вой_не, но там труд_

_не_е нам вдвойне едва взо_шел над соп_ками рас_

_свет. Мы не про_ща_емся ии_скаем, чу_жи_е

сле_зы нам за_чем, у_хо_дим

в ночь, у_хо_дим в дождь, у_хо_дим в снег. Ба_таль_

_он_на_я разведка, мы без дел ску_ча_ем ред_ко, что ни

день, то сно_ва по_иск, сно_ва бой. Ты, сест_

_рич_ка в медсанба_те не тре_вожся бо_га ра_ди, мы до

свадь_бы до_жи_вем е_ще с то_бой.

А на войне как на войне,
но там труднее нам вдвойне.
Едва взошел над сопками рассвет...
Мы не прощаемся ни с кем —
чужие слезы нам зачем?
Уходим в дождь,
уходим в ночь,
уходим в снег.

Припев:
Батальонная разведка,
мы без дел скучаем редко.
Что ни день, то снова поиск,
снова бой.
Ты сестричка в медсанбате
не тревожься, бога ради,
мы до свадьбы доживем еще с тобой.

А если так случится вдруг —
навек тебя покинет друг,
не осуждай его, война тому виной.
Тебе наш ротный старшина
отдаст медали, ордена
в разведке заработанные мной.

Батальонная разведка...

Когда закончится война,
мы все наденем ордена,
гурьбой усядемся за дружеским столом.
И вспомним тех, кто не дожил,
кто не допел, не долюбил,
и чашу полную товарищам нальем.

Батальонная разведка,
мы без дел скучали редко.
Что ни день, то снова поиск,
снова бой.

Ты сестричка в медсанбате
не тревожься, бога ради,
мы до свадьбы доживем еще с тобой.

И мы припомним, как, бывало,
в ночь шагали без привала,
рвали проволоку, брали «языка»,
как ходили мы в атаку,
как делили с другом флягу
и последнюю шепотку табака.

В прежние времена статья об американской организованной преступности, вне всякого сомнения, пошла бы под рубрикой «Их нравы». Но что изменилось — ведь так пока и есть их нравы не стали нашими. Хотя заговорили мы об отечественной мафии и приписали ей целый ряд «подвигов» — в разных районах страны. В масштабах государства, однако (искренне надеюсь), не слились еще в одну могущественную организацию жулики и подпольные миллионеры, рэкетеры и сотрудники внутренних дел, чиновники разных мастей и опытные функционеры. Хотя дают и берут взятки, хотя угрожают и оказывают давление, хотя устраивают своих по звонкам и рекомендациям, чтобы напомнить потом — долг платежом красен, хотя припрятывают дефицит и реализуют его по нужным ценам, — и происходит все это не за океаном, а за окнами, на соседней улице, в нашем городе, в стране, где нравы вовсе не американские и жизненные установки и условия совсем иные. И, может быть, кто знает, мафия — это неотъемлемый атрибут любого общества на определенном этапе его развития. Наши социологи пока молчат об этом, да и когда говорить, если только что свели их в исследовательские институты, открыли статистику, дали возможность проводить анализ общественного мнения. На Западе подобные работы давно не редкость. Из многочисленных фактов, снабженных часто солидным комментарием, складывается пестрая картина определенных аспектов жизни американского общества. При этом с течением времени тема мафии, преступного союза гангстеров, бизнесменов и политических деятелей, насколько не утратила своего значения.

О том, как работает организм мафии, много и подробно рассказал в своей «Последней исповеди» глава американского преступного мира Чарли «Лаки» Лучиано. В 1961 году, когда ему шел седьмой десяток и уже полтора десятилетия обрелся он в вынужденном изгнании в Италии (хотя постоянно консультировал своих заокеанских друзей и компаньонов и получал от мафии ежемесячное пособие в размере 25 тысяч долларов, не считая других доходов от участия в многочисленных деловых операциях), решил Лучиано, что нельзя уходить ему из этого мира незамеченным, что нужно, не доверяясь газетным писакам, самому рассказать, как все было. С голливудским продюсером Мартином Гошем подготовили сценарий «Истории Лаки Лучиано», собрались приступить к съемкам фильма. И в этот момент из Нью-Йорка пришло предупреждение — Лучиано, «боссу боссов», его подручные и товарищи советовали отступить, похоронить идею. Лучиано вызвал Гоша к себе — открыто сказал ему, что проект не удастся довести до конца: их просто уничтожат, если понадобится. И все-таки хитроумный престарелый мафиози, тогда уже почти беспомощно взиравший на то, как прибирает к рукам его дело молодая поросль организованных преступников, решил пережить коллег. Он, переживший незадолго до этого сильнейший инфаркт, понимал, что осталось немного, и очень хотел поведать миру, тщеславия видно ради, как рождалась система, которой, был он уверен, суждена долгая жизнь не только в Соединенных Штатах, но и на других континентах. Десять месяцев диктовал «Счастливишке» Чарли свои мемуары. Мартину Гошу он поставил лишь одно условие — опубликовать их не раньше, чем через 10 лет после его смерти. И в 1974 году книга увидела свет...

Судя по Чарли Лучиано в 1936-м. Энергичный Томас Дьюи, страж закона, нацеленный на блестящую карьеру, дело знал: три недели давали показания около 60 свидетелей, из них 40 проституток, рассказывавших о своей горькой участи в условиях организованного и широко разветвленного бизнеса под контролем мафии. Ни одна из них ни разу не встречалась с Лучиано, и все же показания все дали — может быть, именно потому, что не знали его. Приговор (30—50 лет тюремного заключения) привел в изумление даже выдавших виды адвокатов: американское правосудие боролось с мафией, не имея другого выхода, почти ее методами: коварно, не стесняясь в средствах.

Впрочем, Лучиано хорошо знал всю систему и не сомневался: рано или поздно его выручат. Но прошло целых шесть лет его правления преступным миром из-за решетки, когда родилась, наконец, идея. Шел 1942-й, война была в разгаре. Мафии стало известно, что морское ведомство США, в частности — разведка, серьезно обеспокоено возможными актами саботажа на американском побережье и, конкретно, в

Нью-Йоркском порту. У Альберта Анастасиа, одного из руководителей «треста убийц», спецподразделения мафии, и Френка Костелло, гангстера с крупными связями в среде чиновников и политических деятелей, возник сумасшедший, как казалось сначала, план: сыграть на опасениях морской разведки и внести «патриотический» вклад в дело победы над врагом. Не прошло и нескольких недель — в порту у Манхэттена горел дотла шикарный французский пассажирский лайнер «Нормандия», который собирались переоборудовать в военное транспортное судно.

Подозрение сразу пало на портовиков итальянского происхождения, кто как ни они — пособники фашистов (стереотипное мышление: в нашей стране такое в годы войны тоже случалось — и с немцами, и с татарами). Итальянцы, должно быть, верные своему делу, почти наверняка не только помогают диверсантам, но и имеют постоянный контакт с немецкими подводными лодками, курсирующими у берегов Америки, — после такого начала, оставшееся, казалось, было лишь делом фантазии и усилий следственных органов. Но не такова Америка — и это учитывали многоопытные гангстеры. Все итаलोамериканцы как один, от знаменитых и влиятельных интеллектуалов и политиков до рабочих и уличных торговцев, встали на защиту своих прав. Вовремя сорекстрированные, раздался голоса, что даже итальянские мафиози, хоть и не были никогда в ладах с законом, жизнь готовы положить на алтарь американского отечества. Патриотизм их проявится незамедлительно — пусть только соответствующие ведомства обратятся к ним за помощью... И в рамках морской разведки родилась «Операция «Преступный мир»: в Вашингтоне, не колеблясь, санкционировали ее проведение.

Во главе группы специального назначения поставили морского офицера Чарльза Хаффендена. В его задачу входило установление контактов с мафией и выяснение ее возможностей на поприще содействия военным и разведывательным акциям. Хаффенден сразу же обратился к Томасу Дьюи, известному борцу с организованной преступностью и в то время окружному прокурору Манхэттена. Дьюи, чрезвычайно занятый подготовкой и проведением своей избирательной кампании на пост губернатора штата Нью-Йорк, переадресовал разведку к своим помощникам, готовившим процесс Лучиано. Те, в свою очередь, посоветовали поговорить с неким Джозефом Ланза, «королем» Фултонского рыбного рынка, под контролем которого осуществлялись все операции с дарами моря: с каждого улова любого судна он получал 100 долларов, с каждого грузовика, въезжавшего на территорию его рынка, — 50. Ланза на встрече с Хаффенденом заявил, что может оказать поддержку лишь в пределах своих возможностей и что только влияние всемогущего Лучиано обеспечит полную эффективность операции.

Со «Счастливишкой» связались, провели переговоры, перевели его в комфортабельную камеру. А «босс боссов» разработал и представил «программу работы» в профсоюзах вообще и особенно среди портовиков. Следующим шагом было соглашение с Дьюи: Лучиано требовал освобождения, в обмен гарантировал тщеславному прокурору губернаторское кресло в будущем, а в настоящее время — солидный денежный взнос на проведение избирательной кампании. Дьюи, понимая, какой общественный резонанс вызовут его возможные действия по освобождению главы мафии, с таким трудом упрямого в тюрьму, обещал — немедленно — комфортабельные, но все еще тюремные условия, а впоследствии, по окончании войны, — высылку из Соединенных Штатов.

Гангстеры сочли условия приемлемыми. Весь оставшийся до мая 1945 года период они запросто посещали Лучиано в загородной тюрьме, похожей на пансионат, где он, под видом проведения рабочих заседаний по координации действий во имя общей победы, обсуждал со своими подручными текущие деловые вопросы. ФБР и полиция оставили мафию в покое — бизнес процветал. А единственной акцией, которую возманился было провести Лучиано, считавший, что в тюрьме он явно засиделся, был его сумасбродный план убийства Гитлера («дабы война поскорее кончилась и он обрел свободу»): Лучиано предлагал связаться с его помощником Вито Дженовезе, обретавшемся в Италии и имевшем тесные контакты с дуче, и устроить все через зятя Муссолини графа Чикано, наркомана, с которым Вито, отдававший предпочтение наркобизнесу, быстро нашел общий язык. Нет в общем

ничего невозможного (мафия, скажем, наладила после войны неплохие отношения с американским военным губернатором Италии полковником Чарли Полетти — работали с ним плодотворно), но все-таки должны быть какие-то тормоза. Коллеги «Счастливишки», выслушав его бредни, сочли, что «босс» несколько потерял чувство реальности, сидя продолжительное время за решеткой, — зачем безумствовать, когда стоит лишь набраться терпения: нужная «ситуация» возникнет вот-вот и без их участия.

Парадоксально, но у мафии, возможности которой трудно переоценить, не раз были поводы вмешаться в ход истории. Идея убийства Гитлера — не единственная «оригинальная» мысль, приходившая гангстерам. Ради осуществления собственных целей, получения даже мизерных выгод, готовы они были на все. И, кто знает, может быть случай спас человечество от того, чтобы еще перед войной в руках у фашистов оказался секрет атомной бомбы. А может быть это только легенда, хотя выглядит она правдиво и фактов, ее подтверждающих, хоть отбавляй. Дело было так.

Один из коллег Лучиано по руководству мафией Бенджамин «Багси» Сигел (американский вариант фамилии русского еврея Зигеля — родители Багси приехали в США из-под Киева), перебравшись по решению «совета» организованных преступников из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, слыл в Голливуде «богатым спортсменом». Его роскошный особняк с бассейном и огромным винным погребом соседствовал с домами таких знаменитостей «индустрии развлечения», как Бинг Кросби, Соня Хени, Хэмфри Богарт, Джуди Гарланд, Винсент Прайс и другие. Его любовница, миллионерша графиня ди Фраско, потерявшая голову от ухаживаний «самого симпатичного в Америке гангстера» (так утверждала молва и современники), отбросив все сомнения, познакомила его с лучшими фамилиями кинопромышленности, ввела в дом Джека Уорнера, одного из трех братьев-основателей голливудской компании «Уорнер бразерс», процветающей и по сей день. Слышавший любителем азартных игр, Джек Уорнер обрел в лице Сигела нужного человека: оказалось, что Багси, среди прочего, контролировал роскошные лайнеры, которые курсировали вдоль берегов Калифорнии и предоставляли в распоряжение людей со средствами услуги своих казино и увеселительных заведений.

Как-то раз шумная компания — Сигел, графиня и их гости — отправилась поразвлечься в одном из плавучих игорных домов. Воспользовались услугами катера-такси — во множестве сновали они по водной глади, развозя туда-обратно прожигателей жизни и людей, влюбленных в гэмблинг, готовых поставить на карту все. Во владельце катера, к своему удивлению, Багси узнал некоего Грини (Гарри Гринберга), одного из наемных убийц, некогда подвизавшегося в Нью-Йорке, работавшего в команде самого Бучалтера, известного своими кровавыми похождениями гангстера по кличке «Лепке». Грини в свое время выслали из США как иностранца, илегално проникшего в страну: отправили на родину в Польшу. Но в Германии он сбежал с парохода и неведомыми путями оказался в Канаде. Из Монреаля нью-йоркские мафиози получили от него восточку — содержимое послания было крайне невразумительным. Грини просил оказать финансовую поддержку, писал, что располагает интересной информацией. В это время полиция вела усиленные поиски «Лепке» Бучалтера, материалов на него накопилось немало — «Лепке» скрывался и, заматывая следы, уничтожал любых свидетелей, в том числе коллег по «тресту убийц», некогда сотрудничавших с ним. Письмо Грини взяли на заметку, решив, что он пытается шантажировать «босса», в Монреаль отправили профессионала. Но уничтожить Грини он не успел — бывший гангстер исчез из города. Кто-то видел его в Детройте, но и там следы затерялись. Мафия объявила «всеамериканский розыск», сообщил синдикат о беглеце и на западное побережье — Сигел был в курсе. И вот — неожиданная встреча.

Грини первым подошел к Багси, хотя тот притворился, что не заметил его. Разговор проходил напряженно — Багси держал отверженного на мушке. Грини объяснил, что, написав в Нью-Йорк, и не думал угрожать «Лепке», разве он сумасшедший. Просто во время вынужденного путешествия в Европу он узнал нечто важное. На пароходе познакомился с г-ном Краутом, как оказалось — шпионом немецких промышленников Крупнов. У какого-то ученого в США, убив и огра-

бив его, Краут украл формулу нового взрывчатого вещества огромной силы. Краут надеялся, что Крупп щедро наградит его, а Гитлер вручит за этот подвиг железный крест с бриллиантами. И все-таки сомнения немца одолевали (став обладателем такого секрета, следует быть осторожным) — он нуждался в посреднике: Грини с его биографией вполне подходил. И Краут рискнул — посвятил Грини в тайну и показал ему зашитый в непромокаемый пояс документ с непонятными гангстеру значками и закорючками. Наслышанный о сокровищах пиратов, Грини перевел секрет «атомной бомбы» в золото и драгоценные камни — изображение его работало превосходно: тело Краута, похитив пояс, он сбросил в океан. Оказавшись в Канаде, встретил одного «технаря», некогда делавшего самодельные бомбы для лихих налетов команды знаменитого гангстера-боевика Датча Шульца. Разобравшись в формуле, тот смастерил заряд. Испытание провели на заброшенной ферме — сам Грини нарочно задержался в городе: от эксперта и фермы не осталось ничего.

Грини решил, что одному ему такое дело не под силу, надо сообщить синдикату — вот и написал в Нью-Йорк: не только так зашифровал свое послание, что прямолинейные ребята Бучалтера решили убрать его на всякий случай. И пришлось кинуться в бег, а встречи с Багси он ищет давно, чтобы поведать ему эту странную историю.

Сигел, поразмыслив, понял, что самостоятельно Грини сочинить такой детектив вряд ли бы смог. Он тут же вручил гангстеру тысячу долларов на мелкие расходы и дал адрес надежного места, где следует ждать его дальнейших указаний. Сам же Багси поведаль все графине, зная ее как человека делового и рассудительного. Графиня предложила продать секрет Муссолини, а в роли посредника мог выступить ее муж, находившийся в Риме. Для уверенности в пустыне провели еще один эксперимент — рвануло как надо: смесь называли «атомит».

Все шло своим чередом: итальянцы прислали требуемый задаток — 40 тысяч долларов, и графиня с Сигелом отплыли в Италию, с собой взяли некоего Марино Белло, человека со связями и отчима голливудской кинозвезды Джин Харлоу, а также специалистов, с помощью которых проводили испытание. Уже по дороге в Европу бдительный Багси подозревал в экспертах «русских агентов Сталина» (эта цитата из книги американского профессора, исследователя мафии Хэнка Мессика «Красотки и чудовища», увидевшей свет в 1973 году). Багси следил за спецями неотступно.

Переговоры с военным ведомством Муссолини в Риме прошли успешно. Сигел и Белло уже подумывали, лучше ли получить за секрет единовременное внушительное вознаграждение или согласиться на ежегодные выплаты, а граф и графиня ди Фраско собирались прикупить еще один дворец в Венеции — до роскошной недвижимости были они большие охотники. Дело оставалось за малым — итальянцы хотели увидеть таинственную формулу в действии. На полигоне, однако, устройство не сработало: Сигел тут же поведаль о своих подозрениях в отношении спецов и страстном желании прикончить их на месте. Военные пригласили ученых, те проверили и сказали, что вся формула — сплошной блеф. Неприятностей оказалось хоть отбавляй. У графа, за то, что решил обмануть дуче, конфисковали единственный (другой он так и не успел приобрести) дворец, хозяев и Багси. их гостя, выселили из него в 24 часа. На фестиваль в Венецию должны были как раз прибыть высокопоставленные особы — Геринг и Геббельс получали приз, которым был отмечен немецкий фильм. Министров Гитлера встречали с помпой, а разместить решили в палатке незадачливого графа. Тот со своей участью смирился, а Багси Сигел рассвирепел от обиды. Он тут же позвонил в Нью-Йорк, чтобы выяснить у своих коллег имена местных мафиози, связаться с ними и... организовать убийство Муссолини. Из США «Ненормальному» (именно так переводится с английского его кличка «Багси») сообщили, что итальянская мафия прекратила борьбу с дуче еще в 1927 году: на убийство местные мафиози не пойдут. Если Багси хочет (и все это говорилось серьезно), пусть сам разбирается. И Багси решил не отступать, а когда увидел самодовольные лица Геринга и Геббельса, входивших на пражских новых хозяев в бывшее владение графа ди Фраско, — ничтоже сумяшеся добавил к списку смертников и их. И, как знать, что случилось бы с лидерами итальянского и немецкого фашизма, не отговори Багси от опрометчивых действий

Джек Уорнер, кстати оказавшийся рядом, привезший на Венецианский фестиваль картину «Жизнь Эмиля Золя», но неожиданно ставший «автором сценария» и «продюсером» подлинной истории сохранения тандема Берлин — Рим и сразу трех жизней главарей фашизма.

Багси, несмотря на весь свой гангстерский профессионализм, был человеком импульсивным. В это время из Калифорнии пришла весть, которая усугубила ситуацию: лос-анджелесская полиция провела успешный рейд против казино на кораблях — конфисковали крупные суммы, уничтожили игорные автоматы. А тут еще этот позор с «атомитом». Если не фашисты, то уж ушлый Гринн, втавивший его в такую историю, должен был за все ответить. Багси просил принять соответствующие меры, но Гринн вновь успешно ушел в бега. А синдикат проявил к делу полнейшее равнодушие, экстравагантцы Сигела изрядно поднадоели. Но «Ненормальный» оставить такого пята в своей безупречной биографии не мог — 11 ноября 1939 года он лично пристрелил «неуловимого» Гринна; помогал ему в поисках и завершении акции профи из «треста убийц» по фамилии Таиненбаум. Вскоре его арестовали — он заговорил, назвал имя Багси. И 16 августа 1940 года Сигел оказался в тюрьме — у графини случилась истерика. Она не знала, кому кинуться в ноги. Но дело решилось просто. На очередных выборах окружного прокурора в Лос-Анджелесе победил некто Джон Доквейлер, человек, в избирательную кампанию которого Багси предусмотрительно вложил кругленькую сумму. И благодарный чиновник снял с гангстера все обвинения «за недостаточностью улик». Потом, правда, под давлением общественности, возбудили против Сигела новое дело, но никого из свидетелей вскоре не оказалось в живых — тем и кончилось.

Рассказывая о том, с какой легкостью уходят гангстеры от наказания, говоря о практической неуязвимости организованных преступников в американском обществе, нельзя, наверное, не отметить один факт, на который, кстати, обращал внимание еще Роберт Кеннеди в бытность свою министром юстиции США. Выступая в 1963 году в сенате, он заявил, что физическая защита свидетелей, выступавших на процессах мафнози, предусматривает не только смену имени и адреса, но, во многих случаях, полное изменение внешности и даже выезд за пределы Соединенных Штатов. Такая процедура сохранена и по сию пору. Получается, что правительство и государственный аппарат самой могущественной капиталистической державы не в состоянии обеспечить защиту тех своих граждан, в чьей помощи они нуждаются в ходе борьбы с организованной преступностью. Даже самые изощренные усилия не дают полной гарантии, не позволяют избежать серьезной угрозы, а попросту — вызова, брошенного некогда (а теперь к такому и вовсе по привычке) всей государственной машине определенной группой лиц, противостоящих закону и порядку.

9 февраля 1946 года Чарли «Лаки» Лучиано отплыл из Нью-Йорка в вынужденную ссылку. Репортерам, устремившимся на корабль, и близко к пирсу подойти не удалось. Их встретили пикеты портюков с дубинками и крючками: это сработал «босс» Альберт Анастасия. Ничто не должно было мешать официальным проводам. На борт, едва лайнер двинулся в путь, специальными катерами прибыл цвет мафии, все коллеги Лучиано — от старого друга Меира Лански (настоящая фамилия — Сувовланский, родился в Гродно) до только входившего тогда в силу Карло Гамбино. Они собрались, чтобы выразить свое участие «вождю в изгнании» и подтвердить приверженность его делу. И каждый, помимо теплых слов, оставил Лучиано конверт с долларами: всего набралось, по воспоминаниям «босса боссов», около 200 тысяч — на первое время. Чуть позже к удаляющемуся от берегов Америки судну пристал катер береговой охраны и высадил на палубу мэра Нью-Йорка О'Дуайера, и он не мог не сказать главе мафии последнее прощание.

Деньги, власть — вот за что ведет постоянную борьбу мафия. Собственно, аналогичные цели преследуют и другие, вполне законные институты американского общества, а также, практически, каждый американец, действующий и живущий по законам капитализма. Разница лишь в том, что этические и моральные установки преступников, законы и традиции, которым они следуют, методы, к коим прибегают, все это хранится в строгой тайне, пребывает в атмосфере секретности — ею окружила свои деяния мафия. И глав-

ное и самое опасное в том, что большая часть этих деяний остается в США мало кем замеченной, почти безвестной (словно бы дело происходит не у них, а у нас — разве что всколыхнет общественность расхожий бестселлер, который удастся прочесть, да телесериал, вроде итальянского «Спрута», демонстрировавшегося по нашему телевидению). Несомненным фактом является то, что организованная преступность оказывает огромное влияние на жизнь миллионов американцев, но именно в силу традиции умолчания, с одной стороны, и беллетризации подлинных фактов, с другой, большинство граждан США не ведают об этом влиянии (хотя могут испытывать его каждый день), не говоря уже о том, что понятия не имеют они — отчета себе не отдают — о масштабах такого явления.

Всего лишь один пример. Существует метод получения дополнительных доходов, который организованные преступники нигде не изобретали, он подразумевался в подобном бизнесе само собой — это неуплата налогов. Суммы, по ориентировочным подсчетам специалистов, — огромные, хотя невозможно установить их размеры с абсолютной достоверностью, добравшись до гробовых мафии. Если бы такое произошло и недоимки по суду взыскали, американские семьи могли прекратить выплачивать подоходные сборы, а цены на основные продукты питания были бы резко снижены. Что и говорить, размах финансовых операций впечатляет — налицо не просто противозаконная деятельность, но подрыв благосостояния целого народа. Полноте, скажет читатель, не смейте — нам бы такие проблемы, нам бы их благосостояние. Но все относительно в этом мире: хорошо, как известно, там, где нас нет. Институт мафии пустил корни не только в Америке, он процветает или развивается и в других странах. И, кто знает, не охватили ли его щупальцы уже всю землю.

А что касается Америки, то, помимо участия в кровавых столкновениях, междоусобицах, о которых мы рассказывали на страницах журнала, мафия вполне мирно проникла в политическую жизнь и легальный бизнес, скажем, в индустрию развлечений. При этом процесс этот выглядел достаточно невинно, вроде само собой такое разумелось — потому-то и страшно делается. Лучиано в своей «последней исповеди», походя, рассказывает о поддержке Рузвельта на выборах 1932 года, сетует на то, что забыл потом президент свои обещания, не выполнил обязательств перед мафией, поступив как гибкий политик и разумный администратор, решивший навести в стране порядок. Вспоминает «Счастливчик» и о том, что соперник президента на выборах в кандидаты от демократической партии Алфред Смит был прямолинейнее, обещал организованным преступникам не меньше и слово свое вполне мог бы сдержать (во всяком случае Смит искренне жалел, что не удалось ему привлечь на свою сторону Лучиано и его подручных). Но мафия неудача не обескуражила. Оставив זאתю иметь полностью своего человека в Белом доме, мафиози преуспели в конгрессе, в профсоюзных и даже в шоу-бизнесе. Жизнь многих обитателей театральных подмостков и экранов кино и телевидения тесно связана была (и остается в таком состоянии по сей день) с криминальным миром преступности. Еще знаменитая Фэнни Брайс, великолепная актриса и певица, примадонна театров и ночных клубов, в начале века не раз выручала из беды и ждала из тюремного заключения обожжаемого ею Жюля Арнштейна, картежного шулера и международного авантюриста. Арнштейн работал в тесном контакте с крупным аферистом, связанным с американским преступным миром, Арнольдом Ротштейном. До 1928 года (когда его пристрелили) Ротштейн с размахом осуществлял в Нью-Йорке всевозможные финансовые операции. Через два года после его кончины компания «Парамаунт» экранизировала биографию этого гангстера, дружившего со многими голливудскими дельцами и владевшего крупным пакетом акций фирмы «Лезвс», которая объединяла целую сеть кинотеатров: фильм получил название «Улицы больших возможностей».

Интересна и другая судьба, и другой проект. В 50-е годы Фрэнк Синатра собирался делать картину о Джо Льюисе, известном эстрадном комике. В 1927 году Льюис осмелился ослушаться гангстеров и, покинув сцену одного ночного клуба, перешел в другой, где платили больше. И все бы ничего, но клубы принадлежали соперничавшим между собой группировкам Морана и Капоне — актеру перерезали горло. И сде-

тали это люди некоего Джека Макгурна по кличке «Пулемет», одного из подручных Аль Капоне. Макгурн работал в тесном контакте с другими профессионалами, братьями Фишетти, а Фрэнк Синатра не только хорошо знал их, но и числился среди своих близких друзей.

А кто не слышал о знаменитой Джин Харлоу, одной из наиболее популярных голливудских звезд 30-х годов, снимавшейся в гангстерских фильмах в ролях соблазнительницы («Тайная шестерка», «Враг общества», «Городской зверь»)? «Платиновая блондинка» (так называлась еще одна лента с ее участием) сумела выбраться под свет юпитеров лишь благодаря личной протекции матерого гангстера Эйба Звилмана. Это он ссудил полмиллиона долларов кинопромышленнику Гарри Кону, стремившемуся захватить контрольный пакет акций компании «Коламбия пикчерс». В обмен на эту услугу Харлоу получила постоянный контракт. А когда чуть позже взбунтовалась и решила самостоятельно устроить свою судьбу, Звилман лишь посмеялся над ее планами. Харлоу вышла замуж за некоего Пола Бернса, одного из помощников Ирвинга Талберга, могущественного администратора фирмы «Метро-Голдвин-Майер», обители почти всех крупных голливудских исполнителей. От коллеги по организованной преступности Меира Лански Звилман знал, что Бернс не только человек невзрачный (ниже Харлоу на голову), но и импотент. Знал и промолчал: и лишь когда Харлоу оказалась на грани того, чтобы стать помешницей, когда карьера ее оказалась из-за такой «оплошности» под угрозой (дайте только подобную сенсацию в руки репортеров: «секрет семейной жизни голливудского секс-символа»), Звилман пришел на помощь: Бернса пристрелили, инсценировав самоубийство.

Гангстеры не только покровительствовали звездам экрана, они оказывали существенное влияние на всю работу Голливуда. В 30-е годы мафии удалось протолкнуть на выборах президента Международного союза работников театра и кино США и Канады своего кандидата — Джорджа Брауна. Первым актом нового президента явилось назначение на должность специального представителя Союза с широкими полномочиями мафиози Вилли Биоффа: без ведома этого человека не заключалось теперь в Голливуде практически ни одно соглашение. Кинопромышленники почувствовали твердую руку гангстеров. Уже в 1935 году продюсерам пришлось согласиться на новые условия Международного союза, отныне выступавшего в качестве посредника между работодателями и своими членами. Перед угрозой забастовки администраторы студий пошли на попятную, ибо знали, кто стоит за развернувшейся кампанией бойкота и шантажа. И все же Биофф, бывший сутенер, казался для Голливуда незначительной фигурой. Мафия давно решила захватить в Калифорнии обширные плацдармы для своих действий, но из-за постоянных междоусобиц все руки не доходили. И вот, наконец, «совет» во главе с Лучиано принял решение и отрядил на западное побережье Багси Сигела. Его, впрочем, строго предупредили, что возникновения удельного княжества синдикат не потерпит. Багси, равнявшийся в Голливуде с его, как представлялось ему, сладкой жизнью и неограниченными возможностями, дабы получить название, представил довольно солидный план. Основные направления деятельности на западном побережье — предоставление разнообразных услуг представителям кинопромышленности: все, что хотите, от крупных сумм взаймы под проценты — на осуществление любых кинопроектов и деловых операций, до организации азартных игр, проституции, наркоторговли. Багси правил преступным миром Лос-Анджелеса и «окрестностей» до 1947 года. Когда, построив в Лас-Вегасе шикарное казино «Фламинго», одну из будущих «золотых шахт» мафии, Сигел попытался утаить от синдиката часть денег, его убили. К тому же «совет» настоятельно требовало, чтобы Багси допустил распространение слухов о якобы существующем в Калифорнии тайном союзе «красных» с гангстерами. Людвиг Лански, Костелло, Адониса быстро нашли общий язык с местными властями и ультраправыми элементами. Ненужные бизнесу разговоры пресекали. Занимались этим, в частности, тот же Вилли Биофф из Международного союза работников театра и кино и Гас Гринбаум, взявший на себя работу о лас-вегасском наследстве убиенного Багси Сигела. Биофф впоследствии угодил в тюрьму, а отсидев срок — осел в Аризоне под чужим именем и даже успел подружиться с сенатором Барри Голдуотером, будущим претендентом на пост президента на выборах 1964 года, пред-

ставителем крайне правых сил. Крупные связи, впрочем, Биоффу не помогли: он взлетел на воздух вместе с собственным лимузином в ноябре 1955-го — припомнили ему кое-какие старые грехи (находясь под следствием назвал он некоторые имена мафиози), да и в новых условиях процветающего шоу-бизнеса перестали нуждаться в услугах оказавшегося не у дел «голивудского чиновника». А Гаса Гринбаума, человека мафии в игорном бизнесе, зарезали в собственной спальне вместе с женой в 1958-м.

Безжалостна мафия. И многолика. Организованные преступники — это тысячи людей, действующих в рамках структур, которые можно было бы сравнить с системой огромных многонациональных корпораций. При этом дикие законы, по которым живут эти люди, соблюдаются, однако, не в анархическом хаосе, а в рамках образцового хозяйства: правила и традиции мафии, фактически, невозможно обойти так, как это происходит каждодневно с конституционными положениями самого американского государства. Вся деятельность конгломерата организованной преступности носит строго упорядоченный характер, осуществляется на протяжении исторически длительного периода и имеет определенную цель — полный и абсолютный контроль во всех сферах бизнеса и политики.

Не составила исключения, а напротив предоставила мафии широкие возможности и индустрия развлечений. В начале века гангстеры были лишь потребителями: как и все, шли они в кино или ночные клубы, получали удовольствие, тешились. Став владельцами кинотеатров и казино, — совмещали полезное с приятным. А затем завладели (вернее, стали совладельцами, урегулировав свои отношения с легальным бизнесом) и всем шоу-производством. Голливудских звезд они, как и магнаты кинопромышленности, получили вместе с контрольным пакетом акций. С расцветом Лас-Вегаса (а теперь еще и Атлантик-сити и других зланных мест) имена знаменитостей, от кумиров недалекого прошлого (Элвис Пресли, Перри Комо, Энди Уильямс, Джонни Карсон) и идолов сегодняшнего дня (Майкл Джексон, Род Стюарт и многие другие), не сходили и не сходят с переливающихся всеми цветами радуги рекламных щитов городов развлечений. В дело, ведущееся с размахом, вовлечена масса людей. Только в Лас-Вегасе уже в 70-е годы насчитывалось 300 тысяч постоянных жителей, обслуживавших нужды индустрии игорного и шоу-бизнеса: 18 миллионов туристов в год. Связи между промышленностью развлечений и мафией год от года крепели, цементировались, узлы общего дела становились неразрывными. Сотни тому примеров. Некто Сидни Коршак, известный адвокат, обслуживавший нужды мафиози, принимал горячее участие в устройстве карьер таких знаменитостей, как Барбра Стрейзанд, Дебби Рейнольдс, Дайна Шо, Джилл Сент-Джон. Выходец из России (его родители бежали после революции в Турцию, а затем перебрались в США), Серг Семенович, человек с Гарвардским образованием, которого называли «банком в банке» и «финансовым доктором индустрии развлечений», проворачивал миллионные операции на бирже, скупая и продавая акции кинокомпаний, в тесном сотрудничестве с Луисом Чеслером, помощником Меира Лански, одного из отцов-основателей преступного синдиката.

Знаменитый актер Джордж Рафт, вводивший в свое время своего друга Багси Сигела в светские салоны Голливуда, на старости лет оказался под судом и следствием за неуплату налогов. Чтобы выручить его, мафии пришлось убрать некоего Бенджамина Берковица, знавшего о незаконных операциях в игорных заведениях, частью акций которых владел Рафт. Семидесятилетний актер не смог сдержать слез умиления, когда судья, за недостаточностью улик и отсутствием свидетелей, подверг его лишь формальному штрафу. Поздравляли друзья, все звезды, — Ред Скелтон, Боб Хоуп, Люсиль Бол. А Рафт, поблагодарив их, сказал, что больше всех все-таки признателен Фрэнку Синатре, который громкогласно заявил, что обязательно выручит коллегу из беды. Рафт, которого впоследствии вышлют даже из Англии как «нежелательного иностранца», лишь совсем в преклонные лета обласкается в полосатую тюремную одежду, чтобы... предстать перед зрителями в рекламе «лекарственного препарата «аль-козельцер», облегчающего желудки и душевные страдания даже за решеткой».

Знаменитый Джо Шенк (еще один выходец из Рос-

сии — город Рыбинск), продюсер, удостоенный в 1952 году специального «Оскара», престижного приза американской киноакадемии, «за выдающиеся заслуги перед кинопромышленностью», имел обширные связи в преступном мире. Но попал на неуплате налогов, в ходе следствия рассказывал о своих контактах с Биоффом, упоминавшимися деятелем Международного союза работников театра и кино. Это, в свою очередь (потянувшись цепочка), вызвало арест мафиозо Джонни Розелли, женившегося на актрисе и ставшего в Голливуде специалистом по вопросам трудовых отношений, и Фрэнка Нитти по прозвищу «Принудитель», одного из «лейтенантов» Аль Капоне. Дальше этого процесс не пошел: Нитти в тюрьме покончил жизнь самоубийством, Розелли упорно молчал, и через 3 года мафия вывела его из заключения (с ним покончат в 1976-м; он исчезнет бесследно и лишь несколько месяцев спустя рыбки выудят из океана опутанную цепями бочку с его трупом). А Джо Шенк, хоть мафиози и решили его не трогать, все свои кредиты в Голливуде растеряет: отношения с ним поддерживать перестанут, с этим деловым человеком будет покончено.

Как же так, спросите вы, читатель, — выходит, что в США все одним миром мазаны, и мир этот — организованная преступность. Не совсем, конечно, так, но «жить на облаке» в этой стране (да разве в других иначе) представляется весьма затруднительным занятием. И есть здесь один немаловажный момент, нюанс, который ярко иллюстрирует реальное положение вещей: преступник считается вполне *респектабельной* фигурой. Он не получает, как случается у нас, персональной пенсии, но посмотрите — образ жизни, который ведет любой «босс» мафии, мало чем отличается от образа жизни крупного, преуспевающего бизнесмена. Резиденция «босса» обязательно находится в одном из фешенебельных районов. Обедает он в модных дорогих ресторанах, нередко в компании судей, адвокатов, других должностных лиц или коллег-бизнесменов. По уикендам играет в гольф на зеленых газонах частных клубов, двери которых распахиваются перед немногими. Иначе говоря, хотя каждый знает, что перед ним — преступник, человек этот не только находится на свободе и занимается «любимым делом», но имеет все основания считать себя выше закона, полагать суперменом, которому дозволено все. Интервью с ним добываются репортеры центральных газет, обыватель знает его по фотографиям в прессе (а не как в былые времена — по объявлениям о розыске и денежном вознаграждении за доставку живым или мертвым, где-нибудь на умиляющем своей наивностью «диком ковбойском Западе»). В общем большинство американцев считают такого типа энергичным деловым человеком. И стало быть сложившийся стереотип как бы подталкивает американца к тому, чтобы он уважительно и с почтением относился к подобной сильной личности. Фактор, казалось бы, незначительный, но он лежит в основе философии, которая позволяет преступным картелям безнаказанно существовать и процветать.

Суть деловой активности организованной преступности — на поверхности — заключается в предоставлении незаконных услуг и товаров многочисленным американским потребителям. Но, помимо этого, мафия, как мы говорили, глубоко проникла также во вполне легальный бизнес, а профсоюзное движение, в другие общественные институты Америки. И необходимо отметить, что в этих легальных видах деятельности методы, используемые мафиози, естественно, нелегальны. В ход идут шантаж, вымогательство, убийство. Особую статью составляют действия по уклонению от надлежащей уплаты налогов. Иначе говоря, на вполне легальной почве строится здание запрещенной конструкции. В этих целях организованная преступность широко использует всякого рода взятки, подкуп официальных должностных лиц.

Было бы не совсем верно утверждать, что мафия оказывает прямое, непосредственное и пагубное влияние на благосостояние отдельных американцев, дело далеко не так просто. Большая часть доходов современных гангстеров складывается из мелких, можно сказать грошовых поступлений. Среди статей дохода — всевозможные пари, заключаемые на спортивных состязаниях («спорт-лото», если хотите), содержание игровых автоматов, собирающих, как в копилку, 25-центовые монеты, и т. п. Даже рэкет, к которому мафия прибегает, — это не столь крупная, скажем по сравнению с наркобизнесом, статья. К деятельности организованной пре-

ступности относятся и такие операции, которые, на первый взгляд, вроде бы вообще большого значения не имеют. Контрабандные сигареты, например, обходятся потребителю не дороже обыкновенных. Более того, когда это выгодно, «боссы» мафии начинают настоящую экономическую войну против табачного бизнеса, снижая цены на контрабанду: получается, что потребитель вроде бы даже выигрывает от такой вполне нормальной рыночной ситуации. Но не будем забывать, в чью казну идут все эти поступления. Вот, по аналогии, и другой пример «безобидной» деятельности мафии. Из пенсионного фонда какого-либо профсоюза крупная сумма денег может быть выделена для финансирования любого делового предприятия, о чем члены этого фонда даже и знать не будут. Капитал, совершив оборот, обеспечит «боссам» новые прибыли, а люди, на чьи средства совершаются подобные авантюры, по-прежнему будут оставаться в счастливом неведении.

В руках мафии сосредоточиваются огромные средства. И этот факт имеет, вне всякого сомнения, решающее значение. 25-центовая монетка, оставшаяся в игральном автомате, погоды не делает, но миллионы таких монет, оставленные в сотнях тысяч автоматов, — это уже солидное основание для того, чтобы пойти на убийство, любое другое преступление, лишь бы обеспечить нескончаемый поток поступлений. В сущности организованная преступность и существует в силу того факта, что власть, которой она обладает, покупается. Миллиарды долларов позволяют мафии держать в руках жизнь людей и контролировать экономику. Появляется возможность влиять на ценообразование, спекулировать на бирже, определять уставы крупных профсоюзов, контролируя их верхушку, оказывать влияние на различные деловые группировки. Эти деньги, конечно, могут идти также на подкуп продажных лиц, включая американские правовые органы, судебные инстанции, имеющие власть отправить человека на скамью подсудимых, упрятать за решетку или даже лишить жизни. Те же кулуарные должностные лица могут помочь избежать уплаты налогов, обеспечить выгодный контракт и т. д.

Принимая все сказанное во внимание, берусь утверждать, что цель мафии не в том, чтобы соперничать с американским правительством, например, или тем же военно-промышленным комплексом, а в том, чтобы, существуя в рамках капиталистической системы, свободного предпринимательства, свести на нет слабые усилия по ограничению ее деятельности и пользоваться безнаказанностью. Ведь если мафия имеет своего человека на той или иной должности, она, а не правительство, контролирует его действия. И если взятку берет, скажем, тот же полицейский или чиновник, то таким образом аннулируется и надлежащая система поддержания правопорядка. Много можно теоретизировать по этому поводу, но сильнее аналитических исследований, как мне представляется, действуют факты из окружающей повседневной жизни. Когда абстрактные категории превращаются в человеческие судьбы, отчет идет в системе других — реальных и зримых — координат.

Расскажу одну быль, ставшую легендой; попробую показать, как безжалостен мир насилия, коррупции и бездушия по отношению к живым существам, попавшим в его орбиту. Голливудская цветная карусель, «аттракционы» мафии — это не парк Диснея или галерея ужасов, это представление с «актерами», взаправду «весело» умирающими на сцене под улюлюканье или восторги толпы. И этот канкан в морге не останавливается ни на минуту. Упомянувшемуся продюсеру Джо Шенку было 69, когда он, еще вполне крепкий мужчина, узрел из окна своего лимузина спешащую куда-то девушку. Приказал шоферу остановить авто, предложил подвезти. Выяснил, что работает прекрасная незнакомка на студии «20-й век — Фокс» (74 доллара в неделю — невольно сбережешь фигуру). Начинаящая киноактриса Норма Джин Бейкер абсолютно была уверена в том, что мать, назвавшая ее в честь голливудской знаменитости Нормы Талмэдж (кстати, первой жены Джо Шенка), определила ее жизненный путь. Лишь за несколько дней до этой случайной встречи стали пробовать Норму Джин в кино — только что придумали вполне звучный актерский псевдоним: Мэрилин Монро.

Судьба до того момента складывалась по-разному. Легко вышла замуж в 16 лет. Потом осталась одна. Блондинка с голубыми глазами и умопомрачительной фигурой, словно сошедшая с рекламных проспектов, она поражала жизнерадост-

ной чувственностью. Джин Харлоу, кумир Голливуда и... мафии, скончавшаяся в 1937-м, была полна коварных темных страстей и предвещала трагедию — Мэрилин Монро излучала свет и обещала веселый праздник. Шенк это понял сразу, но щедротами не осыпал, действовал не спеша: для начала поговорил с Гарри Коном — и тот устроил Мэрилин шестимесячный контракт с «Коламбиа пикчез». Затем первая роль — некоторым голливудским эстетам актриса показалась «непрофессиональной толстушкой», а многоопытный Гарри Кон, кинопромышленник от бога, оказавший старому приятелю услугу, даже поспорил с ним на доллар, что проку от «новичка» не будет. Сама Мэрилин перемены в жизни воспринимала с непосредственным восторгом, но держала дистанцию: заигрывания Кона отвергла сразу, ухаживания Шенка принимала, а увлечена была Фрэнком Синатра.

У Альберта Фрэнсиса Синатра, в прошлом школьника-недоучки, от голоса которого млели одноклассницы, а потом сходили с ума и зрелые дамы, в 1947 году были серьезные неприятности. В феврале он посетил Гавану, где на некоторое время осел изгнанный из Соединенных Штатов глава преступного синдиката сам Лаки Лучино. В это время на Кубу, на поклон к «Счастливицу», приезжали многие, кто искал расположения «босса»: Синатра прибыл в сопровождении братьев Фишетти из клана Капоне. Появляться в открытую с гангстерами он давно не боялся, к обычной газетной шумихе по этому поводу привык и небезосновательно считал ее безобидной. Беспокорило другое: с чей-то дурной подачи им занялась комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. А вот уж это в планы настоящего шоумена, каким он себя считал, никак не входило: сплошные убытки — вдруг окрестят его «красным», что скажут тогда многочисленные поклонники-патриоты. Лучино выслушал — обещал помочь.

В Голливуде, меж тем, Гарри Кон безуспешно штурмовавший неприступную Мэрилин, хотел было уже поступить с ней по всей строгости и разорвать контракт, но случилось одно обстоятельство. Монро, устав от приставаний кинобосса, прямо заявила ему, что у нее роман с Фрэнком Синатра. И теперь это заявление останавливало «короля» Голливуда: он хорошо знал о контактах этого итальянца с людьми из самых высших эшелонов мафии, знал и боялся — ведь все в этом мире непрочно и странно. Парадокс ситуации, впрочем, заключался в том, что сам Синатра смотрел на связь с Монро проще — очередное увлечение. К тому же в последнее время он предпочитал общество известной уже всему киномиру актрисы (не чета начинающей Мэрилин) Авы Гарднер. Да и своих забот вполне хватало: популярность его неожиданно резко упала — многое приходилось начинать сначала, подключать и внеголливудские связи.

А карьера Мэрилин пошла в гору: количество ролей, пусть одноплановых, множилось, сфотографировалась обнаженной для иллюстрированного календаря — и получила-то всего ничего, но реклама была — на миллион. Кроме того, ею занялся Джонни Хайд, вице-президент агентства Уильяма Морриса, престижного голливудского заведения по продаже талантов. Хайд был от своей протекции без ума. К концу 1950-го, после успеха вышедших на экраны картин с ее участием «Асфальтовые джунгли» и «Все о Еве», Монро узнала вся Америка.

Синатра развелся и тут же женился на Аве Гарднер — она уступила. Медовый месяц проводили сначала в Майами, в отеле, принадлежавшем мафиози, затем отправились в Гавайи — там было много знакомых, в том числе организованных преступников. Следовательно, меж развлечениями, кое о чем посоветоваться: карьера по-прежнему стояла на месте и не удавалось никак осуществить проект, который, уверен был Синатра, давал шанс на громкий успех. Давно хотел реализовать мечту, удовлетворить творческое желание и сыграть в фильме по широко известному роману Джеймса Джонса «Отныне и вовеки». Но загвоздка была в том, что права на экранизацию купила «Коламбиа пикчез», а там правил Кон, который не забыл ему Мэрилин Монро. И все же «боссам» синдиката, попросившим Кона сделать им такое одолжение и пригласить Синатра участвовать в картине, отказать он не смог: не ведут себя столь неразумно в подобных ситуациях. И получил Синатра желаемое, и не обмануло его чутье профессионала: стал обладателем приза «Оскар», и открылась новая карьера, и запел лучше прежнего, и исчезла депрессия, и отпала нужда в услугах агента из фирмы Морриса некоего Джорджа Вуда, которого мафиози специально отрядили присматривать за своим

любимцем — мало ли в меланхолическом трансе натворит каких-либо глупостей.

Мэрилин, тем временем, купалась в лучах славы. Подписала семилетний контракт с компанией «20-й век — Фокс» — как раз незадолго до смерти Джонни Хайда, с которым в общем была счастлива. Но из его дома ее, невенчанную, попросили родственники. Вскоре познакомилась с известным игроком в американский футбол Джо Димаджио — в январе 1954-го они поженились: из-за этого отказалась сниматься в очередной ленте с участием Фрэнка Синатра. Димаджио, бесхитростный парень, ужасно ревновал, особенно к тому, как преподносили его жену с экранов. Сам он Голливуд недолюбливал, а к мафии вообще относился нетерпимо — однажды даже отверг выгодное предложение самого Альберта Анастасия. Брак со спортсменом, впрочем, продолжался недолго. В 1956 году Мэрилин вышла замуж за знаменитого писателя Артура Миллера. Круг знакомых сменился, но в среде интеллигентов не всегда она чувствовала себя легко и непринужденно. Через четыре года и этот брак кончился разводом.

Синатра был на седьмом небе — он достиг пика популярности, и золотой дождь не прекращался: ему поклонялись и осыпали милостями. Да и сам он чувствовал себя «принцем» — щедро дарил друзьям свое расположение и подарки, оказывал услуги. Среди других, помог негритянскому певцу Самми Дэвису: Гарри Кон угрожал ему чуть ли не «линчем», как же — осмелился ухаживать за белой Ким Новак. И очень сдружился Синатра с Дином Мартином (Дином Полом Кроцетти), талантливым и обаятельным актером, уроженцем маленького городка Стенбенвилля (штат Огайо), известного не только тем, что тамашная мафия неплохо знала свое дело, но и тем, что в Лас-Вегасе работало более 300 крупные и других профессионалов игорного дела, вышедших из этой местности.

Мэрилин Монро за этой статистикой не следила. Лас-Вегас для нее, как и другие аттракционы развлечений, был местом работы. Накапливалась усталость. Вскоре угодила в клинику — переутомление, депрессия.

Синатра был занят в предвыборной кампании Джона Кеннеди, принимал активное участие в различных мероприятиях, благотворительных концертах. Близко сошелся с братом будущего президента — Робертом. После победы на выборах контакты эти, однако, совсем прекратились. Поначалу Синатра недоумевал, потом обижался, затем винил во всем супругу президента Жаклин, которая его недолюбливала. Но дело было в другом: осторожность проявлял Роберт Кеннеди, ставший в новой администрации министром юстиции. О тесных связях мафиози с профсоюзами и Голливудом узнал он еще когда работал в специальной комиссии по расследованию деятельности Джими Хоффы, руководителя многомиллионного профобъединения, именуемого «международным братством», куда, помимо водителей грузовых автомашин, составляющих более половины членов, входят также полицейские, муниципальные служащие и некоторые другие категории трудящихся Америки. (В 1964-м Хоффу приговорят к 13 годам тюремного заключения, а потом, когда освободят досрочно, уберет его мафия, чьи интересы он так рьяно представлял, — случится это в 1975-м.) Сразу после своего назначения Роберт Кеннеди решил начать нешуточную борьбу с организованной преступностью: именно по его инициативе был создан мощный координационный центр действий, направленных против мафии. На вооружение сотрудников тогда же были взяты подслушивающие устройства. Результатом одного такого «сеанса» стала запись деловой беседы чикагского «босса» Сэма Джианканы, где он упомянул в разговоре, что синдикат пытается выйти на «ирландскую политическую мафию» (имелся в виду клан Кеннеди) с помощью Фрэнка Синатра. Джианкане, имевшему, ко всему прочему, обширные связи с Центральным разведывательным управлением США, подобную оглошность так и не забудут, а самого его то ли мафия, то ли ЦРУ прикончат в 1975-м.

Такая информация не могла не затронуть профессиональные интересы Роберта Кеннеди. Он предложил сотрудникам своего аппарата завести на актера досье и взглянуть на сладкоголосого певца не только из зрительного зала. Вопросов, собственно, было два: находится ли Фрэнк Синатра под полным контролем мафии и, если это так, то с какой целью нужно было ему близко сойтись с семейством Кеннеди. И так — мафия и Синатра: отдельные моменты этого обоюдного выгодного альянса были очевидны. Синдикат использует

Синатра для вложения крупных средств в легальный бизнес, для «отмывания» незаконных поступлений, а, кроме того, учитывая великую его популярность, — для привлечения американцев в отели, ночные клубы, концертные залы, казино, принадлежащие мафии. И понятно в общем, почему сам Синатра, преклоняющийся перед богатством и властью, тянется к гангстерам, своим друзьям и покровителям. Но коли так, то для клана Кеннеди он — опасный человек: если бы не подслушанный разговор, он мог втереться в доверие, исподволь оказывать влияние, просить о «личных одолжениях», собирать важную для мафии информацию (как еще будет это в администрации Никсона и Рейгана) и, быть может, даже открыто шантажировать. Ну что ж, в логике братьям Кеннеди не откажешь.

Но Синатра узнал о проводимом расследовании, о собиравшихся на него материалах. Глубоко уязвленный, он возненавидел Роберта Кеннеди. К тому же, как оказалось, не только у него были на то веские основания: с таким серьезным противником мафия до этого не сталкивалась — ни гроза преступников, следователь по особым делам Томас Дьюи, ни Эдгар Гувер, руководитель ФБР, не шли с Кеннеди ни в какое сравнение. Немаловажным являлось и то, что миллионера Кеннеди невозможно было купить. Оставался только шантаж.

Как раз в это время на праздновании дня рождения своего брата-президента Роберт Кеннеди познакомился с Мэрилин. Шел 1962 год, и в огромном нью-йоркском Мэдисон-сквер-гардене, где проходил гала-концерт, Монро непередаваемо, излучая женственность, секс и демонстрируя настоящий «голливудский класс», спела традиционную песенку «С днем рождения», прибавив к знакомым словам обращение «г-н президент». Зал, заполненный отнюдь не простолюдными, просто взревел от восторга, это был настоящий триумф. Жаклин Кеннеди искоса поглядывала на мужа, а он открыто улыбался и шутил, что после такого сладкого поздравления можно подумать и о том, как поскорее отойти от государственных дел. Этот эпизод, записанный на пленку, до сих пор смотрится захватывающе.

Потом жизнь пошла вроде своим чередом. Синатра, с которым Мэрилин продолжала оставаться в прекрасных отношениях, подарил ей пуделя. Она назвала его «Маф» — сокращенно от «мафия». С Дином Мартином снималась в забавной комедии: в одной из сцен обнаженной купалась в бассейне — за эти снимки журнал «Лайф» выложил удачливому фотографу 10 тысяч долларов. А между тем ей было уже 36, но фигуру демонстрировать не стеснялась... Роман с Робертом Кеннеди спутал все карты, он ворвался в ее жизнь на самом переломном этапе. Кеннеди зачастил в Лос-Анджелес: формальный предлог у него был — вел переговоры об экранизации своей книги «Внутренний враг», вышедшей еще в 1960 году и сразу ставшей бестселлером. (В работе этой, между прочим, утверждалось, что самую серьезную опасность в стране представляет как раз организованная преступность, а вовсе не «красные и им сочувствующие».) Проект экранизации обрел зримые черты: сценарий писал Бад Шульберг, продюсером был готов стать Джерри Волд, который, кстати, сделал с Монро два фильма. Виделись Роберт с Мэрилин во время его вояжей на западное побережье практически каждый день. И каждый раз Кеннеди отчетливо понимал, как многим рискует. Ведь будущего у этого романа быть не могло. У него семья, политическая карьера, далеко идущие планы (о президентстве тогда еще, правда, речи не было — все амбиции связывались с именем брата Джона). И Роберт, конечно, не предполагал, что она, так деликатно относившаяся к его предосторожностям, не стала скрывать их связь от старого друга Фрэнка Синатры.

Ситуация складывалась просто детективная, и все было как в кино. Люди Роберта Кеннеди из специального подразделения по борьбе с организованной преступностью, встречая яростное сопротивление, упорно продвигались, тем не менее, вперед и заметно преуспели и по части разоблачения махинаций мафии в игорном бизнесе, и в работе с коррумпированными лидерами профдвижения. Удары наносились весьма ощутимые, и «боссы» пока не знали, что предпринять. И в то же время министр юстиции встречался со своей знаменитой любовницей в одном из отелей курортного местечка Лейк Тахо,

в нижнем этаже которого находилось казино, контролируемое мафией. Авантюризма брату президента было, видимо, не занимать.

Однажды, когда они расстались в очередной раз (Кеннеди спешил в Вашингтон), у Мэрилин случился приступ: страхи, что Кеннеди покидает ее навсегда, усилились — после истерики наглоталась таблеток снотворного, откачали ее чудом. Может быть, именно тогда и созрел у мафиози план, как скомпрометировать энергичного министра юстиции и покончить с ним политически. Все это, конечно, недоказуемо, но факты говорят о многом и помогают выстроить логическую цепочку. Мэрилин Монро, полагали профессионалы, вполне может стать ключевым участником заговора, даже не догадываясь об этом. Рассчитывали на то, что Мэрилин, дабы удержать Роберта при себе подольше, даже заманить к себе, готова будет на все. А прислугу в доме, ее адвоката, врача купить, конечно, не составляет большого труда, да и потом с ними никогда не поздно разобраться — будут молчать.

Но что же в действительности произошло в тот вечер 4 августа 1962 года? Может быть, неуравновешенная и взбалмошная голливудская звезда отравилась в минуту отчаяния — таких примеров достаточно в индустрии развлечений. Может быть, она просто — по рассеянности — не рассчитала дозу снотворного, без которого не привыкла обходиться. А может быть, и был коварный план, но только заговорщики недооценили профессионального политика и умудренного вашигтонского чиновника, которому история отвела особое место в летописи американского общества.

Накануне она была весела и бодра. Только что согласилась сниматься в фильме «Растет в Бруклине дерево», сценарий ей пришелся по душе, к тому же среди исполнителей — старые знакомые: Ширли Маклейн, Дин Мартин и Синатра. 3 августа она договорилась с продюсером о плане работы. Потом позвонил Роберт и назначил встречу в Лос-Анджелесе — на ужине у четы Лоуфордов, его родственников. Днем она гуляла перед домом, играла с пуделем Мафом. Кеннеди позвонил еще раз — напомнил о встрече, он уже прилетел. Она вновь сказала «да», но не стала собираться, а лежала в спальне, слушала пластинки Синатры и пила таблетки — это подтверждает экономка. Шло время — вновь раздался телефонный звонок, но она, словно помня заученную роль и боясь подвести «режиссера», уже в полузабытии звала Роберта к себе, говорила, что не может жить без него, что умирает, что ей плохо и что она умрет, если он не придет.

Кеннеди не явился. По его просьбе Питер Лоуфорд позвонил своему менеджеру Милтону Эббинсу и предложил вместе поехать к Мэрилин. Эббинс счел разумным сначала связаться с адвокатом Монро Мики Рудиным. Тот в свою очередь дал знать доктору. Доктор понадеялся на экономку: она ответила, что все нормально — свет в спальне горит, музыка играет. Все успокоилось. Мафия просчиталась — и Мэрилин Монро, кинозвезда мировой величины, скончалась в полном одиночестве, уже, вероятно, не отдавая себе отчет в том, что с нею происходит. Смерть наступила, как установила экспертиза, между десятью вечера и часом ночи. Обнаружили труп под утро. Странно (но почти пророчески) прозвучало заключение врачей — «возможно самоубийство».

Она умерла. Ее больше не было. И все, что мучило раньше, ушло. Остались в сумбурном прошлом роли и трагедии, которые играла и переживала. Из семьи — никого. Похороны организовывал Джо Димаджио, хотя не был ни ее последним мужем, ни даже последним любовником. Но, как казалось окружающим, он многое знал о тайнах Мэрилин, ее сомнениях и страхах. Во всяком случае на похороны пригласил только 35 человек — демонстративно не просил проститься с ней ни Синатра, ни Дина Мартина, ни чету Лоуфордов. Мэрилин скромно и торжественно лежала в зеленом саване, с розами в руках. У могилы рождалась легенда. А эпитафией могли служить собственные незатейливые стихи Нормы Джин Бейкер, превратившейся в Мэрилин Монро:

Помогите же, помогите:
Эхо гулкое — скорбная весть,

Придавила жизнь — я в ответе:
И нельзя мне не умереть...

М. РАЦ,
профессор

КНИЖНЫЙ СКЛАД НА ДОМУ. ПОЧЕМУ?

Цель наша при составлении нашей скромной библиотечки — в том, чтобы через нее выйти в ученые или тем паче в судии над миром, а единственно в том, чтобы отыскать доступные нам врата святилища души. Так пусть каждый начинает с того, что ему понятно и дорого! (Г. Гессе)

Мы все чаще говорим о «культуре чтения», о «культуре книжного собирательства». Не странно ли? На первый взгляд, чтение и уж тем паче собирание книг — самое, что ни на есть «культурное» занятие. Еще Твардовский писал о «читателях-собираателях» как о приобретении нашей культуры. Но все это — только на первый взгляд, и интерес наш к этой теме не случаен. «Безусловно, — считает ленинградец А. Матышев, — эта острая и большая тема должна, наконец, стать объектом пристального и честного рассмотрения». Еще 3—4 года назад это было бы невозможно, но сейчас такому анализу мешаем только мы сами: в рамках сложившихся у нас стереотипов мышления эту тему обсуждать бесполезно, ибо подлинное ее содержание лежит «по ту сторону» «массового движения книголюбов», «приобщения к сокровищам мировой культуры» и т. п.

Чтобы выйти за эти рамки я воспользуюсь старинной формой «беседы».

У меня под рукой несколько читательских писем, выдержки из которых я буду приводить, а также цитаты из публикаций по нашей теме. В «беседе» участвуют и два вымышленных собеседника: (У) — хочет дальнейшего совершенствования сложившейся системы собирательства, (Н) — намерен ее ломать и перестраивать.

У. — Весь мир признает нас самой читающей страной, 18 миллионов членов ВОО, 11 миллионов подписчиков на Пушкина — какая страна может похвалиться таким массовым движением книголюбов? Пресловутый книжный дефицит, конечно, мешает нормальному собирательству, но, судя по всему, мы его скоро преодолеем. Обнадеживает наметившаяся обратная связь покупателей с издательствами. Еще бы навести порядок с библиотечным обслуживанием, и это вроде бы получится само собой в результате улучшения издательской политики.

Г. Гершензон (Москва). — Огромный, ни с чем не сравнимый рост читательских кадров, о котором писал Твардовский, не встретил адекватного совершенствования библиотечного обслуживания. Очевидно, поэтому привычка идти в библиотеку за книгой просто для чтения осталась преимущественно у пенсионеров. Создается впечатление, что скоро ее придется внести в «Красную книгу добрых пережитков». А. Матышев (Ленинград). — Несмотря

КАРАНДАШНАЯ
ИСТОРИЯ

на явные признаки снижения книжного бума, он еще весьма силен, а порожденные им проблемы очень далеки от своего разрешения... При устранении дефицитности книги исчезнет и факт престижности обладания ею.

Может быть, тогда станет вновь «престижнее» читать, а не иметь. И в первую очередь для молодежи, потому что этого уже трудно ожидать от нынешнего, вполне сложившегося поколения участников книжного бума.

Н. — Все это правильно по-своему. Но заметьте, что ведя разговор таким образом, мы выходим из тупика не можем найти в принципе.

У. — Это почему же?

Н. — А потому что разговор идет не вглубь, авширь...

П. Кравченко (Стаханов Ворошиловградской обл.). — Тут смешиваются разные аещи: «читательство» и собирательство... Но даже к словам замечательного поэта надо подходить исторически. То, что было осмысленно и полезно 20 лет назад, сейчас звучит архаизмом, а с точки зрения работы ВОКа просто бессмысленно.

Различать читателя и собирателя сегодня не «интеллектуальный снобизм» — а жизненная необходимость...

Вопрос о культуре книжного собирательства, на мой взгляд, равно актуален и для начинающих собирателей, и для многих библиофилов: болезнь у всех одна — отсутствие собственной четкой программы...

Не стоило бы смешивать собирательство с издательской политикой. Нет слов, книгоиздание — важнейший фактор нашей культурной жизни, но к делу то (то бишь к теме дискуссии) оно просто не имеет отношения. Собирательство может быть культурным при «нескучной» издательской политике и наоборот — с равным успехом.

У. — Но все это взаимосвязано, и механически разрывать целостную систему или «сферу книги» нельзя.

Н. — Вы мне напомнили «основной закон» экологии, гласящий, что «все в мире связано со всем». Но такие законы годятся только для плохих диссертаций и хороших анекдотов. А разрывать между прочим ничего не надо. Надо различать. Иначе разговор оказывается бесполезным и беспредметным. О чем мы будем говорить? О культуре чтения, издательской политике или собирательстве — это же все разные вещи. Я считаю собирательство особым типом мышления и деятельности.

А. Толстяков (Москва). — Очевидно, в каждой личной библиотеке должна быть общекультурная основа: классика... популярные справочники... книга полезных советов, кулинарная книга и т. п. А. Романов (Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области). — Говорят, человек уникален, его внутренний мир неповторим. Как же можно окружать его стереотипной библиотекой?.. Держать классику на книжной полке, не будучи уверенным, что будешь перечитывать, бессмысленно: ее всегда можно взять в библиотеке... Читал Шекспира, но — что поделал! — не испытываю восторга.

Однако я в этом не одинок. Л. Толстой тоже... Или он недостаточно культурен? П. Кравченко. — Мне не кажется очевидным, что «в каждой личной библиотеке должна быть общекультурная основа», да еще и в конкретной реализации, которую предлагает А. Толстяков: не только что рецепт, но и со способом употребления на все случаи жизни! Такая основа должна быть в общедоступной районной (школьной, сельской и т. п.) библиотеке, а держать в доме кулинарные книги — дело, на мой взгляд, сугубо факультативное.

У. — По-моему, вы перегибаете палку. Существуют же сокровища мировой культуры. Существуют сочинения Шекспира, Пушкина, Толстого, а что кому нравится или не нравится — так это его личное дело. Мы же должны спорить в принципе!

Н. — Вот мы, наконец, дошли до принципов.

У. — А что вы мне в принципе можете возразить, интересно?

Н. — То, что в рамках нашей темы вся соль заключается именно в этом личном нравстве — не нравится, в том, «кто что собирает», а не в Шекспире и Пушкине. Что бы вы ни собирали, Аристотеля или Конан-Дойля, важно, чтобы ваша собирательская деятельность видоизменяла вашу шкалу ценностей, жизненные цели и, в том числе... программу собирательства. Иными словами, осмысленность собирательства в его обратном влиянии на духовный мир собирателя. Если такое «зацепление» происходит, то начинается духовное движение, а это, на мой взгляд, самое главное: лучше двигаться с ошибками, чем безошибочно стоять на месте. Вообще не худо осеменить в памяти работы А. Грамши и недавно изданные труды М. М. Бахтина двадцатых годов.

У. — Авторитетами давите?

Н. — Нет, просто не хочу быть плагиатором, с одной стороны, и не могу упростить их достаточно сложные соображения, с другой. Суть дела (и нашего разговора, в том числе) сводится к тому, что под культурой в плохой традиции (и извините!) в вашем тезисе понимаются пресловутые «сокровища», хотя и созданные людьми, но существующие объективно. Спрашивается, где же они таким образом (вне зависимости от нашего мышления и деятельности) «существуют»?

У. — То есть как где? Да в любой библиотеке!

Н. — Этого ответа я и ждал. У вас «культура» как жаркое в холодильнике: «духовная пища». Функцией культуры является воспроизводство деятельности — любой и всяческой, писательской и собирательской, в частности. И эта функция обеспечивается двумя основными процессами: трансляцией и реализацией культуры. И чем больше мы будем рассуждать о «сокровищах», тем больше разных «БВЛ» будет лежать мертвым грузом у книжников. И одновременно будет происходить отчуждение от культуры (вот это у Грамши проанализировано!) под лозунгами приобщения к ней.

А. Романов (г. Ленинск-Кузнецкий). — Костяк моей библиотеки — фантастика, и этим я горжусь и знаю, что не раз еще в жизни обращусь к сборникам Стругацких, Шекли, Саймака, к повестям К. Булычева... Библиотека — «стереотип» — это самый отрицательный фактор: такие стереотипы составляются, как правило, из дефицита, порожденного очередной модой, очень часто не читаемого. Я обеими руками голосую за программное собирательство, мне нужны только те книги, которые, знаю, я буду читать и перечитывать.

У. — А кто с этим спорит?

А. Аржелов (Москва). — Программность должна соответствовать широким возможностям реализовать ее на практике. Меж тем массовый читатель очень ограничен в выборе книг для своей библиотеки. Мы просто вынуждены подбирать издания по «крупноблочному» принципу. К этому нас толкает книжный голод... Если же коллекционер в попытке вырваться за рамки стереотипного набора обратится к услугам «черного рынка», то натолкнется на засилье литературы приключенческого и фантастического жанров, т. е. как раз тех, которые не могут формировать костяк культурного собрания.

У. — Последнее утверждение, конечно, спорное.

Н. — Не более, чем остальные. П. Кравченко. — Черный рынок — это порождение некультурного собирательства. Будь у каждого своя программа, не было бы черного рынка, а когда всем нужен Пикюль, понятно, что он 100 рублей стоит! По мне лучше уж Вашишевского купить (так сказать, первоисточник).

Н. — Программность, конечно, «должна соответствовать» реальной ситуации, в т. ч. ограниченным возможностям выбора книг, к стереотипным собраниям толкает не книжный голод, а отсутствие собственной, личной программы, т. е. культуры собирательства. И обратите внимание: как только собиратель вырвется за рамки стереотипа, он пойдет не на черный рынок, где торгуют именно стереотипом, а в магазин и купит то, что ему нужно, ибо другим нужно не это. Если же мы все вырвемся за рамки стереотипа, то есть у каждого будет собственная программа собирательства, то тогда мы и приобщимся к культуре.

У. — Вот наконец-то договорились! Итак, издательства будут по-прежнему гнать макулатуру, а мы отбирать из нее «неведомые шедевры». Остается только понять, откуда они там возьмутся и что делать со школьниками, которым «по программе положены» вполне ведомые шедевры: те самые Пушкин и Толстой, которые в вашей программе приобщения к культуре куда-то потерялись.

Н. — Да не волнуйтесь так за свою духовную пищу. Мы ведь пока только один процесс обсуждали из двух, которые делают культуру культурой. Так вот, второй процесс называется «трансляцией» и обеспечивает сохранение культуры. Пушкина «потерять» никак невозможно: он — часть нашей культуры.

У. — И отсюда вы выводите актуальность темы нашего разговора: массовое собирательство в самой читающей стране мира становится важным элементом национальной культуры.

Н. — Да. И в том виде, в котором оно у нас сложилось в 70-е годы в период застоя и «книжного бума» (совпадение не случайное!), оно естественно и органично вошло в тогдашнюю нашу культуру. Но меня лично оно не устраивает, потому что подлинного приобщения к культуре не обеспечивает. Оно у нас во многом не собирательство, а приобретательство, ибо беспрограммно: собственная программа подменяется чужими рецептами, «рекомендательными библиографиями», серийной принадлежностью книг. В противоположность этому, формирование программы собирательства предполагает непрерывное самоопределение собирателя, перманентную выработку целей и личного отношения к материалу культуры, к тем или иным данным литературы, искусства, книгоиздательского дела. Только по мере (и в меру) выработки этого личного отношения феноменальные данности материала (текст «Евгения Онегина») становится достоянием нашей личной культуры. При этом собирательский тип отношения предполагает как минимум «двойной фильтр»: вхождение данности в личную культуру и внесение ее в программу собирательской деятельности.

У. — Слушайте, у меня ощущение, что вы морочите нам голову своей «философией». У нас книг в стране не хватает, а вы — «интериоризация», «субъективизация». Скажите лучше, где можно купить хорошую книгу!

Н. — А нигде не купите, пока с интериоризацией не разберетесь. Потому что осмысленной программы действий без этого и не постройте. Так что реально-то это вы морочите нам голову. Книг у нас (как и тракторов) больше, чем нужно, а вот культуры... В собирательстве точно так же, как и в сельском хозяйстве. А еще точнее — это та самая «культура хамства», о которой писал в «Декоративном искусстве СССР», а потом в «Знании — сила» (№ 9, 1988) Л. Невлер.

А если вернуться к делу — программному собирательству, то особое значение приобретает при этом мыслительная, программирующая работа, когда собрание формируется в голове и лишь затем реализуется в действии: в поисках и находках.

У. — Мне кажется, что я вас понял. Ваша основная мысль в том, что культура задается не предметом собирательства, а тем как это собирательство осуществляется. Но, на мой взгляд, важно и то, и другое. Я, кажется, угадал и ваши ответы (которых так и не дождался) на мои вопросы: вы предложили бы разукрупнить издательства, предоставив каждому из них выработать свое лицо, и точно так же поступить со школьными программами: пусть каждая школа учит по-своему в рамках некоторых достаточно общих требований. Эта идея, кстати, уже выдвигалась в «Литературке».

Сегодня все мы от мала до велика пользуемся карандашом, но редко кто задумывается над тем, какой трудный исторический путь прошло это орудие письма и рисования.

Первые сведения о графите относятся к 400—325 гг. до н. э. Тогда его использовали в качестве краски. Древние римляне и галлы называли графит — «плюмбаго». Это название указывало на сходство со свинцом — способность оставлять след на бумаге. Но затем о графите надолго забыли.

Сведения о нем вновь появляются во второй половине XVI века. Это связано с открытием Боровальского месторождения, расположенного на северо-западе Великобритании, в графстве Кумберленд.

Предприимчивые англичане наладили торговлю графитовыми палочками. Цена таких палочек, опривленных в дерево, металл, золото, а затем покрытых резбой и орнаментом была очень высока. Но боясь быстрого истощения запасов графита, английский парламент издает указ, по которому его разрешалось добывать только шесть недель в году. Карандаши из Кумберлендского графита ценил Петр I. У него в кармане лежал такой вместе с толстой записной книжкой, трубкой и кисетом. В письмах в Англию купцу Андрею Стейльсу он наставлял: «Прищи самых добрых аглицких карандашей сколько возможно...»

До сих пор спорят о том, кому же принадлежит пальма первенства в создании карандаша.

В 1598 году весь Нюрнберг вдруг заговорил о невероятной новинке. Столяр Фридрих Штедтлер похвастался, что придумал нечто такое, что окажется очень полезным для человека, избавив его от необходимости писать гусиным пером. Но только его потомкам, которым он поведал о своем изобретении, удалось изготовить графитовые карандаши разной твердости. В 1761 году баварец Каспар Фабер нашел способ изготовления, при котором графитовые палочки делались прочными. Но до настоящего карандаша — с сегодняшней технологией изготовления и привычной для нас формы, — которым мы пользуемся, было еще далеко.

И только в XVIII—XIX веках, благодаря стараниям механика и живописца француза Николя Конте и чеха, архитектора и промышленника Йозефа Гардтмунта — сделали карандаш таким, каким мы обычно видим его сегодня. В России карандашные фабрики начали создаваться во второй половине XIX

века. Две из них находились в Москве: одна принадлежала купцу И. Никитину, разбогатевшему ямщику и располагавшейся в Хамовниках, другая — купцу 1-ой гильдии Вильгельму Карнацу была построена в Серпуховской части (ныне ул. Зацепы). Были фабрики и в Риге, Вильно, Славянске.

В 20-е годы в Советской России строятся две карандашные фабрики: одна американским бизнесменом Арманом Хаммером на концессионных условиях, а другая на государственные средства.

...В коллекции москвича Рудольфа Варданяна около двух с половиной тысяч карандашей из 35 стран мира: трехгранные, шестигранные и восьмигранные, плоские и круглые, овальные и квадратные, пятиугольные и сложной формы в виде «сердечка», рекламные и сувенирные, специальные — для различных фирм и учреждений, простые и цветные, разной длины и твердости.

Первые советские карандаши 30-х годов: «Мосполиграф», «Хамелеон», «Госбанк». По некоторым названиям можно проследить историю нашей Родины. Это «Индустрия» и «Донбасс», «Пятилетка» и «2-я Пятилетка», «Ширпотреб» и «Центросоюз» и «Метро», «Дирижабль», «Стратостат»...

Самому старому из карандашей в коллекции Варданяна 110 лет. Изготовлен он из графита, который добывался в Сибири.

Есть в коллекции и свои реликвии. Карандаш, которым работал флагштурман, Герой Советского Союза, доктор географических наук И. Т. Спирин во время высадки первой советской экспедиции на Северном полюсе в 1937 году.

Другой — имеет отношение к освоению Антарктиды. Он был выпущен японской фирмой специально к встрече первых советской и японской полярных экспедиций, которая произошла в Австралии. Карандаш принадлежал начальнику строительного отряда поселка Мирный В. М. Кунину.

А вот карандаш марки «Орион» — из коллекции народного артиста СССР Ю. А. Завадского.

...Карандашом любили писать А. Луначарский, М. Горький, С. Эйзенштейн, Т. Манн. Карандаш всем другим орудиям письма предпочитает Л. Леонов.

Для Рудольфа Варданяна коллекционирование карандашей — это постоянный поиск, встречи с интересными людьми, новые знания.

В. РУДИН

В метро, как обычно, людно. Людно и скучно. Вылетаем из вестибюля и несемся к автобусу. Нам и ехать-то всего одну остановку, а мы бежим. Разойдись, медлительные! Еще немного, ну! Не успели. Икарус-гармошка, нагло покачивая задней частью, отъезжает.

— И тут он закрыл двери и впервые подумал: «Ну вот, не успела».

Это Димон цитирует юмористический какой-то рассказ.

— Ладно, Димыч, пошли пешком.

Направляемся к нему домой. У него есть «Статус Кво», образца восьмидесятого года, и к тому же сделанная физика, с которой мне нужно ознакомиться, чтобы на завтрашнем завтраче не выглядеть полным болваном.

Пришли. Пока он возится на кухне, я случайно нахожу в газете маленькую заметку. Смысл такой, что какие-то школьники провели семинар на тему «Мы и иностранная литература». Даю прочитать Димону.

— Слушай, Дим, откуда такие школьники берутся?

— Что значит «такие»?

— Ну чтобы взяли, да семинар такой соорудили. Я что-то таких начитанных не видел.

— Ну почему, есть такие, кто читать умеет.

— Не иронизируй. Ведь по иностранной же литературе!

— Так ты, Олег, хочешь сказать, что юные иностранной литературы не читают?

— Не хочу, но приходится. А ты считаешь, это не так?

Димон изображает задумчивость.

— Да, сказать, что читают, нельзя.

— Но должны ведь?

— Ой! Только не надо говорить, что мы чего-то должны. Каждый должен то, что может. Где ты его возьмешь, «зарубеж»?

— Ну уж вроде на недостаток жаловаться грех. Сколько переводят иностранных авторов?

— Я не знаю, сколько. Я знаю, что в магазинах всех этих книг нет.

— А ты давно в книжном был?

— Недавно.

— Ну и как?

— Да что ты, Олег, сам что ли не знаешь? Золя, Драйзер, Байрон — вот и все. И то, если повезет.

Он уходит на кухню.

Действительно, не густо. То есть, я думаю, если поискать, поставить перед собой такую задачу, то и в магазинах книги зарубежных авторов найти можно. Но вот что можно сказать точно: современных, ныне живущих писателей нам не увидеть. А уж молодых иностранных авторов... Возвращается Димон, несет чай. В свою кружку вливает холодной воды. Я пью горячий. Прилепивая свой «коктейль», Димон говорит:

— Ладно, про прозу хоть как-то слышим, хоть имена писателей знаем. А с поэзией? Байрон, и все. Ты кого-нибудь еще знаешь?

Я не знаю и потому молчу. Димон продолжает.

— Такое впечатление, что после Байрона там вообще поэтов не осталось. А все писатели кончились на Хемингуэе.

— Хм! Димон! А ты знаешь, что мы слышим огромное количество стихов в оригинале?

Димон не понимает. Мне до магнитофона ближе, я вставляю кассету, и из его «панасоника» несется голоса Франка Росси и компании.

— А! Вот ты что имел в виду! Да таким-то образом мы начитанные, аж жуты!

— И аесь идиотизм, Димон, заключается в том, что мы, слушая эти тексты, эту музыку, не можем как следует представить себе среду, в которой она родилась. Мы не знаем, что за фрукт мы едим, потому что не видели дерева, на котором он вырос.

— О! О! Какое образное мышление! Но вообще, все правильно, мы, не зная современную зарубежную литературу, слабо знаем при «ихнюю» жизнь.

— Представляешь, приходим в книжный, а там книга с текстами песен какой-нибудь славной команды, вроде, скажем, «Статуса»!

— Ага. Разбежался — и об забор. Знаешь такую поговорку?

С Димоном не помечтаешь. Знаю такую поговорку, конечно.

— Ну хорошо. Могли бы перевести то, что читают сейчас на Западе?

— Я думаю так. Раньше те книги, где жизнь на Западе рисовали не такой, какой ее нужно было видеть нам, у нас не переводили...

— Да,— говорю я,— вот почему мы почти что ничего о «загнивающем» капитализме не знаем.

— А ведь по идее, нас школа должна с этой зарубежной литературой знакомить.

НЕ ЗНАЮ, УПАДЕТ ЛИ ПРОЧЕСТЬ ФОЛКНЕРА?

— Дай школе с советской и русской разобраться. Куда ей еще иностранную! Ознакомилась с «Оводом», «Гамлетом» и Байроном и хорошо, хватит.

А РАЗРЕ ВЫ НЕ УМЕЕТЕ ЧИТАТЬ?

— Да,— соглашается Димон,— со школы требовать нечего, ну, получается, со всех сторон мы несчастные.

— А с другой стороны, мы ведь сами тоже хорошие. Того же Хемингуэя или Олдриджа немногие читали.

— Ах! Мы же еще и виноваты!

— Говорю, Димон, и думаю: сейчас ведь модно искать причину своего неуменья, незнания где-то на стороне, вне себя. А если честно, то единственное, в чем мы не виноваты, так это в том, что нас не научили читать. Могли бы при большом желании достать книги зарубежных авторов. В конце-концов, есть журнал «Иностранная литература»...

— Скрипя зубами и скрепя сердце, я с тобой соглашаюсь, Олег. Да и песни их, в общем-то, в смысле текста не очень интересны.

— Господи! На горе ишак сдох! От кого я это слышу? От Димона-меломана.

— Меломаном был, им и буду. А что касается текстов, так они у наших намного интересней.

Время уходит слишком быстро для длинных бесед. Димон дает мне физику, сам садится за алгебру. В динамиках поет «менестрель» ихнего общества, общества, о котором мы мало что знаем, хотя можем знать больше. Так будем читать «зарубеж»?

Хит-парад. Он, музыкальный, прочно вошел в нашу жизнь со страниц газет. Но почему этот парад только музыкальный? Не претендуя на оригинальность, все же предлагаю: присылайте свои списки книг, которые наиболее вам понравились. А также — имена поэтов-песенников, чье творчество вас привлекает. Дерзнем?

РИС. Г. КОРНЫШЕВА

КГ

ЗАЙДЕМ В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

СВИДЕТЕЛЬ

В. В. ШУЛЬГИН

Шульгин Вас. Вит. (1878—1976), рус. полит. деятель, монархист. Один из лидеров прав. «рыла 2—4-й Гос. думы, чл. Врем. и-та Гос. думы. После Окт. рев-ции один из организаторов борьбы против Сов. власти. Белоземigrant. В 1944—56 в заключении по приговору сов. суда за контрреволюционную деятельность. В 1960-х гг. принял рус. эмиграцию отказавшись от враждебного отношения к СССР. Воспоминания: «Дни», «1920-е годы». (Из «Советского энциклопедического словаря»)

Прежде всего я должен сказать несколько слов о себе самом. Это обращение могут прочесть и лица, которые обо мне ничего не знают. Без такого личного предисловия им будет затруднительно понимать, почему и отчего я к ним обращаюсь и что хочу выразить.

Вместе с тем я смею думать, что мои мысли имеют некоторый общественный интерес. Если бы я думал иначе, то не взялся бы за перо после почти 25-летнего молчания.

Сейчас мне 82 года, и это значит, что в течение 60 лет я был сознательным свидетелем великих событий нашей эпохи. Но не только свидетелем, а в некоторой степени и участником политической жизни России, принимая во внимание, что в 1907 году я был избран в Российский парламент, иначе сказать, в Государственную думу, членом которой состоял до 1917 года включительно. (...)

Фракция, к которой я принадлежал, вошла в состав «прогрессивного блока», и судьбе было угодно, чтобы именно я принял отречение от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. А на следующий день я присутствовал при отказе принять престол со стороны брата отрекшегося государя, великого князя Михаила Александровича. Последнее я только что, т. е. утром этого дня, провозгласил новым императором под именем Михаила II.

Так было, хотя я принадлежал к числу тех монархистов, что глубоко сочувствовали Николаю II, понимая безысходную трагичность его положения (обстоятельства отречения двух императоров описаны мною в книге «Дни»).

Затем наступила эпоха Временного правительства, обычно называемого правительством Керенского. Последнего мы поддержали. Нашу тогдашнюю психику ярко выразил Родзянко, председатель Государственной думы, в формуле РСРС:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Менее красочно, но то же самое, сказал и я на одном собрании членов Государственной думы. В данном случае я обратился к социалистам с такими словами:

— Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем.

Я упоминаю об этом потому, что на это выступление отозвался Ленин в газете «Правда» 19 мая 1917 года в таких словах: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам посильной и привычной!»

Ленин не досказал, но из его слов в газете «Правда» я с очевидностью по-

нял нижеследующее. Надо бы продолжить фразу Ленина так: «Мы вас не разденем, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу на условии работы, вполне вам посильной и привычной в том случае, если вы будете работать с нами, или по крайней мере будете лояльны по отношению к Советской власти». Но мы объявили Ленину войну. (...)

Я был в числе основателей Добровольческой (белой) армии в ноябре 1917 года. Я помогал по мере своих сил генералам Алексею, Деникину, Врангелю. Когда война кончилась, я очутился в эмиграции и там написал книгу «1920-й год». В ней я высказал свое мнение, почему белые проиграли войну. Эта книга, по-видимому, по личному желанию Ленина была перепечатана в Советском Союзе.

В 1925—1926 годах мне удалось проникнуть нелегально в Советскую Россию и вернуться в эмиграцию. По возвращении я написал о своем путешествии книгу под заглавием «Три столицы».

Основная мысль этой книги в том, что, несмотря на все перенесенные испытания, «Россия жива». По этой причине при переводе на французский язык издатель предложил изменить заглавие «Три столицы», не звучавшее, по его мнению, для французского читателя, на заглавие «Возрождение России», что и было мной принято. Но вместе с тем эта книга была полна резких и даже просто грубых выпадов против Ленина. Об этом я сейчас сожалею.

Необходимо вспомнить еще одно обстоятельство. Молодые люди, состоявшие тогда в различных эмигрантских организациях, мечтали о проникновении в Россию, на свою родину. Мне же удалось, как это уже рассказано выше, на грани 1925—1926 годов совершить нелегальное путешествие по России и вернуться в эмиграцию. Человек, побывавший в России, был окружен известным ореолом в глазах молодежи, но не в моих собственных глазах.

Дело в следующем. В 1927 году открылось, что «тайное» мое путешествие по России было от начала до конца известно соответствующим органам Советской власти. Причины, почему меня не задержали, мне не совсем ясны и по сей день. Но тогда, в 1927 году, я счел себя одуроченным политиком и имел великое желание совсем и навсегда сойти с политической арены. И только в 1937 году я покончил с политикой. В качестве совершенно частного человека находился в одном городке Югославии, где и пережил вторую мировую войну. (...)

Вам известно, быть может, что Советская Армия, освободившая Югославию от гитлеровцев и усташей, вошла в городок, где я жил, в октябре 1944 го-

да. В январе 1945 года я был препровожден в Москву и после длительного следствия присужден к продолжительному заключению. Следствие установило 30-летнюю (1907—1937) мою враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность. Суммируя этот материал, прокурор выразился так:

— Ну, это «дела минувших дней». В этих словах явно для меня просвечивалась мысль, что 10-летия давности тоже имеет свои права. Если бы это мнение разделило тогдашнее правосудие, то я, быть может, вышел бы из тюрьмы еще в 1947 году. Этого не случилось. Но в 1956 году я был досрочно освобожден совместно с очень многими другими, освобожденными до и после меня.

Сейчас со времени вынесенного мне приговора прошло 13 лет. Это тоже давность! Много можно и должно забыть. И во всяком случае было бы неправильно прошлое вменять настоящему, поскольку две эпохи отличаются друг от друга. Произошли великие сдвиги, и именно это есть причина, почему я пишу Вам, друзья мои, настоящее письмо. (...)

Хотят ли мира здесь, в Советском Союзе? Я до сих пор не встретил человека, который хотел бы войны. Насколько я понимаю, в этом отношении Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. Таким образом, в этой плоскости я считаю, что у меня здесь 220 миллионов единомышленников.

А в других отношениях? Я не хотел бы «лакировать» (выражение Н. С. Хрущева) действительность, ни мазать ее одной черной краской. Сказать по чистой совести, трудных вопросов еще достаточно. (...)

...как трудно отхватить жизнь в целом. Я слишком долго питался тяжелыми впечатлениями. Я близко наблюдал тех, что попали так или иначе под тяжелые колеса XX века. Это век жесточайших войн, глубочайших социальных потрясений, грандиозных достижений и великих жертв. Теперь я посилю изучаю богатые плоды, выросшие из многопретерпевшем древе. Если бы этих плодов не было, душа человечества могла бы прийти в отчаяние. Но они есть.

Книга «Письма к русским эмигрантам», фрагменты из которой приведены выше, издана в Москве 28 лет тому назад. Сегодня мы знакомим читателей с отрывками из двух упомянутых в тексте произведений В. В. Шульгина «Дни» и «1920 г.», запланированных к выходу в издательствах «Современник» и АПН в рамках одобренного коллегией Госкомиздата СССР Перспективного плана выпуска научных трудов, памятников общественной мысли и документов прошлого.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В жизни каждого человека есть дни, которые следовало бы записать. Это такие «дни», которые могут представлять интерес не для него одного, а и для других.

Таких дней набралось некоторое число и в моей жизни. Там, по крайней мере, кажется мне, хотя я сознаю, что нелегко угадать общий интерес из-за сбивающейся сетки собственных переживаний. Если я ошибусь, буду утешать себя тем, чем пьстят себя все мемуаристы: ллхные записки современников — хороши для потомков.

Автор.

Он нервно мешал сахар в стакане. Потом вдруг, как бы найдя решение, быстро допил.

— Разрешите встать...

И отвечая на свои мысли:

— А все-таки, если они придут и будут безобразить, — я не позволю. Что такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть приходят...

Поручик вышел. Д. И. (Пихно) нервно ходил по комнате. Потом заговорил, прерывая себя, задумываясь, опять принимаясь говорить.

— Безумие было так бросить этот манифест, без всякой подготовки, без всякого предупреждения... Сколько таких поручиков теперь, которые не знают, что делать... которые гадают, как им быть «при конституции»... этот нашел свой выход... дай бог, чтобы это был прообраз... чтобы армия поняла...

Но как им трудно, как им трудно будет... Как трудно будет всем. Офицерам, чиновникам, полиции, губернаторам и всем властям... Всегда такие акты готовились... О них сообщалось заранее властям на места, и давались указания, как понимать и как действовать... А тут бухнули... Как молотом по голове... и разбирайся каждый молодец на свой образец.

Будет каша, будет отчаянная каша... Там, в Петербурге, потеряли голову от страха... или ничего, ничего не понимают... Я буду телеграфировать Витте, это бог знает, что они делают: они сами делают революцию. Революция делается оттого, что в Петербурге трясусь. Один раз хорошенько прикрикнуть, и все станут на места... Это ведь все трусы, они только потому бунтуют, что их боятся. А если бы увидели твердость — сейчас спрячутся... Но в Петербурге не смеют, там сами боятся. Там настоящая причина революции, — боязнь, слабость...

Теперь бухнули этот манифест. Конституция! Думают этим успокоить. Сумасшедшие люди! Разве можно успокоить явным выражением страха. Кого успокоить? Мечтательных конституционалистов. Эти и так на рожон не пойдут, а динамитчиков этим не успокоишь. Наоборот, теперь-то они и окрылятся, теперь-то они и поведут штурм.

Я уже не говорю по существу. Дело сделано. Назад не вернешь. Но долго ли продержится Россия без самодержавия — кто знает. Выдержит ли «конституционная Россия» какое-нибудь грозное испытание... «За веру, царя и отечество» — умирали, и этим создавалась Россия. Но, чтобы пошлы умирать «за государственную Думу» — вздор.

Но это впереди... Теперь отбить штурм. Потому что будет штурм. Теперь-то они и ползут. Манифест, как керосином, их полжет. И надежды теперь только на поручиков. Да, вот на таких поручиков, как наш. Если поручики поймут свой долг, — они отобьют...

Но кто меня поражает, — это евреи. Безумные, совершенно безумные люди. Своими руками себе могилу роют... и спешат, торопятся — как бы не опоздать... Не понимают, что в России всякая революция пройдет по еврейским трупам. Не понимают... Не понимают, с чем играют. А, ведь, близко, близко...

В доме произошло какое-то тревожное движение. Все бросилось к окнам.

Мы жили в одноэтажном особнячке, занимавшем угол Караваевской и Кузнецкой. Из угловой комнаты было хорошо видно. Сверху по Караваевской, от университета, надвигалась толпа. Синие студенческие фуражки перемешивались со всякими иными.

Смотрите, смотрите... У них красные... красные значки... Действительно, почти у всех было нацеплено что-то красное. Были и какие-то красные флаги с надписями, на которых трепалось слово «д о л о й». Они все что-то кричали. Через закрытые окна из разинутых ртов вырывался рев, жуткий рев толпы.

— Ну, штурм начинается...

Рядом с нашим особнячком стоит трехэтажный дом; в нем помещались редакция и типография. Там, перед этой дразнящей вывеской «Киевлянин», должно было разыграться что-нибудь. Я бросился туда через двор. Во дворе я столкнулся с нашим поручиком. Он кричал на бегу:

— Караул — вон!!

Солдаты по этому крику выбегали из своего помещения. Выстроились.

— На пра...во! Шагом марш! За мной!

Он белым шагом повел взвод через ворота, а я прошел напрямик, через вестибюль.

Два часовых, взяв ружье на перевес, охраняли входную дверь. Толпа редела, поджуживаемая студентами... Часовые иногда оглядывались быстро назад, сквозь стекло дверей, ожидая помощи. Толпа смелела, надвигалась, студенты были уже на тротуаре.

— Отойди, солдаты! Теперь свобода, конституция.

Часовые, не опуская штыков, уговаривали ближайших.

— Говорят же вам, господа, нельзя сюда! Проходите! Если вам свобода, так идите себе дальше. Ах ты, господи, а еще и образованные!

Но «образованные» не слушали уговоров «несознательных». Им нужно было добраться до ненавистной редакции «Киевлянина».

Наступил момент, когда часовым нужно было или стрелять, или у них вырвут винтовки. Они побледили и стали жаться к дверям.

В это время подоспел поручик. Обогнув угол, поручик рассчитал себе дорогу с револьвером в руках.

Через мгновение серый живой частокол, выстроившись у дверей, закрыл собой поблдевших часовых.

— Назад! Осадите! Стреляй дугой!

У поручика голос был звонкий и уверенный. Но студенты, как интеллигенты, не могли слаться так просто...

— Господин офицер! Вы должны понимать! Теперь свобода! Теперь конституция!

— Конституция! Ура!

Электризуя самое себя, толпа ринулась...

Раздалась команда:

— По наступающей толпе — пальба — взводом!!!

Серый частокол выбросил левые ноги и винтовки вперед, и раздался характерный, не громкий, но ужасно четкий стук затворов...

Да, Д. И. был прав... Достаточно было строгого окрика, за которым «чувствуется твердая воля»...

Увидев, что с ними не шутят, толпа свежилась и, отгугиваясь, осадила.

И в наступившей тишине раздалась негромкая команда, которую всегда почему-то произносят презрительным баском: — Отставити!..

Я вышел пройтись. В городе творилось нечто небывалое. Кажется, все, кто мог ходить, были на улицах. Во всяком случае, все евреи. Но их казалось еще больше, чем их было, благодаря их вызывающему поведению. Они не скрывали своего ликования. Толпа расцветилась на все краски. Откуда-то появились дамы и барышни в красных юбках. С ними соперничали красные банты, кокарды, перевязки. Все это кричало, галдело, перекрикивалось, перемигивалось.

Но и русских было много. Никто хорошенько ничего не понимал. Почти все надели красные розетки. Русская толпа в Киеве, в значительной мере по старине монархическая, думала, что раз государь дал манифест, то, значит, так и надо, — значит, надо радоваться. Подозритель был, конечно, красный маскарад. Но, ведь, теперь у нас конституция. Может быть, так и полагается.

Потоки людей со всех улиц имели направление на главную — на Крещатик. Здесь творилось нечто грандиозное.

Толпа затопила широкую улицу от края до края. Среди этого моря голов стояли какие-то огромные ящики, также увешанные людьми. Я не сразу понял, что это остановившиеся трамваи. С крыш этих трамваев какие-то люди говорили речи, размахивая руками, но, за гулом толпы, ничего нельзя было разобрать. Они разевали рты, как рыбы, брошенные на песок. Все балконы и окна были полны народа.

С балконов также ссылились что-то выкричать, а из-под ног у них свешивались ковры, которые побавровее, и длинные красные полосы, очевидно, содранные с трехцветных национальных флагов.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
«КОНСТИТУЦИИ»
1920 ГОД

(18-ое октября 1905 года)

Мы пили утренний чай. Ночью пришел ошарашивающий манифест. Газеты вышли с сенсационными заголовками: «Конституция».

Кроме обычных членов семьи, за чаем был еще один поручик. Он был начальником караула, поставленного в нашей усадьбе.

Караул стоял уже несколько дней. «Киевлянин» шел резко против «освободительного движения»... Его редактор, профессор Дмитрий Иванович Пихно, принадлежал к тем немногим людям, которые сразу, по «альфе» (1905 г.) определили «омегу» (1917 г.) русской революции...

Резкая борьба «Киевлянина» с революцией удержала значительное число киевлян в контрреволюционных чувствах. Но, с другой стороны, вызвала бешенство революционеров. В виду этого, по приказанию высшей военной власти, «Киевлянин» охранялся.

Поручик, начальник караула, который пил с нами чай, был очень взволнован.

— Конституция, конституция, — восклицал он беспомощно. — Вчера я знал, что мне делать... Ну, придти, — я их должен не пустить. Сначала уговариваю, а потом, если не послушают, — оружием. Ну, а теперь? Теперь что? Можно ли при конституции стрелять? Существуют ли старые законы? Или, быть может, меня эв это под суд отдадут?

Толпа была возбужденная, в общем, радостная, причем радовалась — кто как: иные изойливо, другие «тихой радостью», а все вообще дурели и пьянели от собственного множества. В толпе охотнее гонялись за офицерами, слякся нацепить им красивые розетки. Некоторые согласились, не понимая, в чем дело, не зная, как быть, — раз «конституция». Тогда их хватали за руки, качали, несли на себе... Кое-где были видны беспомощные фигуры этих едущих на толпе...

Начиная от Николаевской, толпа стояла, как в церкви. Вокруг городской думы, заливая площадь и прилегающие улицы, а особенно Институтскую, человеческая гуща еще более сгустилась...

Старались расслышать ораторов, говоривших с думского балкона. Что они говорили, трудно было разобрать...

Несколько в стороне от думы неподвижно стояла какая-то часть в конном строю.

...

Я вернулся домой.

Там сцены, вроде утренней, повторялись уже много раз. Много раз подходила толпа, вопила, угрожала, стремилась ворваться. Они требовали во имя чего-то, чтобы все газеты, а в особенности «Киевлянин», забастовали.

Но киевлянинские наборщики пока держались. Они нервничали, правда, да и нельзя было не нервничать, потому что этот рев толпы наводил жуть на душу. Что может быть ужаснее, страшнее, отвратительнее толпы? Из всех зверей она — зверь самый низкий и ужасный, ибо для глаза имеет тысячу человеческих голов, а на самом деле одно косматое, звериное сердце, жаждущее крови...

С киевлянинскими наборщиками у нас были своеобразные отношения. Многие из них работали на «Киевлянина» так долго, что стали как бы продолжением редакционной семьи. Д. И. был человек строгий, совершенно чуждый сентиментальностей, но очень добрый, — как-то справедливо, разумно добрый. Его всегда беспокоила мысль, что наборщики отравляются свинцом и, вообще, он находил, что это тяжелейший труд. Поэтому киевлянинские наборщики ежегодно проводили один месяц у нас в имении, — на отдыхе. По-видимому, они это ценили. Как бы там ни было, но Д. И. твердо им объявил, что «Киевлянин» должен выйти во что бы то ни стало. И пока они держались — набирали...

...

Между тем, около городской думы атмосфера нагревалась. Речи ораторов становились все наглей по мере того, как выяснилось, что высшая власть в крае растерялась, не зная, что делать. Манифест застал ее врасплох, никаких указаний из Петербурга не было, а сами они боялись на что-нибудь решиться.

И вот с думского балкона стали смело призывать «к свержению» и к «восстанию». Некоторые из близстоящих начали уже понимать, к чему идет дело, но дальнейшие ничего не слышали и ничего не понимали. Революционеры приветствовали революционные лозунги, кричали «ура» и «долой», а огромная толпа, стоявшая вокруг, подхватывала...

Конная часть, что стояла несколько в стороне от думы, по-прежнему присутствовала, неподвижная и бездействующая.

Офицеры тоже еще ничего не понимали.

— Вель, конституция!..

...

И вдруг многие поняли...

Случилось это случайно или нарочно, — никто никогда не узнал... Но во время разгара речей о «свержении» царская корона, укрепленная на думском балконе, вдруг сорвалась или была сорвана, и в глазах у десятичной толпы грохнулась о грязную мостовую. Металл жалобно зазвенел о камни... И толпа ахнула.

По ней зловещим шопотом пробежали слова:

— Жиды сбросили царскую корону...

...

Это многим раскрыло глаза. Некоторые стали уходить с площади. Но в догонку им бежали рассказы о том, что делается в самом здании думы.

А в думе делалось вот что.

Толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты, висевшие в зале. Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие другие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой портрет царствующего императора, носил на себе пробитое полотно, испуганно крича:

— Теперь я — царь!

...

Но конная часть в стороне от думы все еще стояла неподвижной и безучастной. Офицеры все еще не понимали.

Но и они поняли, когда по ним открыли огонь из окон думы и с ее подъездов.

Тогда, наконец, до той поры неподвижные серые встретились. Дав несколько залпов по зданию думы, они ринулись вперед.

Толпа в ужасе бежала. Все перепуталось — революционеры и мирные жители, русские и евреи. Все бежало в панике, и через полчаса Крещатик был очищен от всяких демонстраций. «Поручики», разбуженные выстрелами из латерии, в которую погрузил их манифест с «конституцией», исполняли свои обязанности...

...

Приблизительно такие сцены разыгрались в некоторых других частях города. Все это можно свести в следующий бюллетень:

Утром: праздничное настроение — буйное у евреев, — по «высочайшему повелению» — у русских; войска — в недоумении.

Днем: революционные выступления: речи, призывы, символические действия, уничтожение царских портретов, войска — в бездействии.

К сумеркам: нападение революционероа на войска, пробуждение войска, залпы и бегство.

...

У нас, на Караваевской, с наступлением темноты стало ужасно. Наборщики еще набирали, но очень тряслись. Они делали теперь так: тушили электричество, когда подходила толпа, и высылали сказать, что работа прекращена. Когда толпа уходила, они зажигали снова и работали до нового нашествия. Но становилось все труднее.

...

Я время от времени выходил на улицу. Было темно, тепло и влажно. Как будто улицы опустели, но чувствовался больший, встревоженный пульс города.

...

Однажды, когда я вернулся, меня встретила во дворе группа наборщиков.

Они, видимо, были взволнованы. Я понял, что они только что вышли от Д. И.

— Невозможно, Василий Витальевич, мы бы сами хотели, да никак. Эти проклятые у нас были.

— Кто?

— Да от забастовщиков, от «комитета». Грозятся: «Вы тут под охраной работаете, так мы ваши семьи вырежем». Ну, что же тут делать? Мы сказали Дмитрию Ивановичу: хотим работать и никаких этих «требований» не предъявляем, — но боимся...

— А он что?

— А он так нам сказал, что, верите, Василий Витальевич, сердце перевернулось. Никаких сердитых слов, а только сказал: «Прошу вас не деля себя, а для вас самих и для России...». Нельзя уступить!.. Если им сейчас уступить, они все погубят, и будете сами без кусочка хлеба, и Россия будет такая же!.. И правда, так будет... И знаем, и понимаем... Но не смеем, — боимся... за семьи... Что делать?..

Мне странно было видеть эти с детства совершенно по-иному знакомые лица такими разволнованными и такими душевными.

Все они толпились вокруг меня в полутьме плохо освещенного двора и рассказывали мне перебивающимися голосами. Я понял, что эти люди искренно хотели бы «не уступить», но... страшно...

И вправду, есть ли что-нибудь страшнее толпы?..

...

Они ушли, двое осталось. Это был Шло и еще другой, — самые старые наборщики «Киевлянина».

Шло схватил меня за руку.

— Василий Витальевич! Мы наберем!.. Вот нас двое... Один лист наберем — две странички... Ведь тут не то важно, чтоб много, а чтоб не уступить!.. И чтобы статья Дмитрия Ивановича вышла... Мы все знаем, все понимаем...

Он тряс мне руки.

— Сорок лет я над этими станками работал — пусть над ними и кровь прольют... Василий Витальевич, дайте рубль... иа водку!.. Не обижайтесь — для храбрости... Страшно!.. Пусть кровь прольют — наберу «Киевлянина»...

Он был уже чуть-чуть пьян и залпал. Я поцеловал старика и сунул ему деньги, он победил в темноту улицы за водкой...

...

— Ваше благородие! Опять идут.

Это было уже много раз в этот день.

— Караул, — вои! — крикнул поручик.

Взвод строится. Но в это время солдат прибежал вторично.

— Ваше благородие! Это какие-то дурое.

Я прошел через вестибюль. Часовой разговаривал с какой-то группой людей. Их было человек тридцать. Я вошел в кухню.

— Что вы хотите, господа?

Они стали говорить все вместе.

— Господин офицер... мы хотели... мы хотели... редактора «Киевлянина»... профессора... то есть... господина Пихно... мы к нему... да... потому что... господин офицер... разве так возможно?! что они делают?... какое они имеют право?! корону сбросили... портреты царские повалили... как они смеют!.. мы хотели сказать профессору...

— Вы хотели его видеть?..

— Да, да... Господин офицер... нас много шло... сотни, тысячи... Нас полиция не пустила... А так как мы, то есть не против полиции, так мы вот разбились на кучки... вот нам скажи, чтобы мы непременно пошли до «Киевлянина», чтобы рассказать профессору... Дмитрию Ивановичу...

Д. И. был в этот день страшно утомлен. Его целый день терзали. Нельзя перечислить, сколько народа перебивало в нашем маленьком особнячке. Все это жалось к нему, ничего не понимая в происходящем, требуя указания, объяснений, совета и поддержки. Он давал эту поддержку, не считая своих сил. Но я чувствовал, что и этим людям отказывать нельзя. Мы были на переломе. Эти пробавшися сюда, — это пена обратной волны...

— Вот что... всем нельзя. Выберите четверых... Я провожу вас к редактору.

...

В вестибюле редакции.

— Я редактор «Киевлянина». Что вам угодно?

Их было четверо: три в манишках и в ботинках, четвертый в блузе и сапогах.

— Мы вот... вот я, например, парикмахер... а вот они...

— Я — чиновник: служу в акцизе... по канцелярии.

— А я — торговец... Бакалейную лавку имею... А это — рабочий.

— Да, я — рабочий... Слесарь — эти жиды св...

— Подождите, — перебил его парикмахер: — так вот мы, г. редактор, — люди, так сказать, разные, т. е. разных занятий...

— Ваши подписчики — сказал чиновник.

— Спасибо вам, г. редактор, что пишете правду, — вдруг, взволнованным, сказал лавочник.

— А почему?.. Потому что не жидовская ваша газета, — пробасил слесарь.

— Подождите, — остановил его парикмахер, — мы, так сказать, т. е. нам сказали: «Идите к редактору «Киевлянина», господину профессору, и скажите ему, что мы так не можем, что мы так не согласны... что мы так не позволим!..».

— Какое они имеют право! — вдруг страшно рассердился лавочник. — Ты красной тряпке поклоняешься, — ну и черт с тобой! А я трехцветной поклоняюсь. И отцы мои и деды поклонялись. Какое ты имеешь право мне запрещать?..

— Бей жидов, — зазвенел рабочий, как будто ударил молотом по наковальне.

— Подождите, — еще раз остановил парикмахер: — мы пришли, так сказать, чтобы тоже... Нет, бить не надо, — обра-

тился он к рабочему. — Нет, не бить, а, так сказать, мирно. Но, чтобы всем показать, что мы, так сказать, не хотим... так не согласны... так не позволим...

— Господин редактор, — мы хотим тоже, как они, демонстрацию, манифестацию... Только они с красными, а мы с трехцветными...

— Возьмем портрет государя императора и пойдем по всему городу... Вот что мы хотим... — заговорил лавочник. — Отслужим молебен и крестным ходом пойдем...

— Они с красными флагами, а мы с хоругвями...

— Они портреты царские врут, а мы их, так сказать, всенародно восстановим...

— Корону сорвали, — загулел рабочий. — Бей их, бей жидов, сволочь проклятую!

— Вот что мы хотим... за этим шли... чтобы узнать... хорошо ли?.. Ваше, так сказать, согласие...

Все четверо замолчали, ожидая ответа. По хорошо мне знакомому лицу Д. И. я видел, что с ним происходит. Это лицо, такое в обычное время незначительное, теперь... серые, добрые глаза из-под сильных бровей и эта глубокая складка воли между ними.

— Вот, что я вам скажу. Вам больно, вас жжет?.. И меня жжет. Может быть, больнее, чем вас... Но есть больше того, чем то, что у нас с вами болит... Есть Россия... Думать надо только об одном: как ей помочь... Как помочь этому государю, против которого они повели штурм... Как ему помочь. Ему помочь можно только одним: поддержать власти, им поставленные. Поддержат этого генерал-губернатора, полицию, войска, офицеров, армию... Как же их поддержать? Только одним: соблюдать порядок. Вы хотите «по примеру их» манифестацию, патристическую манифестацию... Очень хорошие чувства ваши, святые чувства, — только одно плохо, — что «по примеру их» вы хотите это делать. Какой же их пример Начали с манифестации, а кончили залпами. Так и вы кончите... Начните крестным ходом, а кончите такими делами, что по вас же властям стрелять придется... И не в помощь вы будете, а еще страшно затрудните положение власти... потому что придется властям на два фронта, на две стороны бороться... И с ними и с вами. Если хотите помочь, есть только один способ, один только...

— Какой, какой? Скажите. Затем и шли...

— Способ простой, хотя и трудный: «все по местам». Все по местам. Вот вы парикмахер — за бритву. Вы торговец — за прилавок. Вы чиновник — на службу. Вы рабочий — за молот. Не жидов бить, а молотом — по наковальне. Вы должны стать «за труд», за ежедневный честный труд, — против манифестации и против забастовки. Если мы хотим помочь власти, дадим ей исполнить свой долг. Это ее долг усмирить бунтовщиков. И власть это сделает, если мы от нее отхлывем, потому что их на самом деле немного. И они хоть иаглеты, но подлые трусы.

— Правильно, — заключил рабочий. — Бей их, сволочь паршивую!!

...

Они ушли, снаружи, как будто, согласившись, но внутри неудовлетворенные. Когда дверь закрылась, Д. И. как-то съехался, потом махнул рукой, и в глазах его было выражение, с которым смотрят на нечто неизбежное:

— Будет потром...

...

Через полчаса из разных полицейских участков позвонили в редакцию, что начался еврейский потром.

Один очевидец рассказывает, как это было в одном месте:

— Из бани гурьбой вышли банщики. Один из них влез на телефонный столб. Сейчас же около собралась толпа. Тогда тот со столба начал кричать:

— Жиды царскую корону сбросили!.. Какое они имеют право? Что же, так им и позволим? Так и оставим? Нет, братцы, врешь!

Он слез со столба, выхватил у первого попавшегося человека палку, перекрестился и, размахнувшись, со всей силы бахнул в ближайшую зеркальную витрину. Стекла посыпались, толпа заулюкала и бросилась сквозь разбитое стекло в магазин...

И пошло...

...

Так кончился первый день «конституции»...

1920

ГОД

Личное перемешивалось с общим в эту новогоднюю одинокую ночь.

Отчего не удалось дело Деникина? Отчего мы здесь, в Одессе? Ведь в сентябре мы были в Орле... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление «орлов» от Орла? Орлов ли?..

«Взвейтесь, соколы, орлами!» (солдатская песня). Я вспомнил свою статью в «Киевлянин» в двухлетнюю годовщину основания Добровольческой армии... два месяца тому назад...

«Орлы, бойтесь стать коршунами. Орлы победят, но коршуны погибнут».

Увы, орлы не удержались на «орлиной» высоте. И коршунами летят они на юг, вслед за неизмеримыми обозами с добром, взятым... у «благодарного населения».

«Взвейтесь, соколы... ворами!» («Единая, неделимая» в кри-вом зеркале действительности). (...)

...

Значит, белые, которые ведут войну с красными, именно за то, что они красные, — совсем иные... совсем «обратные».

Белые — честные до дон-кихотства. Грabeж у них несмы-сленный позор. Офицер, который видел, что солдат грабит, и не остановил его, — конченный человек. Он лишился чести. Он

больше не «белый», — он «грязный»... Белые не могут грабить.

Белые убивают только в бою. Кто приколол раненого, кто расстрелял пленного, — тот лишен чести. Он не белый, он — палач. Белые не убийцы: они воины.

Белые рыцарски вежливы с мирным населением. Кто совершил насилие над безоружным человеком, — все равно, что обидел женщину или ребенка. Он лишился чести, он больше не белый — он запачкан. Белые не апаши — они джентльмены.

Белые тверды, как алмаз, но так же чисты. Они строги, но не жестоки. Карающий меч в белых руках неумолим, как судьба, но ни единый волос не спадет с головы человека безвинно. Ни единая капля крови не прольется — лишняя...

Белые имеют бога в сердце. Они обнажают голову перед святыней... И не только в своих собственных златоглавых храмах. Нет, везде, где есть бог, белый преклонит — душу, и, если в сердце врага увидит вдруг бога, увидит святое, он поклонится святыне. Белые не могут кощувствовать: они носят бога в сердце.

Белые твердо блюдут правила порядочности и чести. Если кто поскользнулся, товарищи и друзья поддержат его. Если он упал, поднимут. Но если он желает валяться в грязи, его больше не пустят в «Белый Дом»: белые не белоруки, но они опрятны.

Белые дружелюбно вежливы между собой. Старшие стро-ги и ласковы, младшие почтительны и преданы, но сгибают только голову при поклоне... (спина у белых не гнется).

Белых тошнит от рыгательного пьянства, от плеванья и от матерщины... Белые умирают, стараясь улыбнуться друзьям. Они верны себе, родине и товарищам до последнего вздоха.

Белые не презирают русский народ... Ведь если его не лю-бить, за что же умирать и так горько страдать? Не проще ли раствориться в остальном мире? Ведь свет широк... Но белые не уходят, они льют свою кровь за Россию... Белые не интер-националисты, они — русские...

Белые не горожане и не селяне — они русские, они хотят добра и тем и другим. Они хотели бы, чтобы мирно работали молотки и перья в городах, плуги и косы в деревнях. Им же, белым, ничего не нужно. Они не горожане и не селяне, не куп-цы и не помещики, не чиновники и не учителя, не рабочие и не хлеборобы. Они русские, которые взялись за винтовку только для того, чтобы власть, такая же белая, как они сами, дала возможность всем мирно трудиться, прекратив ненависть.

Белые питают отвращение к ненужному пролитию крови и никого не ненавидят. Если нужно сразиться с врагом, они не осыпают его ругательствами и пеной ярости. Они рас-сматривают наступающего врага холодными, бесстрастными глазами... и ищут сердце... И если нужно, убивают его сразу... чтобы было легче для них и для него...

Белые не мечтают об истреблении целых классов или наро-дов. Они знают, что это невозможно, и им противна мысль об этом. Ведь они белые воины, а не красные палачи.

Белые хотят быть сильными только для того, чтобы быть добрыми...

Разве это люди... Это почти-что святые...

...

«Почти-что святые» и начали это белое дело...

Но что из него вышло. Боже мой! (...)

...

И я видел...

Я видел, как зло стало всеобщим.

Насмешливый термин «от благодарного населения» все по-крыл, все извинил, из трагедии сделал кровавый водеvil в п'еп fish'истском стиле. (...)

...

Я видел, как артиллерия выехала «на позицию». Позиция бы-ла тут же в деревне — на огороде. Приказано было ждать до одиннадцати часов. Пятисотподводный обоз стоял готовый, растянувшись по всей деревне. Ждали...

Я зашел в одну хату. Здесь было, как в других... Половина семьи лежала в сыпном тифу. Другие ожидали своей оче-реди. Третьи, только-что вставшие, бродили, пошатываясь, с ли-цами снятых с креста.

— Хоть бы какую помощь подали... Бросили народ совсем...

Прежде хоть хвельшара пришил... лекарства... а теперь... ка-чает... всех переберет... Бросили народ совсем, бросили... пропадем... хоть малую помощь...

Дом вздрогнул от резкого, безобразно-резкого нашего трехдоймового... Женщина вскрикнула...

— Это что?

Это было одиннадцать часов. Это мы подавали «помощь» такой же «брошеной», вымирающей от сыпного тифа дере-вне, за четыре версты отсюда...

Там случилось вот что. Убили нашего фуражира. При каких обстоятельствах — неизвестно. Может быть, фуражиры граби-ли, может быть, нет... В каждой деревне есть теперь рядом с тихими, мирными, умирающими от тифа хозяевами — бандиты, гайдамаки, ведущие войну со всеми на свете. С большеви-ками столько же, сколько с нами. Они ли убили? Или просто большевики? Неизвестно. Никто этим и не интересовался. Убили в такой-то деревне — значит, наказать...

— Ведь как большевики действуют, — они ведь не церемо-нятся, батенька... Это мы миандальничаем... Что там с этими бандитами разговаривать?

Да не все же бандиты.

— Не все? Ерунда. Сплошь бандиты, — знаем мы их! А немцы как действовали?

— Да ведь немцы оставались, а мы уходим.

— Вздор! Мы придем — пусть помнят, сволочи...

Деревне за убийство приказано было доставить к одинна-дцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не являлась, к ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

Мы, — как немцы, — сказано, сделано... Огоны! Безобразный, резкий удар, полгиг, жутко удаляющийся, затихающий вой снарядов и, наконец, чуть слышный разрыв. Кого убило? Какую Маруску, Евлоху, Гапку, Приску, Ок-сану? Чью хату зажгло? Чьих сирот сделало навеки непримир-имыми, жаждущими мщения... «бандитами»?

— Они все, батенька, бандиты — все. Огоны! Трехдоймовики работают точно, отчетливо. Но отчего так долго?

— Приказано семьдесят снарядов.

— Зачем так много?

— А куда их деть? Все равно дальше не повезем... Мулы падают...

Значит, для облегчения мулов. По всей деревне. По русско-му народу, за который мы же умираем... (...)

...

Хоронили нашего квартирьера. Опять убили в деревне. Нель-зя в одиночку. Он сунулся ночью в деревню. Устроили засаду — убили. Кто — неизвестно. Выбросили тело на огород, собаки стали есть труп. Ужасно...

Опускают в могилу. Тут несколько офицеров, командир полка.

Могилу засыпают местные мужики. Первые попавшиеся в первой хате. Один из них в новых сапогах. Тут же солдат в старых.

— А вы, мерзавцы, убивать умеете... А в новых сапогах ходите... Снимай сейчас, — отдай ему!

— Господин полковник, да разве я убивал? Я бы их, прокля-тых, сам перевешал...

— Снимай, не разговаривай, а не то...

Снимает. Раз командир полка приказывает, да еще при та-ком случае — не поговоришь...

А на деревню маложить контрибуцию!

Весело вскакивает на лошадей конвой командира полка — лхкие «лабины»... Мгновение, и рассыпались по деревне. И в ту же минуту со всех сторон подымается стон, рыдания, крики, жалобы, молибы... Какая-то старуха бежит через дорогу, бросается в ноги... Целая семья воет вокруг уводимой коровы.

А это еще что? Черный дым взвился к небу. Неужели зажгли?

Да... Кто-то отказался дать корову, лошадей... И вот...

Могилу квартирьера засыпают... Завтра в следующей дерев-не убьют нового... Там ведь уже будут знать и о сапогах и о контрибуции... А если не будут знать о нас, то ведь впе-реди идут части, перед которыми мы младенцы... Мы ведь «один из лучших полков»...

«...БЫЛ ПРОСВЕЩЕНЬЯ

Прогрессивный книгоиздатель, меценат, действительный член Академии Художеств, страстный театрал, знаток русской истории и культуры...

Солдатенков Козьма Терентьевич никакого образования не получил. Он был еще обучен русской грамоте и всю юность провел в «малышках» за прилавком в магазине своего отца — богатого купца-старообрядца. Получал от него медные гроши на прокормление в торговых рядах. После смерти отца стал обладателем крупного состояния.

«Простой здравый смысл, доброе отзывчивое сердце и врожденное инстинктивное стремление к свету вывели Козьму Терентьевича еще в молодые годы из окружавшей его тьмы на широкую дорогу народного просветителя» — писал о Солдатенкове известный актер М. Щепкин.

Солдатенков-младший считал главным делом своей жизни — издание книг. Недавно мы их вновь увидели на стендах выставки в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, приуроченной к 170-летию известного книгоиздателя.

Первая книга, изданная К. Т. Солдатенковым в феврале 1856 года — «Стихотворения» А. Кольцова. Затем — собрание сочинений В. Г. Белинского в двенадцати томах. Имя крупного русского этнографа А. Н. Афанасьева стало известно широкому читателю после издания Солдатенковым его «Русских народных сказок» и «Русских народных легенд». Цензор, разрешивший издание «Народных русских легенд», был уволен. Желая сохранить издание неприкосновенным, Солдатенков выпустил в свет «Народные русские легенды», напечатав новый титульный лист с пометкой «Лондон, 1859». Любопытно, что цензурный комитет, спустя пять лет после запрещения легенд, все еще вел переписку о привлечении Афанасьева и Солдатенкова к судебной ответственности.

Солдатенков выпустил целую библиотеку переводов зарубежной научной литературы (более ста названий), и в этом равного ему не было ни среди прежних русских издателей, ни среди его современников. Он привлекал лучшие переводческие силы того времени. Переводы выполнялись тщательно и с необыкновенной точностью. Солдатенковское издание «Римской истории...» Гиббона имело большой успех у русских читателей. В личной библиотеке А. М. Горького было три экземпляра солдатенковских изданий.

К. Т. Солдатенков всю жизнь состоял в переписке со многими литераторами и художниками. В 1894 году по просьбе Л. Н. Толстого он издает «Крестьянские рассказы» С. Т. Семеева. Предисловие к книге написал сам Лев Николаевич.

Благодаря Солдатенкову выходили в свет книги нуждающихся, малоизвестных авторов. «Считаю своим непереманным долгом — писала составительница

одного сборника Мария Корсаки — изъять мою глубокую признательность многоуважаемому К. Т. Солдатенкову, великодушно предложившему мне издать мой труд, которому иначе не пришлось бы появиться в печати вследствие ограниченности моих материальных средств». Такие письма часто получал Солдатенков.

За финансовой поддержкой в деле выпуска своих книг к нему обращались И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский. По определению К. С. Станиславского он был издателем «тех книг, которые не могли рассчитывать на большой тираж, но были необходимы для науки или вообще для культурных образовательных целей».

Как многие прогрессивные люди того времени, Солдатенков не мог быть не «замечен» полицией. Подтверждение тому — представленный на выставку «Список должностных лиц и членов комитета грамотности в Москве, известных своей неблагонадежностью». Список прилагался к секретной записке, направленной в департамент полиции. Под номером 103 указана фамилия Солдатенкова.

Козьма Терентьевич был членом почти всех московских обществ (приют арестантских детей, богадельня при Басманной больнице, Яузское городское попечительство о бедных, Общество для пособия нуждающимся студентам Московского Университета). Благодаря поддержке Солдатенкова в селе Кунцево возникает первое благотворительное общество, имеющее целью «удовлетворения средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных, проживающих на территории московского уезда». Там же, в Кунцево, Солдатенков основал сельскую школу.

Наследовав состояние от отца и продолжая его увеличивать, издатель расходовал значительные суммы на собиранье личной библиотеки и картинной галереи, которые по завещанию он оставил Румянцевскому музею. В этой галерее было 230 картин русских художников, в том числе такие шедевры, как большой и наиболее близкий к картине эскиз «Явление Христа народу» А. Иванова, «Вирсавия» К. Брюллова, «Вловушка» П. Федотова, «Похороны» В. Петрова, «Оттепель» Ф. Васильева; работы иностранных художников, скульптуры и большое собрание рисунков и гравюр.

После смерти К. Т. Солдатенкова при Императорской Академии Наук были учреждены премии его имени за сочинения по философии и истории культуры славянских народов.

В одной из газет того времени на смерть просветителя были помещены стихи, заканчивающиеся словами:

Он, в наш сухой и черствый век,
Был просвещенья бедный воин.
Как гражданин и человек
Он светлой памяти достоин.

М. ФИЛАТОВА

БЕДНЫЙ ВОИН»

Ремарки после цитат: А — автор;
Из — название произведения;
П — персонаж.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь так от него далека! Причиной всех его бедствий была эта любовь. По ее милости война продолжалась вот уже скоро девять лет; по ее милости тетрарх состарился». — Из.

6. «Утро туманное, утро серое,
Нивы печальные, сием покрытые,
Нехоти вспоминши и время былое,
Вспоминши и лица, давно позабытые». — А.

8. «Кто шляпу спер, тот и тетку уколошил». — Из.
11. «К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набегит.
И мчится прочь, уж тлетворный». — Из.

14. «Все мы семеро суть обыкновенные воры, конечно, разных специальностей. И вот организация уполномочила нас изложить перед вашим почтенным собранием... нашу почтительную просьбу о помощи». — Из.

15. «Хорошо», — сказал Сайрес Смит. — Каким же способом вы предлагаете мне бежать? — На этом дурацком шаре, который летается здесь без всякого проку». — П.
16. «Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надписи: «Отстойм!»
А сверху «Р» прибавлено: «Отстроим!» — А.

17. «Люблю дымок спаленной жницы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез». — Из.

21. «Еще один из строя выбыл воин,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный...» (лицо, которому посвящено).
22. «Правду я говорю, не шучу: полвека счастья искали и, пока богаты были, все не находили; теперь ничего не осталось, в люди пошли жить, — такое счастье нашли, что лучше не надо». — Из.
23. «Что касается красоты этого лица, то это была греческая красота во всем ее совершенстве: большие черные бархатные глаза, прямой нос, коралловый рот и жемчужные зубы. И все это очарование было озарено весной молодости...» — П. 26. «О Сильвере

мы больше ничего не слышали. Зловещий одноногий моряк навсегда из моей жизни». — А. 27. «Он казался лет тридцати. Черты смуглого лица его были правильны и суровы. Он был высокого роста, широкоплеч, и вообще а нем изобразилась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма нисколько не покрывала его голову...» — А. 28. «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился». — А.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. «Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил времена золотые —
И сердцу стало так тепло...» (лицо, которому посвящено).

2. «Долго, долго сидел он в раздумьи и — уже наученный опытом, через столько лет — все не в силах был понять, как мог он покинуть Джемму, столь нежно и страстно им любимую, для женщины, которую он и не любил вовсе?» — П.

3. «Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд...
А по зелени цветы
Несказанной красоты». — А.

4. «В руках у него остались две вещи: наемщина — клочок бумажки с подписью «Фантина» и утешение — полторы тысячи франков». — П. 7. «...шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно незаметно, и казалось — винокуренная чалма дигалась по улице». — П. 9. «В особенности шумел журналист... Он был молод душой, но в его кудрях, как луна в джунглях, светилась лысына. — Противно на вас смотрел! — кричал он провозжающим. — Разве вы можете понять, что такое Восточная Магистраль?» — П. 10. «Дарья Александровна... стояла среди разбросанных по комнате вещей... она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня...» — П. 12. «А сказать правду — мне понравилось она потому, что полная женщина. Я большой аматер со стороны женской полноты». — П. 13. «Как он удивительно поет!... Слезы так и текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, словно матушка целует меня!» — Из. 18. «Ваш шпиль — прелестный шпиль, не более наперстка; я глядел все его: как шелковая шерстка!» — П. 19. «...он анул из кармана халата совершенно засаленную черную шапку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М»... У меня нет больше фамилии...» — П. 20. «Агафья вылезла из канавы на дорогу, отряхнула, поправила на голове платок и расстегнула волосы, постояла, посмотрела на обе стороны и вдруг как-то отчаянно, безнадежно, всплеснула руками, горько заплакала и торопливо пошла там же самым следом, где шла давеча: назад, домой в деревню». — А. 24. «Ирена снова рванулась в судорожном рывке, хотя муж держал ее обеими руками. При виде отчаяния, сотрясающего измученную женщину, ему стало страшно, как будто он — ее убийца». — Из. 25. «Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ишу славы. Когда мне удастся распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод». — П.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Горький («Девушка и Смерть»). 7. Старцев («Ионич», А. Чехов). 8. Рузавели («Витязь в тигровой шапке»). 11. Ершов («Конек-Горбунчик»). 14. «Демоны» (М. Лермонтов). 15. Ромашов («Поездик»). 16. Соколов («Судьба человека»). 17. Дуремар («Золотой кленик, или Приключения Буратино»). 20. «Городок» (А. Пушкин). 22. Бунин («Смерчок»). 23. «Дниак» (В. Осева). 26. Келлерман («Голубая лента»). 27. Чичиков («Мертвые души»). 28. Полесов («Двенадцать стульев»).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дорвард («Квентин Дорвард», В. Скотт). 2. Тибул («Три толстяка»). 3. «Отель» (А. Хейли). 4. «Ремизор». 6. «Спартак» (Р. Джованьоли). 9. Собакевич («Мертвые души»). 10. Жеромский («История греха»). 12. Волохов («Обрыв», И. Гончаров). 13. Годунов («Борис Годунов»). 18. Моитень. 19. Луконин («Парень из нашего города»). 21. Аксаков («Детские годы Багрова-внука»). 24. Чехов («Дама с собачкой»). 25. Бажов («Железковские покрывалки» из «Малахитовой шкатулки»).

ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Вопросы первого задания II тура

1. Т. В. Комарова из Брянска:
Эту книгу Владимир Ильич Ленин хотел бы «...видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата». Как называется эта книга и кто ее автор?

2. В. Д. Власенко из Хабаровска:
Известная актриса, она являлась издателем первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», участвовала в 1919 году в создании Большого драматического театра в Петрограде. Рекомендацию в партию и подпольное имя «Феномен» ей дал В. И. Ленин. Назовите эту женщину.

3. Л. В. Николаева из Москвы:
Именем этого революционера в Москве названы станция метро, площадь, ули-

ца, переулок, на Кубани — город, в Сибири — горный хребет и рабочий поселок. А вот принадлежащую его перу книгу воспоминаний на долгое время забыли, и лишь в прошлом году она была издана вновь. Что это за книга и кто ее автор?

4. С. К. Журиба из села Подгорное Львовской области:
Он прожил всего сорок лет, но за менее чем двадцатилетнюю литературную деятельность издал пятьдесят книг. Один из его рассказов любил и ценил Ленин. О каком писателе и о каком произведении идет речь?

5. С. В. Слоняева из Димитровграда Ульяновской области:
Давным-давно это место в Москве называлось Великим Торгом, затем — Троицкой площадью, позже — Пожар. А каково название площади сейчас?

6. О. Н. Нагаева из Междуреченска:
Газеты «Петербургский листок» и

«Новое время» восемьдесят лет назад писали: «Любопытный случай имел место 13 января 1909 года в судебной палате... Когда судебная палата удалится на совещание, подсудимая, владелица типографии, незаметно улизнула из зала и была такова. Приговор пришлось объявить в отсутствие обвиняемой». Кому и за что был вынесен приговор?

7. Вопрос авторам вопросов задает участник викторины Г. А. Воробьев из Каменск-Уральского:
Первый в мире электромузыкальный инструмент демонстрировался на VIII Всероссийском электротехническом съезде. Вскоре его изобретатель был приглашен на концерт в Кремль. Акомпанировала изобретателю секретарь Владимира Ильича — Л. А. Фотиева. В. И. Ленину, который присутствовал на концерте, новый инструмент понравился и он предложил изобретателю выступить в других городах страны. Кто был создатель инструмента?

А вот как описывает мистер Эшенден, от лица которого и ведется повествование, обед в доме писателя Эдуарда Дриффилда: «Обед был как раз такой, какой нужно, но не парадный: рулет из рыбного филе по молодым соусом, жареный цыпленок с молодым картофелем и горошком, спаржа, пюре из крыжовника со взбитыми сливками. И столовая, и обед, и обхождение — все в точности соответствовало положению литератора с большой слюдой, но умеренными средствами». А вот наш рассказчик в гостях уже у вдовы знаменитого старца: «Мы пошли обедать — это была добрая английская трапеза, ростбиф и йоркширский пудинг».

ДАВАЙТЕ ДРУЖИТЬ КЛУБАМИ!

Клуб книголюбів «Родник» при моторостроительном конструкторском бюро города Перми хотіли бы вести обмен опытом по організації проведення різних заходів, а також книгообмен з клубами книголюбів інших міст і окремими книголюбів.

Випускаємо пермським книжним видавцтвом прозвездження Майн Ридла, Жюль Верна, мініатюрні видання, серія «Мастера советской сатиры» и другие, пользуются большой популярностью и наверняка заинтересуют многих.

Ждем ваших писем по адресу: 614062, г. Пермь, ул. Ворошилова, 4, кв. 133 ПЕРВОВУ Александру Андреевичу, председателю клуба книголюбів «Родник»

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Всесоюзная хозрасчетная Школа Рационального Чтения приглашает на ЗАОЧНЫЙ курс обучения технике быстрого чтения. Вы научитесь читать с МИНИМАЛЬНЫМИ затратами времени и с МАКСИМАЛЬНЫМ качеством усвоения, укрепите память, разовьете внимание, овладеете навыками саморегуляции для управления своим состоянием во время умственной работы. Приобретенные во Всесоюзной ШРЧ навыки не исчезают со временем, а еще больше развиваются при чтении. У нас лучшие результаты в стране! Обучение по нашей методике доступно людям всех возрастных и профессиональных категорий! Самая низкая плата (29 рублей) — выгодно отличает наши курсы! Сервис и профессионализм обучения — гарантия Вашего успеха! Срок обучения — 3 месяца. Выдается удостоверение об окончании курса «Скорочтение. Тренировка памяти и внимания. Аутотренинг». Пишите: 113470, Москва, а/я 837, ВШРЧ. Не забудьте вложить конверт со своим адресом.

СЧАСТЛИВОГО БИЛЕТА!

Дефицитную книгу порой легче выиграть, чем купить. Только в минувшем году обладателями счастливых билетов в книжной лотерее стали более 10 млн. человек.

В этом году Госкомиздат РСФСР проводит четыре выпуска Всероссийской книжной лотереи. Среди выигрышей — «Аукцион» Ю. Семёнова, «Шпион» Ф. Купера, «Золотой гусь» братьев Гримм, собрание сочинений М. Лермонтова, А. Чехова, Н. Некрасова. Новые условия проведения книжной лотереи помогут книголюбам приобрести дефицитные издания. О выигрыше узнаешь сразу — вскрываешь билет и видишь — «счастливый» он или нет.

Книжная лотерея исключает возможность распространения книги «из-под прилавка». Книги, включенные в список, выдаются только по предъявлению выигрышного билета.

В конце года, возможно, будет проведен дополнительный выпуск книжной лотереи, в число выигрышей которой будет включен роман-хроника В. Пикуля «Нечистая сила». Книгу выпускает Красноярское книжное издательство.

Желаем книголюбам удачи!

МЕНЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Вернемся на берега туманного Альбиона. «Подávalи самый унылый английский обед». Не правда ли, эта фраза из романа «Мертвая плоть» одного из самых крупных британских сатириков XX века Ивлина Во нас не удивляет. Как-то так повелось, что английская кухня считается чуть ли не самой скучной и унылой кухней в мире. «Говядина, баранина, колдовская лососина, пирог с ревенем, пирог с крыжовником... Пробегая этот неизбежный список, я издохнул при мысли о ресторанах за углом, где была французская кухня, кипела жизнь и сидели хорошие, накрашенные женщины в летних платьях».

Эту цитату мы выудили из романа Сомерсета Моэма «Пирог и пиво или скелет в шкафу». Кстати, первая половина его заглавия не имеет никакого отношения к кулинарии: она позаимствована из шекспировской «Двенадцатой ночи» (слова сэра Тоби, обращенные к Мальволио: «Думаешь, если ты такой уж святой, то на свете не будет больше ни пирогов, ни хмельного пива?»).

А вот как описывает мистер Эшенден, от лица которого и ведется повествование, обед в доме писателя Эдуарда Дриффилда: «Обед был как раз такой, какой нужно, но не парадный: рулет из рыбного филе по молодым соусом, жареный цыпленок с молодым картофелем и горошком, спаржа, пюре из крыжовника со взбитыми сливками. И столовая, и обед, и обхождение — все в точности соответствовало положению литератора с большой слюдой, но умеренными средствами». А вот наш рассказчик в гостях уже у вдовы знаменитого старца: «Мы пошли обедать — это была добрая английская трапеза, ростбиф и йоркширский пудинг».

Что ж, как приготовить ростбиф и пудинг, вы уже знаете. Да и цыпленка с молодым картофелем заварит любая хозяйка. А вот пирог с ревенем нечасто появляется на вашем столе. Те из вас, кто выращивает это замечательное растение в своем загородном поместье, то есть, простите, на дачном участке, знают, что созревает ревеня значительно раньше многих других овощей и плодов и в этом его большая ценность. На всякий случай, учтите, что используются молодые, сочные корешки с характерным привкусом и ароматом, напоминающим яблоки. Итак: из 500 г пшеничной муки,

1 ст. л. молока, 100 г сахарного песка, 2 желтков, 100 г сливочного масла, 1/2 ч. л. соли и 30 г дрожжей приготовьте дрожжевое тесто без заправки. Взоевшее тесто положите на подтопленный лист, выровните пласт толщиной 1 см и дайте пожить. 500 г ревеня очистите от кожицы, нарежьте очень мелкими кусочками, посыпьте сахаром и дайте как следует пропитаться. Тесто посыпьте любым натертым печенем и положите сверху засахаренный ревеня. Сок, образовавшийся от засахаривания, полейте к 100 г сметаны, которая взбита с 1 яйцом и натертой лимонной коркой. Получившейся смесью залейте ревеня. Печь надо в духовке со средним жаром примерно 30 минут. Остывший пирог нарежьте продолговатыми кусочками.

И все же, боюсь, что несмотря на чудесный пирог, вы по-прежнему относитесь к английской кухне с предубеждением. Тогда давайте еще раз обратимся к роману Ивлина Во, и я попробую разубедить вас:

«Если вы не против», — сказал полковник Блаунт, — я предпочитаю не разговаривать во время еды».

И они приступили к завтраку. Завтрак длился без малого час. Они ели заварный суп и вареную рыбу, тушеную печенку и копченый бараний окорок под соусом из мадеры, фазанье жаркое и ромовый омлет, поджаренный сыр и фрукты. Пили сначала херес, потом бордо, потом портвейн...

На фоне всего этого великолепия пусть не покажется вам слишком скромным рецепт так называемых «папиных гренек по-валлийски», блюда, основной ингредиент которого — самый излюбленный в Великобритании сыр — чеддер, и которое является одним из древнейших горячих сырных блюд в мире.

Натрите на терке 250 г чеддера и распустите его на водяной бане, постепенно подливая 1/4 л пива (если у вас не окажется пива, возьмите обыкновенный эль, тоже не плохо). Постоянно перемешивая, добавьте взбитое яйцо, 1/4 ч. л. порошка горчицы: чуть-чуть соли и перца. Взбавьте до тех пор, пока не получится густой крем. Обжарьте 8 ломтиков белого хлеба, слегка намажьте маслом, а сверху положите толстый слой сырной массы. Запекайте гренки в предварительно подогретой духовке при 180° или в гриле в течение 10 минут.

С чеддером можно приготовить и омлет. Впрочем, омлет можно приготовить и с другими продуктами, и с грибами, и с крабами — в любом случае помните, что для этого нужна чуткая сковорода с выгнутыми стенками. Знаю, что никогда не моют такую сковороду, а лишь протирают ее после употребления.

Взбейте 8 яиц с 2 ст. л. сливок, 1/2 ч. л. перца, 1 ч. л. соли, добавив самую чуткую натертого мускатного ореха. Туда же положите 2/3 натертого чеддера (всего понадобится 200 г сыра). На горячую сковороду со сливочным маслом выложите полученную смесь и жарьте на небольшом огне минут 10, слегка встряхивая сковороду, чтобы начинка масса распределялась равномерно. Сверху посыпьте оставшийся сыр и запекайте еще в течение 2—3 минут. Затем сложите омлет пополам и подавайте горячим с зеленым салатом, маслинами, поджаренным картофелем и молодым горошком.

Ну вот и подошло время десерта. Что вы скажете о «торте мокко по-английски»? Если вы согласны, то вам понадобятся: для теста — 175 г масла, столько же сахара, 5 яиц, 2 ст. л. клубничного джема, по 175 г горького шоколада и муки, полпачки разрыхлителя и 50 г молодого миндаля, а для крема — по 250 г сливочного масла и сахарной пудры, 2 желтка, натертая кожура апельсина и 4 кофейных ложечки растворимого кофе.

Сахар растереть с маслом до образования пышной массы. Один за другим добавлять яичные желтки, джем и предварительно растапливаемый на водяной бане шоколад. Затем прибавить муку, разрыхлитель и миндальные орехи, а в самом конце ввести взбитые в пену белки. Смазанную жиром форму заполнить тестом и выпекать при 180° в течение 60—70 минут. Остывший торт разрезать на 4 пласта, смазать их кремом и снова сложить.

Крем готовить так: сахар растереть с сахаром до получения пышной массы, затем добавить желтки, апельсиновую цедру и растворимый кофе. Готовый торт обмазать кремом, а сверху украсить взбитыми сливками, цукатами или посыпать фисташками.

Теперь, надеюсь, вы убедились, что британская кухня значительно лучше, чем слава о ней.

С. СМЕЛЯНСКИЙ

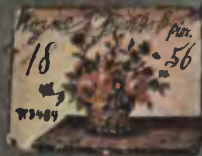

IN ORBE
LIBRORVM

ISSN 0321—0561.
В МИРЕ КНИГ 1989.
№ 4. 1—88.
Индекс 70110
90 коп.

К.С.
Записная книжка

№

С.-ПЕТЕРБУРГ.

«Прославленный питератор» Козьма Прутков всегда предоставлял художникам небывалый простор для зримого истолкования своего творчества. Вот такой увидел его «записную книжку» чешский художник Юри Шаламун.

